

В. И. Харкевичъ.

БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ

ВЪ

ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

ПОСЛЪ СОЕДИНЕНІЯ АРМІЙ ПОДЪ СМОЛЕНСКОМЪ.

Съ

приложеніемъ переписки съ Императоромъ
АЛЕКСАНДРОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая. 40.

1904.

В. И. Харкевичъ.

БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ

ВЪ

ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

ПОСЛѢ СОЕДИНЕНІЯ АРМІЙ ПОДЪ СМОЛЕНСКОМЪ.

СЪ

приложеніемъ переписки съ Императоромъ
АЛЕКСАНДРОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го Февраля 1904 года.

4887

Среди выдающихся дѣятелей великой Отечественной войны Барклаю-де-Толли принадлежит исключительное мѣсто. Въ періодъ времени, предшествовавшій разрыву съ Наполеономъ, Барклай-министръ твердой и умѣлой рукой велъ дѣло подготовки къ тяжелой борьбѣ съ грознымъ врагомъ. Съ началомъ военныхъ дѣйствій, въ первую, наиболѣе трудную, половину кампаніи Барклай - полководецъ неуклонно шелъ къ поставленной имъ цѣли и успѣлъ сохранить армию. Наконецъ, съ назначеніемъ Кутузова главнокомандующимъ, Барклай явилъ въ полномъ блескѣ свою гражданскую доблесть и самоотверженіе.

Несмотря на неоцѣнимыя заслуги Барклая-де-Толли передъ отечествомъ, до сихъ поръ не существуетъ достойной его біографіи. Помѣщенная въ извѣстномъ трудѣ „Императоръ Александръ I и его сподвижники“ уже по времени своего появленія въ свѣтъ не могла обладать необходимой полнотой. Только теперь, въ близкомъ будущемъ, издаваемые военно-ученымъ архивомъ матеріалы дадутъ возможность выяснитъ вполне роль Барклая во время Отечественной войны и вѣрными красками обрисовать его благородную личность.

Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью дать одну изъ страницъ дѣятельности Барклая въ 1812 году и обстановку, при которой ему приходилось работать послѣ соединенія армій подъ Смоленскомъ. Главнѣйшими пособіями при составленіи очерка служили, кромѣ извѣстнаго оправданія своихъ дѣйствій, представленнаго Барклаемъ Императору Александру (*Tableau des opérations militaires de la première armée*), извлеченная изъ дѣлъ военно-ученаго архива переписка Барклая съ Государемъ и появившіяся въ печати записки его адъютанта, барона Левенштерна.

I.

Вопросъ главнаго командовапія по соединеніи русскихъ армій подъ Смоленскомъ.— Характеристика Барклая.— Положеніе его во главѣ арміи.—Руководящая идея дѣйствій, принятая Барклаемъ.—Дѣйствія на Рудненской и Порѣчьской дорогахъ.—Недовольство Барклаемъ.—Наступленіе Наполеона къ Смоленску.—Дѣйствія подъ Смоленскомъ.—Отступленіе русской арміи.—Негодованіе противъ Барклая.

22 іюля подъ стѣнами древняго Смоленска совершилось соединеніе русскихъ армій. Послѣ ряда форсированныхъ маршей, цѣною уступки значительной территоріи, Барклаю и Багратіону удалось выйти изъ труднаго положенія, въ которое они были поставлены въ началѣ войны, и преградить врагу путь къ сердцу Россіи—Москвѣ. Сто-восьмидесяти тысячная армія Наполеона, утомленная тяжелой пяти-недѣльной кампаніей, пріостановила операціи и расположилась между Двиной и Днѣпромъ на линіи Суражъ - Могилевъ.

Императоръ Александръ, покидая подъ Полоцкомъ 1-ю армію, не назначилъ одного общаго главнокомандующаго на театрѣ войны. Соединеніе армій не разрѣшало вопроса объединенія власти и кому—Барклаю или Багратіону, надлежало принять начальствованіе надъ обѣими арміями. Барклай стоялъ выше по своему положенію, какъ военный министръ, какъ лицо, посвященное въ первоначальныя предпачертанія Государя и передававшее отъ его имени приказанія главнокомандующему 2 арміи, наконецъ, какъ поставленный во главѣ сильнѣйшей изъ двухъ армій. Багратіонъ былъ старше Барклая въ чинѣ и въ войну 1807 года имѣлъ его подъ своею командою.

Оба главнокомандующіе питали взаимныя неудовольствія и причину трудныхъ положеній, которыя пришлось пережить каждой арміи во время отступленія къ Смоленску, искали въ нерѣшительности дѣйствій другъ-друга. Свиданіе ихъ, казалось, совершенно разсѣяло обоюдныя недоразумѣнія.

21 іюля къ дому смоленскаго военнаго губернатора Бахметьева, гдѣ остановился Барклай, подѣхалъ Багратіонъ, опередившій свою

армію. Главпокомандующаго 2 арміи сопровождалъ его штабъ и старшіе войсковые начальники: Раевскій, Бороздинъ, Воронцовъ, Васильчиковъ и Паскевичъ. Барклай, при шпагѣ и со шляпою въ рукахъ, поспѣшилъ встрѣтить Багратіона въ дверяхъ залы, выходящихъ на лѣстницу, со словами, что онъ самъ отправлялся къ нему на встрѣчу.

Пронсшедшее свиданіе имѣло тотъ существенный результатъ, что Багратіонъ добровольно подчинился Барклаю. Оба главнокомандующіе, обмѣнявшись взаимными объясненіями и взглядами, произвели другъ на друга самое благопріятное впечатлѣніе. Багратіонъ поспѣшилъ увѣрить Государя, что онъ будетъ точно повиноваться тому, кому будетъ угодно подчинить его. Барклай съ своей стороны писалъ Императору Александру: «Отношенія мои съ княземъ Багратіономъ наилучшія. Въ князѣ я нашелъ характеръ прямой и полный благородныхъ чувствъ патріотизма. Я объяснился съ нимъ относительно положенія дѣлъ, и мы пришли къ полному соглашенію въ отношеніи мѣръ, которыя надлежитъ принять. Смѣю даже заранѣе сказать, что, такъ какъ доброе единомысліе установилось, мы будемъ дѣйствовать впредъ вполнѣ согласпо»¹⁾. По приглашенію Барклая Багратіонъ объѣхалъ съ нимъ биваки 1-й арміи и въ виду войскъ нѣсколько разъ протягивалъ ему руку, свидѣтельствуя тѣмъ о добромъ согласіи, существовавшемъ между ними²⁾.

Съ подчиненіемъ Багратіона судьбы арміи и Россіи были отданы въ руки Барклая, всего за пять лѣтъ передъ тѣмъ бывшаго только генераль-маіоромъ и шефомъ егерскаго полка, и который, благодаря расположенію Императора Александра, счумѣвшаго оцѣнить его достоинства, сдѣлалъ блистательнѣйшую карьеру.

Барклаю было 51 годъ³⁾. Его блѣдное продолговатое лицо съ высокимъ, обнаженнымъ отъ волосъ челомъ, обрамленное бакенбардами, отличалось холоднымъ спокойствіемъ чертъ и серьезнымъ,

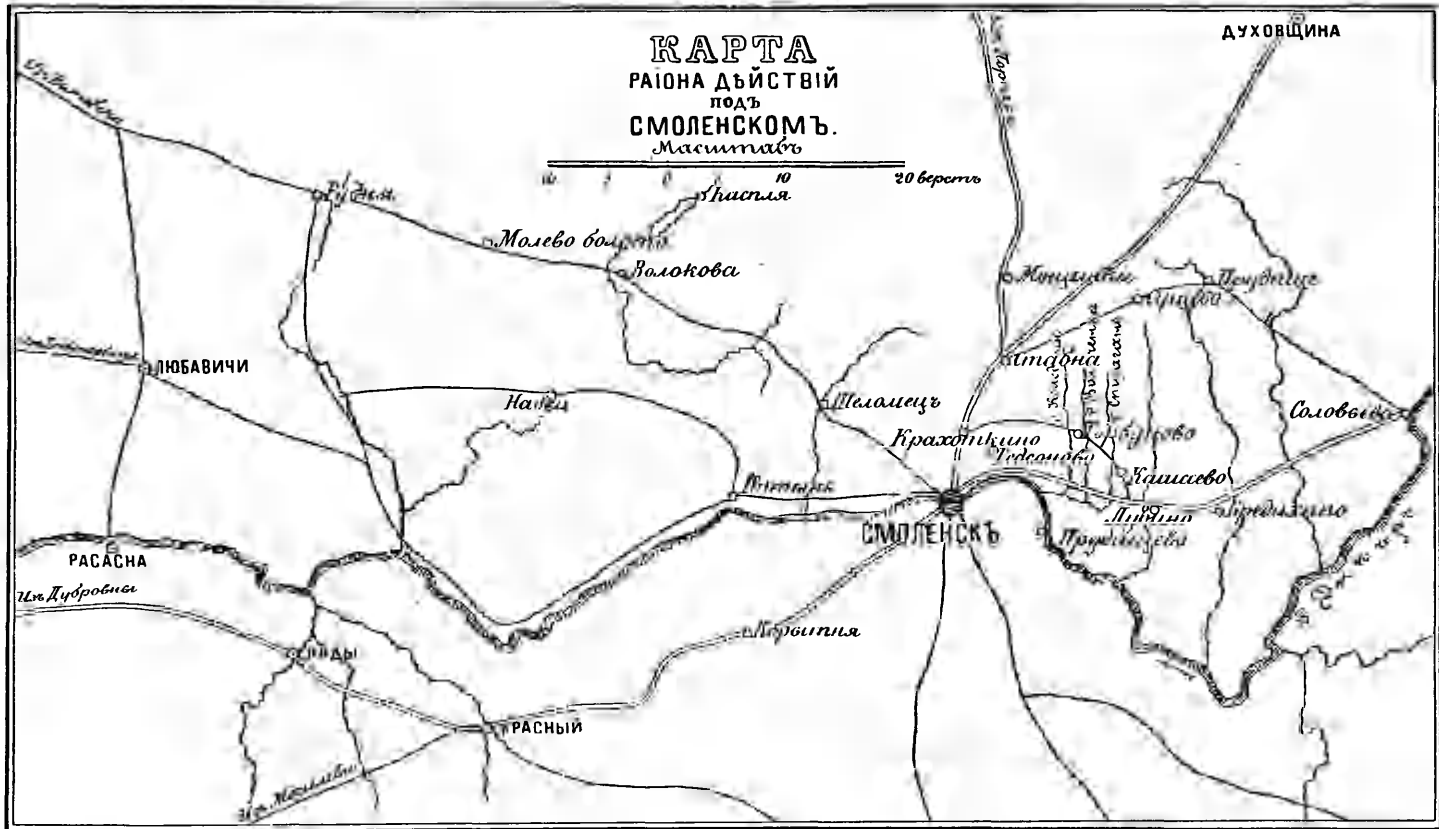
¹⁾ Письмо Барклая-де-Толли Императору Александру отъ 22 іюля.

²⁾ Воспоминанія А. С. Норова и Дневникъ Ф. Я. Мпрковича.

³⁾ Императоръ Александръ I и его сподвижники—Биографія Барклая-де-Толли. Отмѣтимъ, однако, слѣдующія противорѣчія съ указаннымъ источникомъ официальнаго характера: Въ статьѣ Ф. П. В—на, напечатанной въ «Восн. Сборн.» 1900 г., № 7, сказано, что въ 1809 году ему было 46 лѣтъ, а, слѣдовательно, въ 1812 году должно было быть 49 лѣтъ. Во всеподданнѣйшемъ прошеніи Барклая объ увольненіи его отъ службы, представленномъ въ октябрѣ 1812 года (*Н. Дубровинъ*. Сборн. ист. матер. Соб. Е. В. канцелярѣи, выпускъ 11-й), онъ писалъ: «отъ роду мнѣ 55 лѣтъ».

КАРТА
РАІОНА ДѢЙСТВІЙ
ПОДЪ
СМОЛЕНСКОМЪ.
Масштабъ

10 20 версты

ДУХОВЩИНА

ЛЮБАВИЧИ

РЯСАСНА

КРАСНЫЙ

СМОЛЕНСКЪ

СОЛОВЬИ

ЯЛОКОВА

МАЛЕВО БОЛОТО

ШАЛАИЦА

КРАСОТКИНО

ГУДАНОВО

КАШИСОВО

ЛИДИН

ПРУДЫ

Р. Десна

Р. Десна

Р. Лухвица

Р. Мезь

Р. Дубровна

Р. Мезь

Р. Лухвица

Р. Мезь

Р. Десна

Р. Десна

задумчивымъ выраженіемъ. Манера держаться прямо, спокойная поступь, многочисленныя раны, послѣдствіемъ которыхъ было то, что онъ несвободно владѣлъ правой рукой и нѣсколько прихрамывалъ — съ перваго взгляда внушали къ нему уваженіе. При всей скромности Барклая, наружность его производила величественное впечатлѣніе, и онъ казался рожденнымъ предводительствовать и повелѣвать.

Барклай не отличался блистательными способностями, но онъ обладалъ многими изъ драгоценнѣйшихъ качествъ полководца. Простой, ясный и практическій умъ его холодно оцѣнивалъ обстановку и принималъ соответствующее рѣшеніе. Предусмотрительность его обнимала все, и онъ ничего не забывалъ во время исполненія. Самостоятельность его была безусловна: взгляды, которые онъ высказывалъ, и рѣшенія, которыя принималъ, были ли они хороши или дурны, были его собственные, и никто изъ окружающихъ не могъ сказать, что имѣлъ на него вліяніе. Непокколебимая настойчивость Барклая въ преслѣдованіи поставленной цѣли не знала преградъ. Полное самообладаніе и спокойствіе въ самыя тяжелыя, рѣшительныя минуты были изумительны. На полѣ битвы онъ видѣлъ все и съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ распоряжался всемъ подъ самымъ сильнымъ огнемъ ¹⁾. «Храбрости необычайной: не разумѣть опасности, недоступенъ страху», характеризуетъ его Ермоловъ ²⁾, котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Барклаю.

Неутомимый въ походѣ, Барклай почти все время проводилъ верхомъ и слѣзалъ съ коня только для того, чтобы засѣсть за кабинетную работу. Равнодушіе его ко всему, что касалось его личныхъ удобствъ, было полное. Большею частью находился онъ при аррьергардѣ, располагаясь бивакомъ подъ открытымъ небомъ, и скромный обѣдъ его нерѣдко прерывался близостью противника.

Строгій къ себѣ, требовательный, но справедливый къ другимъ, Барклай умѣлъ водворить и поддержать порядокъ и дисциплину въ войскахъ. Патриотъ въ лучшемъ смыслѣ слова, онъ исполнялъ свой

¹⁾ «Въ продолженіи всей моей боевой жизни, пишетъ И. П. Липранди, мнѣ встрѣчалось видѣть много храбрыхъ (я разумѣю тутъ и мужество и сохраненіе присутствія духа въ величайшихъ опасностяхъ), но такія качества, какъ въ князѣ Воронцовѣ, я встрѣчалъ только у Барклая-де-Толли и у графа П. П. Палена. Въ нихъ не замѣчалось никакого измѣненія ни въ рѣчахъ, ни въ расположеніи духа, ни въ движеніяхъ, ни въ самыхъ фізіономіяхъ». (И. П. Липранди. Война 1812 года. Замѣчанія на книгу Богдановича.)

²⁾ Записки Алексѣя Петровича Ермолова.

долгъ, никогда не думая о себѣ. Характеръ его отличался возвышенностью чувствъ. Зависть, неудовольствіе, интриги — никогда не находили мѣста въ его благородномъ сердцѣ.

Не смотря на всѣ свои выдающіяся достоинства, не смотря на свою почетную боевую репутацію, Барклай, однако, не пользовался популярностью въ арміи. Его холодная внѣшность не была способна создать ему приверженцевъ среди подчиненныхъ. Скромный и молчаливый, онъ не умѣлъ сказать во время ласковаго, привѣтливаго слова, которое такъ цѣнится солдатомъ. Наконецъ, было еще одно неблагоприятное для Барклая обстоятельство — его нерусское имя въ русской народной войнѣ.

Положеніе Барклая съ соединеніемъ армій подъ Смоленскомъ, не смотря на объединеніе власти въ его рукахъ, оказалось весьма труднымъ. Подчиненіе Багратіона было довольно условно. Оно было сдѣлано не повелѣніемъ Государя, а принято Багратіономъ по собственному побужденію. Главнокомандующій 2-й арміей сохранялъ всѣ свои права и самостоятельность, предоставленныя ему закономъ, и непосредственно дѣлалъ представленія Государю. Требования и указанія Барклая являлись для него обязательными лишь на столько, на сколько онъ признавалъ ихъ самъ. Необходимое согласіе и единство дѣйствій могли быть обезпечены лишь при условіи извѣстной уступчивости Барклая въ нѣкоторыхъ вопросахъ и устраненіи всего того, что могло задѣть самолюбіе Багратіона, т. е. такимъ образомъ дѣйствій, который совершенно не отвѣчалъ прямому, суровому и холодному характеру Барклая¹⁾.

Положеніе Барклая и помимо его отношеній къ Багратіону было далеко не изъ легкихъ. Непрерывное отступленіе 1-й арміи вызвало въ ней неудовольствіе, которое постепенно росло и въ Смоленскѣ начало проявляться ропотомъ въ войскахъ и жалобами въ Петербургъ на дѣйствія главнокомандующаго. Неожиданная карьера Барклая, обязаннаго своимъ возвышеніемъ исключительно своимъ личнымъ достоинствомъ и волѣ монарха и не имѣвшаго никакой опоры въ близкихъ къ престолу лицахъ, возбудила зависть и доставила ему много враговъ. Присутствіе императорской главной квартиры, оставленной Государемъ при отъѣздѣ изъ арміи, являлось для Барклая также источникомъ немалыхъ непріятностей. При

¹⁾ «Мнѣ слѣдовало, писалъ Барклай, исполнять обязанность, для меня непонятную и совершенно противную нраву и чувствамъ моимъ». (*Барклай-де-Толли. Tableau des opérations militaires de la première armée.*)

ней находилось много высокодоставленныхъ лицъ: бывшій главнокомандующій въ войну 1807 года Беннигеенъ, снѣдаемый честолюбіемъ и втайнѣ мечтавшій занять мѣсто Барклая; литовскій генераль-губернаторъ Корсаковъ — извѣстный цюрихскій неудачникъ; шведъ Армфельдтъ, скорѣе искусный въ интригѣ дипломатъ, нежели военный; герцогъ Александръ Виртембергскій и принцъ Августъ Ольденбургскій, близкіе Императору Александру по своимъ родственнымъ связямъ. Всѣ эти лица, не занимавшіе опредѣленнаго положенія въ арміи, но стремившіеся играть роль, громко проповѣдывали свои мнѣнія и критиковали каждое распоряженіе, каждый новый шагъ главнокомандующаго. Среди флигель-адъютантовъ и въ штабахъ обѣихъ армій они имѣли приверженцевъ, которые наводняли канцелярію Барклая и занимались сборомъ и распространеніемъ извѣстій о предположеніяхъ главнокомандующаго.

Враги и недовольные Барклаемъ находили опору въ цесаревичѣ Константиѣ Павловичѣ, питавшемъ сильную неприязнь къ военному министру. Начальникъ штаба 1-й арміи Ермоловъ, представитель русской партіи и ненавистникъ нѣмцевъ, также относился враждебно къ Барклаю.

Соединеніе армій только усилило интриги. Барклай прибѣгъ къ крутой мѣрѣ. Онъ выслалъ изъ арміи флигель-адъютантовъ: князя Любомирскаго, графовъ Враницкаго и Потоцкаго, Влодека и нѣкоторыхъ другихъ. Мѣра эта, хотя и принесла извѣстную пользу, но увеличила число враговъ Барклая въ приближенномъ къ Императору Александру кругу. Притомъ корень зла сидѣлъ гораздо глубже. Барклай, при всемъ желаніи, не считалъ себя вправѣ удалить особъ болѣе высокаго званія, по приглашенію или съ согласія Государя состоявшихъ при главной квартирѣ.

Общій голосъ считалъ соединеніе армій предѣломъ ихъ отступленія. Самъ Барклай, повидимому, держался того же взгляда. Еще при движеніи къ Смоленску онъ писалъ Государю, что армія горитъ желаніемъ драться и что, по соединеніи съ Багратиономъ, онъ будетъ въ состояніи «рѣшительно перейти къ наступленію и нанести противнику чувствительнѣйшіе удары». Между желаніями арміи и ея главнокомандующаго была, однако, существенная разница. Армія хотѣла рѣшительнаго боя, генеральнаго сраженія; Барклай имѣлъ въ виду лишь частный переходъ въ наступленіе на короткое разстояніе.

6 іюля, покидая армію и садясь въ карету, Императоръ Александръ сказалъ провожавшему его Барклаю: «Поручаю вамъ мою

армію. Не забывайте, что у меня нѣтъ другой, и пусть мысль эта никогда васъ не оставляетъ»¹⁾). Сказанныя Государемъ слова, напомиравшія о необходимости прежде всего сохраненія арміи, были отраженіемъ той идеи, которая глубоко коренилась въ немъ—идеи уклоненія отъ боя и отступленія, дѣйствуя на противника пространствомъ и лишеніями. Почти одновременно, хотя и въ другой формѣ, та же мысль высказана была князю Багратіону, которому Императоръ Александръ писалъ: «Вся цѣль наша должна къ тому клониться, чтобы выиграть время и вести войну, сколько можно продолжительную»²⁾).

Барклай всецѣло принадлежалъ къ числу сторонниковъ идеи борьбы съ Наполеономъ путемъ уклоненія отъ рѣшительнаго боя и отступленія вглубь страны. Мысль эта была выражена имъ извѣстному историку Нибуру еще въ 1807 году. Барклай высказалъ тогда, что, если бы ему пришлось дѣйствовать противъ Наполеона, онъ велъ бы отступательную войну, увлекъ бы грозную французскую армію въ сердце Россіи, даже за Москву, истощилъ бы и разстроилъ ее и, наконецъ, воспользовавшись суровымъ климатомъ, заставилъ бы Наполеона на берегахъ Волги найти вторую Полтаву. Впослѣдствіи, по вступленіи своемъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, онъ представилъ Императору Александру докладъ, въ которомъ проводилъ мысль, что первое упорное сопротивленіе противнику должно было быть оказано на оборонительныхъ линіяхъ—Двины и Днѣпра, прпчемъ главной базой въ его соображеніяхъ являлась Москва — «главное хранилище, изъ котораго истекають дѣйствительные къ войнѣ способы и силы»; какъ способъ дѣйствій.

¹⁾ *M. H. Weil. Mémoires du général-major russe baron de Löwenstern.*

²⁾ Рескриптъ Императора Александра князю Багратіону отъ 5 іюля. Императоръ Александръ передъ отъѣздомъ изъ арміи цѣлый часъ провелъ въ помѣщеніи, занимаемомъ главнокомандующимъ. Содержаніе разговора Государя съ Барклаемъ, веденнаго съ глазу на глазъ, осталось неизвѣстнымъ. Но несомнѣнно, что въ числѣ указаний Императора Александра было уклоненіе отъ генеральнаго сраженія до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ рассчитывать на успѣшный его исходъ. Подтверженіемъ служатъ слѣдующія слова письма Ермолова Государю изъ Молочпокъ, во время наступательныхъ дѣйствій подъ Смоленскомъ: «Главномандующій, согласуясь съ обстоятельствами, елико возможно, уклоняться будетъ генеральнаго сраженія и безъ крайней и неизбежной необходимости на оное ни подъ какимъ видомъ не рѣшится. Онъ не скрылъ отъ меня на то волю Вашего Величества. (Н. Дубровинъ. Собрн. ист. мат. Соб. Е. В. канц. вып. 11-й). То же указаніе находимъ въ письмѣ Багратіона Ростопчину отъ 14 августа: «Барклай говоритъ, что Государь ему запретилъ давать рѣшительныя сраженія и все убѣгаетъ». (Н. Дубровинъ. Отечественная война въ письмахъ современниковъ).

въ томъ же докладѣ устанавливалось: уклоненіе отъ рѣшительнаго боя и отступление, ослабленіе противника дѣйствіями легкихъ войскъ и лишеніе его возможности пользоваться средствами края¹⁾.

Вынужденный противъ воли принять нѣкоторыя идеи Фуля, односторонняго ученаго педанта, чуждаго всякой практической дѣятельности, Барклай былъ обреченъ на выполненіе плана, извѣстнаго въ исторіи Отечественной войны подъ именемъ плана Фуля. Но онъ считалъ долгомъ бороться съ нимъ, внося измѣненія, которыхъ требовала обстановка. Онъ былъ противъ поспѣшнаго, безостановочнаго отступления къ Дриссѣ и опъ же былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ очищенія знаменитаго Дрисскаго лагеря. Если бы по его настоянію, то съ полнаго его сочувствія было рѣшено движеніе на Витебскъ въ цѣляхъ соединенія со 2-ю армією Багратиона.

По отъѣздѣ Императора Александра, въ нервомъ же письмѣ Барклай спѣшилъ успокоить Государя относительно характера своихъ дѣйствій. «Съ дѣйствіями моими противъ непріятельскихъ силъ, писалъ опъ, будутъ нераздѣльны самыя тщательныя заботы о сохраненіи и спасеніи арміи»²⁾. Проникнутый мыслью о необходимости самой строгой осторожности, Барклай прибылъ къ Смоленску. Но съ соединеніемъ обѣихъ армій обстановка и ему представлялась благопріятной для наступленія. Опъ стоялъ во главѣ 120,000 чел., сосредоточенныхъ подъ Смоленскомъ. Противникъ, сила котораго въ главной квартирѣ Барклая опредѣлялась той же цифрой, т. е. значительно слабѣе дѣйствительной, предполагался разбросаннымъ по длинной дугѣ отъ Порѣчья до Могилева.

Тотчасъ же по соединеніи армій, генераль-квартирмейстеръ 1-й арміи Толъ выработалъ планъ дѣйствій и представилъ его главнокомандующему. Планъ заключался въ быстромъ и рѣшительномъ наступленіи всѣми силами на Рудню съ тѣмъ, чтобы, разбивъ и прорвавъ центръ Наполеона, занять внутреннее положеніе по отношенію къ остальнымъ корпусамъ французской арміи и бить ее по частямъ.

Барклай призналъ планъ Толя слишкомъ рискованнымъ. Опъ предусматривалъ возможность уклоненія отъ боя со стороны войскъ,

¹⁾ Записка военнаго министра «О защитѣ западныхъ предѣловъ Россіи», доложенная Императору Александру 2-го марта 1810 года (*Михлаевскій*. «Матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба». «Отечественная война 1812 года», отд. I, т. I, ч. II).

²⁾ Письмо Барклая-де-Толли Императору Александру отъ 12-го іюля.

занимавшихъ Рудненскую дорогу, приче́мъ энергичное наступленіе нашей арміи по этой дорогѣ подвергало ее опасности удара въ тылъ со стороны Порѣчья. Онъ полагалъ, поэ́тому, необходимымъ прежде всего исполнѣть обезпечить свою операцію съ праваго флага, разбивъ лѣвое крыло французской арміи, и, уже затѣмъ, наступать по Рудненской дорогѣ, т. е. останавливался на планѣ болѣе сложномъ, медленномъ, а потому и болѣе опасномъ.

Планъ Толя встрѣтилъ полное сочувствіе въ Багратионѣ и цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, и, по настоянію послѣдняго, Барклай собралъ 24-го іюля военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе: цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Багратионъ, начальники штабовъ армій — Ермоловъ и С. При, генералъ-квартирмейстеры — Толь и Вистицкій, и флигель-адъютантъ Вольцогенъ, пользовавшійся извѣстнымъ довѣріемъ Барклая.

Всѣ приглашенные, за исключеніемъ Вольцогена, предложившаго укрѣпить Смоленскъ и, оставаясь у послѣдняго, выжидать хода событій, согласились съ мнѣніемъ Толя. Барклай закончилъ совѣтъ слѣдующими словами: «Императоръ, вѣривъ мнѣ въ Полоцкѣ армію, сказалъ, что у него нѣтъ другой для дѣйствій противъ Наполеона. Съ уничтоженіемъ арміи Россія погибла; напротивъ, сохранивъ ее, всегда можно надѣяться на лучшее. Я долженъ дѣйствовать съ величайшею осторожностью и всѣми способами стараться избѣжать ея пораженія. Поэ́тому, вамъ будетъ понятно, что я не могу съ своей стороны не колебаться пачать наступательныя дѣйствія. Пусть графъ С. При и полковникъ Толь разработаютъ проектъ наступленія на Рудню, и я посмотрю, насколько оно удобоисполнимо» ¹⁾).

Въ тотъ же день вечеромъ, выслушавъ С. При и Толя, Барклай остановился на рѣшеніи произвести наступленіе къ Руднѣ, но отнюдь не удаляясь болѣе трехъ переходовъ отъ Смоленска. Онъ тутъ же высказалъ ту мысль, которая явилась руководящей при исполненіи составленнаго плана и которая опредѣлила весь характеръ послѣдующихъ его дѣйствій: «Мы будемъ имѣть дѣло съ предприимчивымъ полководцемъ, который, конечно, не упуститъ случая обойти противника и тѣмъ вырвать у него изъ рукъ побѣду» ²⁾).

26-го іюля началось наступательное движеніе къ Руднѣ. Но

¹⁾ *Wolzogen. Memoiren.*

²⁾ *Bernhardi. Denkwürdigkeiten des kais. russ. Generals von der Infanterie Carl Friedrich Grafen von Toll. Барклай-де-Толли. Tableau des opérations.*

«два арміи сдѣлали одинъ переходъ, какъ полученныя донесенія приводятъ Барклая къ убѣжденію, что значительныя силы противника сосредоточены на его правомъ флангѣ, и дальнѣйшее наступленіе въ направленіи на Рудню только облегчитъ обходъ этого фланга. Барклай возвращается къ рѣшенію, которое у него назрѣвало уже ранѣе до обсужденія дѣлъ въ военномъ совѣтѣ—необходимости прежде всего обезпечить операцію со стороны Порѣчья и, уже затѣмъ, наступать на Рудню. Онъ дѣлаетъ распоряженія для перемѣщенія главной массы своихъ силъ—1-й арміи, на Порѣчьскую дорогу, что и исполняется въ теченіи 27-го и 28-го іюля. Между тѣмъ 27-го іюля, не доходя Рудни, Платовъ при Молевомъ Болотѣ наноситъ пораженіе кавалерійской дивизіи Себастьяни.

Рѣшеніе Барклая отказаться отъ наступленія на Рудню и движеніе на Порѣчьскую дорогу возбудило сильнѣйшее неудовольствіе въ арміи. Удачное дѣло Платова казалось счастливымъ предзнаменованіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Распоряженія главнокомандующаго подверглись самой рѣзкой критикѣ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Багратіонъ, Ермоловъ, Толь—громко высказывали свое глорианіе.

Случилось еще одно обстоятельство, которое произвело самое дурное впечатлѣніе и заставило раздаться въ арміи страшное слово «измѣна».

Въ Молевомъ Болотѣ, въ домѣ, гдѣ стоялъ Себастьяни, былъ захваченъ портфель съ бумагами, въ числѣ которыхъ оказалось предупрежденіе изъ главной квартиры Мюрата быть осторожнымъ въ виду предполагаемаго наступленія русскихъ. То было общее распоряженіе по кавалеріи, но оно было истолковано, какъ результатъ откуда-то полученнаго свѣдѣнія о только что задуманномъ наступленіи. Случай этотъ бросилъ сильную тѣнь подозрѣнія на близкихъ Барклаю лицъ, поспвшихъ иностранныя фамиліи, а особенно на тѣхъ, которые, какъ Вольцогепъ, незадолго передъ войною перешли на русскую службу.

Три дня простояли главныя силы 1-й арміи на Порѣчьской дорогѣ и 2-й арміи— на Рудненской дорогѣ. Поступавшія донесенія удостовѣрили ошибочность предположенія о присутствіи значительныхъ силъ противника у Порѣчья. Было выяснено, напротивъ, что французская армія сосредоточивается между Бабиновичами, Любавичами и Дубровпою.

Барклай обращается къ предположенію, что Наполеонъ намѣревается отрѣзать отъ Смоленска ту часть русской арміи, которая

распространилась по направленію къ Порѣчью. Придя къ этому заключенію, Барклай останавливается на рѣшеніи сосредоточить обѣ арміи на Рудненской дорогѣ, на сильной позиціи у Волоковой, и прибываетъ туда съ 1-й арміей 2-го августа.

Передвиженія взадъ и впередъ съ Рудненской на Порѣчьскую дорогу, совершавшіяся по распустившимся дорогамъ, утомляли войска. Перемены позицій безъ всякой видимой причины представлялись непонятными и обнаруживали колебанія главнокомандующаго. По названію деревни Шеломецъ, часто встрѣчавшемуся въ диспозиціи для походнаго движенія, солдаты прозвали эти движенія «ошеломѣлыми».

Нерѣшительность Барклая, частыя измѣненія распоряженій, безрезультатныя марши—возбудили въ арміи неудовольствіе противъ главнокомандующаго, тѣмъ болѣе, что съ фланговъ театра войны поступали извѣстія объ одержанныхъ успѣхахъ, которые старались представить возможно болѣе блестящими. Къ этому присоединились указанія Государя, выражавшаго надежду, что соединеніе армій будетъ началомъ наступательныхъ дѣйствій.

Особенно велико было раздраженіе противъ Барклая со стороны Багратіона. «Попросите его (Барклая), писалъ 29-го іюля Багратіонъ Ермолову, чтобы меня разрѣшилъ и по пустякамъ армію не изнурялъ, или поручить другому, а меня уволить». «Истинно я самъ не знаю, писалъ онъ на слѣдующій день, что мнѣ дѣлать съ нимъ и о чемъ онъ думаетъ»? Наконецъ, 31-го іюля Багратіонъ, не только не испросивъ разрѣшенія главнокомандующаго, но даже не предупредивъ его о своемъ намѣреніи, отвелъ 2-ю армію къ Смоленску, оставивъ у Волоковой лишь сильный авангардъ. Такимъ образомъ, Багратіонъ, подчинившись добровольно Барклаю, не замедлилъ показать ему, что считаетъ его предписанія обязательными для себя, лишь на столько, на сколько они согласуются съ его собственными воззрѣніями.

Въ то время, когда русскія арміи совершали безплодныя движенія между Рудненской и Порѣчьской дорогами, Наполеонъ энергично приводилъ въ исполненіе составленный имъ планъ. Онъ оставилъ на рѣшеніи сосредоточить свою армію къ правому флангу, перебросить ее на лѣвый берегъ Днѣпра, двинуться къ Смоленску и атаковать русскую армію.

2-го августа вся французская армія уже переправилась черезъ Днѣпръ, и многочисленная ея конница атаковала подъ Краснымъ оградъ Невѣровскаго, оставленный для охраны путей отъ Орши на

Смоленскъ вдоль лѣваго берега рѣки. Послѣ геройскаго боя съ подавляющимъ численностью противникомъ Невѣровскій совершилъ свое знаменитое отступление и 3-го августа отошелъ къ Смоленску.

Багратионъ, по предложенію Барклая, выступившій изъ подъ Смоленска на соединеніе съ 1-й арміей, при первомъ извѣстіи о паступленіи французовъ въ значительныхъ силахъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра, повернулъ назадъ корпусъ Раевского. Раевскій соединился съ Невѣровскимъ и занялъ для обороны Смоленскъ.

4-го августа слѣдовавшій въ авангардѣ французской арміи корпусъ Нея попытался овладѣть городомъ, но былъ отраженъ. Прибывшій къ передовымъ войскамъ Наполеонъ отложилъ атаку до слѣдующаго дня—до сосредоточенія своей арміи.

Между тѣмъ подкрѣпленія уже спѣшили къ Раевскому. Сперва Багратионъ, а затѣмъ Барклай, которому донесеніе Невѣровскаго раскрыло глаза, двинулись форсированными маршами къ Смоленску. Вечеромъ 4-го августа обѣ арміи расположились на высотахъ праваго берега Днѣпра противъ города.

Русская армія вышла изъ критическаго положенія, въ которое она была поставлена маневромъ Наполеона. Своевременное прибытіе къ Смоленску давало возможность припять мѣры къ сохраненію сообщеній съ Москвою. По взаимному соглашенію Барклая съ Багратиономъ было принято рѣшеніе, по которому 2-я армія должна была въ ту же почъ выступить по дорогѣ на Дорогобужъ и обезпечить сообщенія 1-й арміи съ Москвою, а 1-я армія должна была оставаться у Смоленска, удерживая городъ и прикрывая движеніе 2-й арміи.

Придя къ соглашенію относительно ближайшихъ дѣйствій, оба главнокомандующіе, повидимому, съ самаго начала преслѣдовали совершенно различныя цѣли. Барклай стремился лишь выиграть путь отступленія на Москву и предполагалъ удерживать Смоленскъ только до тѣхъ поръ, пока 2-я армія не обезпечитъ этотъ путь. Багратионъ, напротивъ, смотрѣлъ на свое движеніе, какъ на средство исправить стратегическое положеніе русскихъ армій подъ Смоленскомъ, и имѣлъ въ виду упорное удержаніе занятыхъ позицій у Смоленска и вверхъ по Днѣпру.

Результатомъ принятаго рѣшенія было приказаніе Раевскому выступить изъ Смоленска на присоединеніе къ 2-й арміи. Оборона города была возложена на корпусъ Дохтурова, усиленный дивизіями Невѣровскаго и Коновницына.

Бой 5-го августа начался утром вылазкой, произведенной Дохтуровымъ съ цѣлью овладѣть предмѣстьями, занятыми частью французами въ теченіе ночи. Въ 8 часовъ утра цѣль эта была достигнута послѣ незначительной перестрѣлки. Наступило временное затишье. Французская армія грознымъ полукружіемъ охватила городъ. Около полудня Наполеонъ отдалъ приказанія для штурма.

До поздняго вечера продолжались ожесточенныя атаки французъ. Но крѣпко стояли твердыни Смоленска. Барклай, наблюдавшій за ходомъ боя съ батареи на правомъ берегу Днѣпра противъ предмѣстья Раченки, своевременной присылкой подкрѣплений далъ возможность Дохтурову отразить всѣ нападенія противника и удерживать городъ.

Успѣшная оборона Смоленска въ высокой степени подняла духъ русской арміи. Войска, сражавшіяся 5-го числа, прониклись убѣжденіемъ въ невозможности для противника сломить ихъ сопротивление; остальные горѣли желаніемъ раздѣлить славу товарищей. Общее мнѣніе требовало продолженія обороны города.

Сэръ Робертъ Вильсонъ, англійскій военный агентъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшій къ арміи, посланный Барклаемъ въ городъ справиться о положеніи дѣлъ, привезъ ему увѣренія Дохтурова, принца Евгенія Виртембергскаго и другихъ начальствующихъ лицъ, что «они готовы держаться еще десять дней, если ихъ снабдятъ продовольствіемъ». Багратіонъ, отошедшій со 2-ю арміею вверхъ по Днѣпру за р. Колодню, сдѣлалъ письменно свои представленія главнокомандующему, убѣждая продолжать оборону Смоленска и, затѣмъ, атаковать противника. Нѣкоторые лица, во главѣ которыхъ стоялъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, шли еще далѣе. Они высказывали, что необходимо воспользоваться истощеніемъ противника въ безплодныхъ штурмахъ и подъемомъ нравственнаго духа войскъ, перейти рѣку съ арміею и рѣшительно дебушировать изъ города.

Совершенно иначе смотрѣлъ на положеніе дѣлъ Барклай. Онъ считалъ поставленную цѣль достигнутою. 2-я армія своимъ движеніемъ успѣла прикрыть дорогу на Москву, и дальнѣйшее удержаніе Смоленска, неизбежно приводившее къ напрасной потерѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, могло легко подвергнуть большой опасности войска, назначенныя для обороны города.

Когда сэръ Робертъ Вильсонъ передалъ ему слова старшихъ начальниковъ, участвовавшихъ въ оборонѣ города, что очищеніе Смоленска произведетъ невыгодное нравственное впечатлѣніе въ стражѣ.

Барклай возразилъ, что съ этой стороны нечего опасаться, потому что онъ позаботился о спасеніи чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери, присутствіе которой въ глазахъ православныхъ единственно придаетъ значеніе городу ¹⁾.

Пользовавшійся общею любовью и расположеніемъ самаго главнокомандующаго начальникъ артилеріи 1-й арміи графъ Кутайсовъ принялъ на себя доложить ему отъ лица старшихъ начальниковъ просьбу ихъ и желаніе, чтобы оборона Смоленска продолжалась. Внимательно выслушалъ его Барклай и ласково, но твердо, отвѣчалъ ему: «Пусть всякій дѣлаетъ свое дѣло, а я сдѣлаю свое» ²⁾.

Принявъ рѣшеніе очистить Смоленскъ, Барклай послалъ приказаніе Дохтурову отвести войска на правый берегъ Днѣпра и уничтожить мосты. Распоряженіе объ оставленіи города возбудило сильный ропотъ среди старшихъ начальствующихъ лицъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Беннигсенъ и многіе другіе генералы отправились къ главнокомандующему, убѣждая его отмѣнить отданныя приказанія. Барклай остался непоколебимъ. Съ достоинствомъ и твердостью отклонилъ онъ настойчивыя ходатайства и, сознавая неудобства подобныхъ обращеній, подрывавшихъ его авторитетъ, тутъ же предложилъ Великому Князю отправиться въ Петербургъ для доставленія Государю бумагъ первостепенной важности, которыя не могли быть довѣрены другому лицу ³⁾.

Барклай рѣшился отступать на Москву. Наиболѣе простымъ и цѣлесообразнымъ приведеніемъ въ исполненіе этого рѣшенія было движеніе въ ночь же съ 5-го на 6-е августа вслѣдъ за Багратиономъ по большой Московской дорогѣ. Не смотря на близость послѣдней на нѣкоторомъ разстояніи къ Днѣпру, отступленіе по ней могло быть исполнено безопасно, потому что опшченіе Смоленска и движеніе арміи были бы скрыты отъ противника, который, притомъ, не имѣлъ переправъ для перехода на правый берегъ Днѣпра. Барклай остановился на болѣе сложномъ маневрѣ. Опъ рѣшился, присоединивъ войска, оборонявшія Смоленскъ, расположиться съ арміей на Петербургской дорогѣ на высотахъ праваго берега Днѣпра и, проведя въ этомъ расположеніи цѣлый день, только въ ночь съ 6-го на 7-е августа перейти съ Петербургской на Московскую дорогу.

¹⁾ *Sir Robert Wilson*. Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte.

²⁾ Изъ памятныхъ записокъ графа Павла Христофоровича Граббе.

³⁾ *Bernhardi*. Toll's Denkwürdigkeiten.

Объясненіе принятаго главнокомандующимъ рѣшенія слѣдуетъ отчасти искать въ желаніи его возможно долѣе оставить въ неизвѣстности противника относительно дѣйствительнаго направленія отступленія арміи. На это указываетъ не только расположеніе послѣдней на Петербургской дорогѣ, но и приказаніе, данное арьергарду, съ началомъ движенія отходить по Петербургской дорогѣ и, уже пройдя нѣкоторое разстояніе, повернуть на присоединеніе къ арміи: Рѣшеніе Барклая находитъ также отчасти объясненіе въ желаніи избѣгнуть крайняго утомленія войскъ, совершившихъ форсированный маршъ при движеніи къ Смоленску, послѣ чего около трети арміи приняло участіе въ упорномъ бою 5-го августа. Но едва-ли не болѣе правильнымъ будетъ объяснить рѣшеніе Барклая тѣмъ нравственнымъ состояніемъ, которое онъ пережилъ въ часы, предшествовавшіе очищенію Смоленска. У него хватило характера пойти наперекоръ общему желанію арміи, сохранить полное самообладаніе и поддержать свой авторитетъ, какъ главнокомандующаго, при объясненіи со старшими начальниками. Но несомнѣнно, что такіе результаты могли быть достигнуты только послѣ сильной внутренней работы, которая должна была отразиться на послѣдующихъ распоряженіяхъ Барклая.

Въ ночь съ 5-го на 6-е августа Дохтуровъ оставилъ Смоленскъ и уничтожилъ за собою переправы. Французы съ разсвѣтомъ заняли городъ. Весь день 6-го августа съ обѣихъ сторонъ продолжалась перестрѣлка. Французы утвердились въ тетъ-де-понѣ на правомъ берегу Днѣпра, но не предприняли ничего рѣшительнаго.

Для перехода съ Петербургской на Московскую дорогу 1-я армія получила приказаніе слѣдовать двумя колоннами: правая, подъ командой Дохтурова—черезъ Стабну, Суцово и Прудиче къ Соловьевой Переправѣ, и лѣвая, подъ командой Тучкова 1-го—черезъ Крахоткино, Горбуново, Кашаево къ Лубинскому перекрестку и далѣе черезъ Бредихино къ Соловьевой Переправѣ. Сдѣланныя распоряженія приводили къ совершенію фланговаго марша по отношенію къ французской арміи, сосредоточенной у Смоленска. Понятно, какое важное значеніе для безопасности марша получило прочное занятіе и упорное удержаніе Московской дороги въ ближайшихъ окрестностяхъ Смоленска. Задача эта была возложена на 2-ю армію. По соглашенію Барклая съ Багратиономъ, послѣдній, выступивъ 6-го августа къ Соловьевой Переправѣ, долженъ былъ оставить сильный арьергардъ для прикрытія Лубинскаго перекрестка до выхода на Московскую дорогу 1-й арміи.

Предусмотрительный Барклай, потому-ли, что онъ подозрѣвалъ возможность неточнаго исполненія со стороны Багратіона принятаго имъ на себя обязательства, или желалъ обезпечить на случай необходимости скорѣйшую поддержку оставленному для прикрытія его марша отряду 2-й арміи, выслалъ заблаговременно по пути, назначенному для слѣдованія лѣвой колонны, особый авангардъ подъ командою Тучкова 3-го. Въ 8 часовъ утра 7-го августа Тучковъ послѣ труднаго ночного перехода по проселочнымъ дорогамъ достигъ Лубинскаго перекрестка. Здѣсь онъ не нашелъ уже арьергарда 2-й арміи, который, согласно полученнаго отъ Багратіона разрѣшенія, какъ только узналъ о приближеніи головныхъ войскъ 1-й арміи, выступилъ къ Соловьевой Переправѣ. Тучковъ рѣшился прикрыть Лубинскій перекрестокъ и повернулъ къ сторонѣ Смоленска. Полученныя вслѣдъ за тѣмъ донесенія о наступленіи французовъ заставили его расположиться на позиціи за р. Волченкою.

Между тѣмъ главныя силы 1-й арміи наканунѣ вечеромъ двумя колоннами выступили съ Петербургской дороги. Правая колонна безпрепятственно исполнила переходъ и достигла назначеннаго ей для ночлега пункта. Лѣвая колонна, при которой находился самъ главнокомандующій, къ утру 7-го августа оказалась неожиданно въ крайне опасномъ положеніи.

Назначенные къ слѣдованію въ головѣ лѣвой колонны 1 кавалерійскій и III пѣхотный корпуса выступили съ биваковъ точно въ указанный часъ. Затѣмъ долженъ былъ идти IV пѣхотный корпусъ, который опоздалъ выступленіемъ и былъ причиною образовавшагося между нимъ и III корпусомъ разрыва. Независимо того, при выступленіи IV корпуса произошелъ беспорядокъ. Входившія въ составъ его войска были двинуты на избранную для слѣдованія колонны дорогу по нѣсколькимъ путямъ, большею частью неудовлетворительнымъ, сбились съ направленія и потеряли между собою связь. Въ результатъ только часть IV корпуса вытянулась по дорогѣ на Горбуново.

Барклай, выѣхавшій въ полночь и рассчитывавшій найти войска впереди, къ крайнему своему удивленію узналъ, что II корпусъ, составлявшій хвостъ колонны, еще не выступалъ съ бивака, задержанный движеніемъ IV корпуса. Главнокомандующій поручилъ Ермолову схватить въ голову колонны и ускорить, насколько возможно, ея маршъ, а самъ остался при II корпусѣ.

Между тѣмъ задніе эшелоны IV корпуса окончательно сбились съ дороги и цѣлую ночь блуждали вмѣстѣ съ слѣдовавшимъ за нимъ

II корпусомъ въ районѣ между Крахоткинымъ, Горбуновымъ и Гедеонымъ. Въ 6-мъ часу утра хвостъ колонны, выйдя изъ лѣсу, оказался у Гедеонова, всего въ полутора верстахъ отъ Петербургскаго предмѣстья, впереди котораго въ густыхъ колопахъ стоялъ уже корпусъ Нея.

Съ разсвѣтомъ 7-го августа корпуса Нея и Даву и конница Мюрата перешли черезъ Днѣпръ у Смоленска. Корпусъ Жюно получилъ приказаніе направиться вверхъ по рѣкѣ къ Прудищеву, навести тамъ мосты и перейти на правый берегъ. Конница должна была освѣтить дороги на Москву и Петербургъ, а корпусъ Нея—взять направленіе въ промежутокъ между этими дорогами.

Барклай, оказавшійся съ разсвѣтомъ близъ Гедеонова, быстро оцѣнилъ критическое положеніе, въ которомъ очутилась армія. Цѣлая ночь непрерывнаго движенія привела часть ея къ первоначальному пункту выступленія. Многіе полки блуждали въ лѣсу, и даже было неизвѣстно, гдѣ они находились. Требовались быстрыя и отвѣчавшія обстановкѣ мѣры, чтобы предупредить грозившую опасность. Барклай оказался вполне на высотѣ своего положенія. Онъ не потерялъ отличавшаго его самообладанія и тотчасъ же отдалъ приказанія.

Необходимо было прежде всего прикрыть движеніе арміи на случай наступленія французовъ изъ Петербургскаго предмѣстья. Съ этою цѣлью изъ ближайшихъ оказавшихся подъ рукою войскъ былъ созданъ импровизированный боковой арьергардъ, командованіе которымъ было ввѣрено принцу Евгенію Виртембергскому. Барклай приказалъ ему занять высоты у Гедеонова и удерживать противника во что бы то ни стало, холодно пояснивъ, что дѣло идетъ о спасеніи арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ приказаніе арьергарду Корфа, слѣдовавшему за правой колонной, идти кратчайшимъ путемъ къ Гедеонову для поддержки принца Евгенія Виртембергскаго, и разослалъ адъютантовъ разыскивать сбившіяся съ пути войска и направлять ихъ па Горбуново и Московскую дорогу.

Едва отрядъ принца Евгенія Виртембергскаго успѣлъ развернуться на позиціи, какъ войска Нея двинулись впередъ и атаковали его. Завязался упорный бой. Въ 10-мъ часу утра положеніе сдѣлалось тяжелымъ. Слабый отрядъ принца Евгенія Виртембергскаго изнемогалъ въ неравномъ бою. Барклай, наблюдавшій за ходомъ боя съ высоты позади Гедеонова, прислалъ сказать принцу Евгенію, что судьба арміи въ его рукахъ.

Минута была критическая, когда подоспѣли первыя подкрѣпле-

нія. Затѣмъ подошелъ арьергардъ Корфа. Барклай развернулъ его на возвышенностяхъ позади Гедеонова и, такъ какъ всѣ войска успѣли уже вытянуться на Лубино, отдалъ приказаніе принцу Евгению Виртембергскому начать отступление на Горбуново. Кризисъ у Гедеонова миновалъ, но онъ назрѣвалъ у Лубина, куда и поспѣшилъ Барклай.

Съ окончаніемъ боя у Гедеонова, корпусъ Нея двинулся по Московской дорогѣ и около полудня подошелъ къ позиціи, занятой Тучковымъ. До 3-хъ часовъ дня удерживался послѣдній, пока, наконецъ, все усиливавшійся противникъ и донесеніе о переправѣ корпуса Жюно у Прудичева не заставили его отойти на позицію за р. Страганъ. Съ 5-ти часовъ дня и до глубокой темноты продолжался упорный бой впереди Лубинскаго перекрестка. Французы получили значительныя подкрѣпленія, но и наши войска усиливались по мѣрѣ дебушированія лѣвой колонны на Московскую дорогу. Постепенно сосредоточились на позиціи III и IV пѣхотные и I кавалерійскій корпусы, и прибылъ Барклай, принявшій руководство боемъ.

Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ распоряжался главнокомандующій подъ гранатнымъ и картечнымъ огнемъ. Около 7-ми часовъ вечера французы повели атаку всѣми силами на центръ и правый флангъ, и оборонявшія позицію войска, истомленные продолжительнымъ боемъ, сдали подъ натискомъ превосходнаго противника. Французы быстро подавались впередъ. Но Барклай сосредоточилъ противъ нихъ огонь нѣсколькихъ батарей и, обнаживъ шпагу, повелъ на встрѣчу резервы. Завязался упорный рукопашный бой, и стремленіе противника было остановлено.

Съ выходомъ на Московскую дорогу всѣхъ войскъ лѣвой колонны цѣль боя была достигнута. Въ теченіи ночи Барклай распорядился снятіемъ съ позиціи и отправкой впередъ всей артилеріи. Съ разсвѣтомъ начали отступление остальные войска. 9-го августа 1-я армія перешла Днѣпръ по четыремъ мостамъ у Соловьевой Переправы, а 2-я армія въ тотъ же день достигла Дорогобужа.

Еще изъ Смоленска Барклай отправилъ офицеровъ квартирмейстерской части для осмотра и выбора позицій на Московской дорогѣ. Произведенная развѣдка указала на двѣ позиціи: при Усвятыѣ за р. Ужей и при Царевѣ-Займицѣ. 10-го августа 1-я армія сосредоточилась на позиціи за р. Ужей, и Барклай, найдя ее выгодной, предложилъ Багратіону вернуться назадъ и присоединиться къ нему.

Наполеонъ первоначально сдѣлалъ распоряженія для преслѣдованія отступавшей русской арміи только авангардомъ. Онъ колебался нѣкоторое время между двумя рѣшеніями — остановиться въ Смоленскѣ или же продолжать наступленіе. Колебаніе, однако, не было продолжительно. Смѣлые, широкіе планы наиболѣе отвѣчали его искусству. Могущество его было основано на блестящихъ успѣхахъ, и только громовые удары могли поддержать обаяніе его власти. И вотъ, когда онъ почти одновременно получилъ успокоительныя извѣстія съ фланговъ театра войны и донесенія изъ авангарда о томъ, что русская армія остановилась у Усвятыя и, повидимому, намѣрена принять бой, онъ рѣшился идти впередъ.

Барклай, однако, стремился еще уклониться отъ рѣшительной развязки и отъ принятія генеральнаго сраженія. Онъ послалъ Милорадовичу, формировавшему резервный корпусъ, приглашеніе расположиться между Гжатскомъ и Вязьмой, имѣя въ виду тѣмъ обезпечить себѣ опору и подкрѣпленіе на Московской дорогѣ, и писалъ Государю: «Во избѣжаніе риска преждевременнаго принятія боя, имѣя постоянно дѣло съ непріателемъ, превосходнымъ въ силахъ, я постараюсь вмѣстѣ съ княземъ Багратиономъ уклониться отъ генеральнаго сраженія»¹⁾. Поэтому, когда Багратионъ нашелъ позицію за р. Ужей невыгодною и предложилъ отойти къ Дорогобужу, и въ то же время получено было донесеніе о движеніи корпуса вице-короля отъ Духовщины на Дорогобужъ въ обходъ праваго фланга арміи, Барклай отдалъ приказанія для отступленія.

12 августа армія прибыла къ Дорогобужу. Осмотрѣвъ позицію, предложенную Багратиономъ, Барклай призналъ ее неудовлетворительною и рѣшился продолжить отступленіе до Царева-Займища.

Чувство нашего народнаго патріотизма было глубоко оскорблено оставленіемъ Смоленска. Отступленіе отъ границы было встрѣчено несочувственно, по оно въ глазахъ массы до извѣстной степени оправдывалось раздѣленіемъ армій. Послѣ успѣха, какимъ являлась оборона Смоленска, отступленіе представлялось постыднымъ, унижительнымъ.

Самъ Государь склонялся къ мнѣнію, что уже настало время прекратить отступленіе. 30 іюля онъ писалъ Барклаю: «Я не могу умолчать, что, хотя по многимъ причинамъ и обстоятельствамъ при началіи военныхъ дѣйствій нужно было оставить предѣлы нашей земли, однако же не иначе, какъ съ прискорбною, долженъ былъ

¹⁾ Письмо Барклая-де-Толли Императору Александру отъ 10 августа.

видѣть, что сѣн отступательныя движенія продолжались до самаго Смоленска»... «Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя, по словамъ вашимъ, почитаю теперь уже начатыми».

Армія, начиная отъ Багратіона и кончая послѣднимъ солдатомъ, была недовольна Барклаемъ. Багратіонъ въ письмахъ своихъ Аракчееву, Ростопчину и Ермолову давалъ полную волю своему негодованію: «Вождь нашъ—по всему его поступку съ нами видно—не имѣетъ вождельннаго разсудка, или же лисица»... «Я повинуюсь къ несчастію чухонцу; все боится драться»¹⁾. «Воля ваша, писалъ онъ 9 августа изъ Дорогобужа Ермолову, отсюда ни шагу назадъ, а ежели вы прочь, то я вамъ оставляю армію и поѣду тотчасъ къ Государю, донесу, что это нарочно дѣлають для гибели Россіи». Не ограничиваясь письмами, Багратіонъ не стѣснялся открыто порицать дѣйствія главнокомандующаго, и голосъ любимаго вождя, пользовавшагося широкой популярностью въ арміи, подрывалъ послѣднее довѣріе къ Барклаю.

По примѣру Багратіона другіе старшіе начальники громко обивпаяли главнокомандующаго въ нерѣшительности, трусости передъ противникомъ, въ отсутствіи патріотизма.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ подъ Смоленскомъ, подѣхавъ къ толпѣ жителей, собравшихся возлѣ одной изъ гвардейскихъ батарей, сказалъ имъ: «Что дѣлать, друзья! Мы не виноваты. Не допустили насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ, а мы, и больно, но должны слушать его! У меня не менѣе вашего сердце надрывается»²⁾.

По оставленіи Смоленска, Платовъ въ присутствіи сэра Роберта Вильсона сказалъ главнокомандующему: «Я никогда не надѣну болѣе русскаго мундира, потому что онъ сдѣлался позорнымъ»³⁾.

Негодование противъ Барклая все росло. Армія глухо роптала. Въ гвардіи сочинялись противъ главнокомандующаго и отступленія стихи, получавшіе широкое распространеніе⁴⁾. Солдаты, пере-

¹⁾ *Дубровинъ*. Отечественная война — письма Багратіона Ростопчину въ концѣ іюля и началѣ августа.

²⁾ Записки И. С. Жиркевича.

³⁾ *Wilson*. Narrative of events. Фактъ этотъ Вильсонъ подтвердилъ въ донесеніи своемъ лорду Каткарту отъ 22-го августа и. ст.

⁴⁾ Одно изъ такихъ стилотвореній, получившее начало подъ Смоленскомъ, приводитъ Муравьевъ (Записки Николая Николаевича Муравьева):

Les ennemis s'avancent à grands pas.
Adieu Smolensk et la Russie!

дѣлывая его фамилію, называли его въ насмѣшку: «Болтай да и только». Между ними носилась молва, что онъ нѣмецъ, подкупленъ Бонапартомъ и измѣняетъ Россіи. Обвиняли его за то, что онъ отдалъ Смоленскъ, что пошелъ по Петербургской дорогѣ и тѣмъ чуть не погубилъ армію. Подъ Дорогобужемъ, когда главнокомандующій въ темнотѣ проѣзжалъ мимо полковъ, шедшихъ по большой дорогѣ, изъ толпы солдатъ раздался голосъ: «Смотрите, смотрите, вотъ ѣдетъ измѣнщикъ!», и слова эти были приправлены солдатскою бранью ¹⁾).

Общественное мнѣніе также рѣзко высказывалось противъ Барклая. Все громче раздавались голоса изъ Москвы и Петербурга, требовавшіе прекращенія гибельнаго отступленія, отдававшего городъ за городомъ, одну область за другою, въ руки дерзкаго врага. «Наше отступленіе къ Дорогобужу, писалъ Багратіонъ Барклаю, уже все привело въ волненіе. Насъ винятъ единогласно, и, когда узнають, что мы приближаемся къ Вязьмѣ, вся Москва подыметъ противъ насъ» ²⁾).

Въ груди Барклая происходила сильная борьба—борьба чувства съ разсудкомъ. Общественное мнѣніе, воинственное настроеніе арміи, собственная неустранимость — побуждали его помѣряться съ врагомъ; благоразуміе требовало уклоненія отъ боя. Наконецъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что откладывать далѣе рѣшеніе невозможно. «Непріятель слишкомъ близокъ къ сердцу Россіи, писалъ онъ 10 августа Ростопчину, и, сверхъ того, мы принуждены всѣми обстоятельствами взять сію рѣшительную мѣру (генеральное сраженіе), ибо въ противномъ случаѣ арміи были бы подвержены сугубой по-

Barclay toujours évite les combats
Et tourne ses pas en Russie.
N'en doutez pas, car de son grand talent,
Amis, vous ne voyez que les prémices.
Il veut, dit-on changer dans un instant
Tous ses soldats en écrevisses.
Ses aides-de-camp, trottant à ses côtés,
Jaloux de le suivre en vitesse,
Il leur disait: Oh, mes amis,
Ayez pitié de ma vieillesse.

Съ отходомъ къ Вязьмѣ, свидѣтельствуеть Граббе, въ главной квартирѣ пѣли:

Vive l'état militaire
Qui promet à nos souhaits
Les retraites en temps de guerre
Les parades en temps de paix.

¹⁾ Н. Е. Митаревскій. «Воспоминанія о войнѣ 1812 года».

²⁾ Воен. Учен. Арх. Д. № 1881.

гибели и безчестію» ¹⁾). Онъ сознаеть, что его отступление успѣло припести свои плоды. Армія сохранена, готова усилиться резервами и горить желаніемъ отомстить дерзкому пришельцу. Противникъ ослабленъ, и прежняя огромная несоразмѣрность силъ исчезла. Позиція при Царевѣ-Займищѣ представляетъ значительныя выгоды, и на ней дастъ онъ рѣшительный отпоръ врагу.

Но судьба не судила Барклаю довести до конца начатое имъ дѣло. 15 августа онъ получилъ рескриптъ Императора Александра, извѣщавшій о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ всѣми силами, дѣйствующими на театрѣ войны, а 17 августа новый главнокомандующій прибылъ въ Царево-Займище.

II.

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ.—Прибытіе арміи на Бородинскую позицію. Просьба Барклая объ увольненіи его отъ службы.—Сраженіе при Бородинѣ.—Отступление арміи послѣ Бородинскаго сраженія.—Позиція подъ Москвою.—Мнѣніе Барклая о невозможности принятія на ней боя.—Военный совѣтъ въ Филяхъ.—Движеніе арміи на Рязанскую дорогу и къ Красной Пахрѣ.—Оставленіе Барклаемъ арміи.—Заслуга Барклая въ Отечественную войну.

Со времени соединенія нашихъ армій подъ Смоленскомъ жалобы на нерѣшительность Барклая, на несогласія его съ Багратиономъ, на отсутствіе единства въ операціяхъ и вообще на неудачный ходъ дѣйствій—во множествѣ поступали въ Петербургъ. Письма, получавшіяся изъ арміи отъ Цесаревича Константина Павловича, Багратиона, Беннигсена, Ермолова и другихъ лицъ, согласно свидѣтельствовали о недовольствѣ арміи и недовѣрїи ея къ главнокомандующему. Нѣкоторыя заявленія были непосредственно обращены къ самому Государю.

«Государь, писалъ 27-го іюля начальникъ штаба 1-й арміи Ермоловъ, нужно единоначаліе» ²⁾). «Если Ваше Императорское Величество не дадите общаго главнокомандующаго надъ обѣими арміями, пишетъ 31-го іюля генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ, ручаюсь моею честью и совѣстью, дѣло можетъ быть безвозвратно потеряно. Оно ухудшается изо-дня въ день. Армія недовольна до того, что солдаты ропщутъ. Она не имѣетъ никакого довѣрїя къ главнокомандующему... Нуженъ другой главнокомандующій, главнокомандующій надъ обѣими арміями; необходимо, чтобы

¹⁾ *Дубровинъ*. Отечественная война.

²⁾ Воен. Учен. Арх. д. № 5827.

Ваше Императорское Величество назначили его, не теряя ни минуты, иначе Россія погибла ¹⁾»).

При всемъ расположеніи Императора Александра къ Барклаю и уваженіи, которое онъ питалъ къ его военнымъ способностямъ, Государь видѣлъ, что Барклай лишился довѣрія арміи. Москва и Петербургъ единогласно называли Кутузова, какъ единственнаго человѣка, который могъ спасти Россію. Императоръ Александръ уступилъ общественному мнѣнію и поручилъ комитету изъ высшихъ сановниковъ избрать главнокомандующаго. Выборъ палъ на князя Кутузова, и Государь утвердилъ этотъ выборъ.

Получивъ извѣстіе о назначеніи Кутузова, Барклай послѣшилъ написать Государю письмо, полное самоотверженія и благороднаго патріотизма. Выразивъ чувства радости по поводу рѣшенія, принятаго Государемъ, назначить общаго главнокомандующаго надъ всѣми арміями, онъ заявлялъ свое желаніе пожертвованіемъ жизни доказать готовность служить отечеству. «Въ настоящую минуту было бы измѣной, писалъ онъ, не желать понять опасности, въ которой находится отечество, и необходимости пожертвовать ему всѣмъ». Не стремясь оправдать своихъ дѣйствій во главѣ арміи, онъ, однако, высказывалъ убѣжденіе, что они были правильны: «Не хочу въ настоящую минуту, когда дѣла скоро получатъ рѣшеніе, говорить о дѣйствіяхъ ввѣренной мнѣ арміи. Успѣхъ докажетъ, могъ-ли я сдѣлать что-нибудь лучшаго для спасенія государства. Если бы я былъ руководимъ безразсуднымъ и легкомысленнымъ честолюбиемъ, Ваше Императорское Величество получили бы, можетъ быть, немало донесеній о данныхъ сраженіяхъ, и, тѣмъ не менѣе, непріятель очутился бы подъ стѣнами Москвы, не встрѣтивъ достаточныхъ силъ для сопротивленія ²⁾»).

Сознавая необходимость объединенія власти на театрѣ войны въ рукахъ лица, самое старшинство котораго давало ему необходимый авторитетъ въ глазахъ главнокомандующихъ частными арміями, Барклай, однако, испыталъ разочарованіе—чувство, вполне естественное со стороны человѣка, который дѣйствовалъ, строго сообразуясь съ указаніями Государя и собственнымъ убѣжденіемъ, и неожиданно увидѣлъ себя устраненнымъ отъ дѣла. На него произвела также тяжелое впечатлѣніе форма, въ которой было сдѣлано назначеніе Кутузова. Онъ узналъ о послѣднемъ почти въ самую ми-

¹⁾ *Дубровинъ*. Отечественная война.

²⁾ Письмо Барклая-де-Голиа Императору Александру отъ 16-го августа.

нута прибытія Кутузова въ армію и видѣлъ въ этомъ выраженіе къ себѣ недовѣрія. Затѣмъ рескриптъ Государя новому главнокомандующему, въ сущности весьма сдержанно упоминавшій о малой успѣшности военныхъ операцій ¹⁾, былъ истолкованъ имъ какъ выраженіе неодобренія его дѣйствій. Наконецъ, даже въ извѣщеніи Государя о назначеніи Кутузова, заканчивавшемся весьма обыденной фразой о вознагражденіи будущихъ заслугъ, Барклай усмотрѣлъ унижительную оцѣнку его побужденій при исполненіи имъ своихъ обязанностей.

Вѣсть о назначеніи Кутузова была принята съ восторгомъ арміей. Радость, изображавшаяся на всѣхъ лицахъ, не могла не отражаться болью въ сердцѣ Барклая. Каждый новый день подливалъ горечи. Прибылъ Кутузовъ, и первые слова, обращенныя къ выставленному ему почетному караулу были: «Какъ можно отступать съ такими молодцами!» Слова эти были сказаны съ цѣлью поднять нравственный духъ войскъ и конечно не имѣли въ виду Барклая, но они все-таки являлись укоромъ по адресу стараго главнокомандующаго. Послѣдовалъ рядъ распоряженій, подрывавшихъ авторитетъ Барклая, какъ командующаго арміей. У него былъ взятъ генераль-квартирмейстеръ Толь, и другого генераль-квартирмейстера на его мѣсто не было назначено. Начальникомъ главнаго штаба при Кутузовѣ былъ избранъ Беннигсепъ, враждебно относившійся къ Барклаю, и ему были непосредственно подчинены всѣ офицеры квартирмейстерской части, находившіеся при войскахъ. Войска получали помимо Барклая приказанія именемъ Кутузова не только отъ Беннигсена и дежурнаго генерала Кайсарова, но и отъ другихъ лицъ, состоявшихъ при главной квартирѣ.

Кутузовъ осмотрѣлъ позицію при Царевѣ-Займицѣ, нашелъ ее выгодною и ускорилъ работы по ея укрѣпленію, но на слѣдующій день неожиданно отдалъ приказанія для отступленія къ Гжатску.

Отступая шагъ за шагомъ и прикрываясь арьергардомъ Коиовницына, армія 22 августа прибыла на Бородинскую позицію. Въ тотъ же день Барклай объѣхалъ ту часть ея, которая предназначалась для занятія и обороны 1-й арміей, и распорядился объ усиленіи праваго фланга укрѣпленіями и засѣками.

¹⁾ «Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ нашихъ дѣйствующихъ армій, писалъ Государь, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ мнѣ той быстрой дѣятельности, съ каковою-бы надеяло дѣйствовать на пораженіе непріятеля». (Сборн. ист. матер. Соб. Е. В. канцеляріи, выпускъ 1-й).

Позиція, на которой былъ принятъ бой, находилась въ 10 верстахъ къ западу отъ Можайска. Простираясь на 7 верстъ, она упиралась правымъ флангомъ въ р. Москву, лѣвымъ—въ д. Утицу. На правомъ флангѣ позиція прикрывалась р. Колочей, въ центрѣ — частью р. Колочей, частью ручьемъ Семеновскимъ и Каменкой. У села Бородина она пересѣкалась новою Смоленскою дорогою, а у деревни Утицы—старою, и обѣ онѣ соединялись у Можайска. Важнѣйшими пунктами позиціи являлись: высоты у д. Горки, гдѣ у большой дороги были насыпаны двѣ батареи; возвышенный курганъ въ центрѣ, на которомъ былъ выстроенъ люнетъ, получившій названіе батареи Раевского; возвышенности впереди д. Семеновскаго, усиленные тремя флешами. Стратегическимъ ключемъ позиціи являлся лѣвый флангъ; значеніе главнаго тактическаго ключа принадлежало батареѣ Раевского. Сильная на правомъ флангѣ и отчасти въ центрѣ, позиція была слаба на лѣвомъ, особенно въ направленіи старой Смоленской дороги, гдѣ укрѣпленій не было возведено.

1-я армія Барклая получила приказаніе оборонять правый флангъ и часть центра позиціи — до батареи Раевского. Крайній правый флангъ до Горокъ заняли II и IV пѣхотные корпуса, отъ Горокъ до батареи Раевского расположился VI корпусъ; конница стояла во второй линіи.

2-я армія Багратіона занимала расположеніе отъ батареи Раевского включительно до Семеновскихъ флешей.

Общій резервъ составляли III и V корпуса у д. Князькова.

24 августа, преслѣдуя отступавшій арьергардъ Коновницына и приблизившись къ Бородинской позиціи, французы перешли черезъ р. Колочу у д. Валуевой. Здѣсь на высотѣ между деревнями Шевардино и Доронино впереди лѣваго фланга 2-й арміи, былъ построенъ редутъ, занятый войсками ея, какъ передовая позиція. Въ 5 ч. дня начался и до поздней ночи продолжался упорный бой за обладаніе редутомъ, который, наконецъ, перешелъ въ руки французовъ. Войска Багратіона, участвовавшія въ бою, отступили на главную позицію. Французская армія стала биваками на обоихъ берегахъ Колочи.

Обѣ арміи стояли лицомъ къ лицу. Прежняя несоразмѣрность силъ ихъ исчезла. Французская армія продолжала превосходить численностью нашу, но превосходство это не было уже значительно.

Ближайшимъ слѣдствіемъ Шевардинскаго боя было рѣшеніе усилить лѣвый флангъ, занявъ старую Смоленскую дорогу. Вече-

ромъ 24 августа Толь, посланный Кутузовымъ, перевелъ III корпусъ къ д. Утицѣ.

Почти наканунѣ сраженія Барклаю пришлось пережить тяжелое нравственное потрясеніе. Онъ получилъ свѣдѣніе, что Кутузовъ въ мрачныхъ краскахъ представилъ Государю состояніе арміи, сланной ему Барклаемъ ¹⁾. Обвиненіе несправедливое, блистательно опровергнутое арміей въ кровавый день Бородина.

Барклай былъ приведенъ въ отчаяніе. Имѣвъ передъ глазами до сихъ поръ только опасность, угрожавшую отечеству, онъ подавилъ въ себѣ огорченіе, вызванное непріятностями, сопровождавшими назначеніе Кутузова. Но теперь онъ не въ силахъ былъ бороться съ чувствомъ глубокой скорби, охватившимъ его. 24 августа Барклай обратился съ письмомъ къ Императору Александру, умоляя освободить его «изъ этого несчастнаго положенія и совершенно уволить отъ службы». «Осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ съ этими строками, Государь, писалъ онъ, тѣмъ съ большею смѣлостью, что мы находимся наканунѣ кровавой и рѣшительной битвы, въ которой, можетъ быть, исполнятся всѣ мои желанія». Своимъ поведеніемъ подъ Бородинымъ, благородный, глубоко оскорбленный Барклай доказалъ, что выраженное имъ желаніе смерти не было пустыми словами.

25 августа обѣ стороны провели въ приготовленіяхъ къ бою. Наполеонъ остановился на рѣшеніи вести одновременно двѣ главныхъ атаки: корпусомъ вице-короля италіанскаго Евгенія на батарею Раевского, и корпусами Даву, Нея и Жюно—на Семеновскія флеши. Для содѣйствія послѣдней атакѣ онъ рѣшился направить корпусъ Понятовскаго по старой Смоленской дорогѣ.

Наступило 26 августа. Дни боя были всегда настоящими праздниками для Барклая, въ которыхъ въ полномъ свѣтѣ являлись выдающіяся его достоинства. Въ Бородинскомъ сраженіи онъ одержалъ блистательнѣйшую изъ своихъ побѣдъ—онъ вернулъ довѣріе арміи.

Было еще совершенно темно, когда Барклай, окруженный своимъ штабомъ, спустился къ нижней батарее у Горокъ. Здѣсь рѣшился онъ выждать разсвѣта. Онъ былъ въ вышитомъ генеральскомъ мундирѣ, при всѣхъ орденахъ и звѣздахъ, и въ шляпѣ съ чернымъ плюмажемъ.

Сраженіе началось на разсвѣтѣ атакѣй французовъ на селеніе

¹⁾ Письмо Барклая де-Толли Императору Александру отъ 24 августа,

Бородино, занятое гвардейскими егерями. Послѣ непродолжительнаго боя селеніе было взято, егеря выбиты, и, преслѣдуя ихъ, французы перешли по мосту черезъ Колочу. Барклай устремляетъ имъ на встрѣчу егерскую бригаду Вуича, атаку которой поддерживаетъ егерскій полкъ Карпенки. Французы были опрокинуты, и мость черезъ Колочу сожжёнъ.

По всей линіи началась жестокая артилерійская канонада и постепенно усиливавшійся ружейный огонь. Вслѣдъ затѣмъ французы стремительно атаквали Багратіоновскія флешы.

Барклай направляется къ центру, откуда было удобнѣе наблюдать за движеніями противника. Подъ градомъ рикошетирующихъ ядеръ, поминутно осыпающихъ его землю, онъ проѣзжаетъ по фронту гвардейскихъ полковъ, которые привѣтствуютъ его криками «ура».

Первая атака французовъ на Семеновскія флешы была отбита. При видѣ массы сосредоточенныхъ противъ него силъ, готовившихся возобновить ударъ, Багратіонъ притянулъ свои резервы и вторую линію корпуса Раевского. Не ограничиваясь этимъ, онъ потребовалъ, чтобы Тучковъ отрядилъ къ нему съ старой Смоленской дороги дивизію Коновницына, и обратился къ Барклаю съ просьбою о подкрѣпленіи.

Барклай тотчасъ же посылаетъ приказаніе II корпусу съ крайняго праваго фланга перейти на лѣвый. Затѣмъ онъ получаетъ вторичную просьбу Багратіона и направляетъ на Семеновскія высоты большую часть резерва. Требовалось, однако, время для прибытія этихъ подкрѣпленій, и французы, послѣ ожесточеннаго боя, овладѣли флешами. Но подходит дивизія Коновницына и выбиваетъ ихъ оттуда. Французы съ своей стороны вводятъ въ бой новыя силы и окончательно утверждаются въ укрѣпленіяхъ. Багратіонъ раненъ; его войска вынуждены очистить флешы и отходятъ на новую позицію за оврагъ у д. Семеновскаго.

Отправившись ко 2-й арміи, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, Барклай находитъ войска ея въ жаркомъ бою и сильно разстроенными и всѣ резервы израсходованными. Опасаясь, что успѣхи непріятеля угрожаютъ ему слѣва, онъ слѣшитъ назадъ, чтобы притянуть IV корпусъ къ центру и, продолживъ расположеніе VII корпуса у батареи Раевского, загнуть лѣвый флангъ назадъ. Прежде, чѣмъ это распоряженіе было приведено въ исполненіе, французы успѣваютъ овладѣть батареями Раевского.

Во время боя за Семеновскія флешы вице-король перешель

черезъ рѣку Колочу и съ трехъ сторонъ атаковалъ батарею Раевскаго. Атака была сначала отбита, но вице-король возобновилъ ее, и бригада Бонами ворвалась въ укрѣпленіе. Важнѣйшій тактичeskій ключъ нашей позиціи нерешель въ руки врага.

Оказавшійся тутъ случайно Ермоловъ, отправленный Кутузовымъ къ 2-й арміи, схватилъ попавшійся ему баталіонъ Уфимскаго полка, увлекъ за собою отступавшія войска и, ворвавшись на батарею, частью выбилъ, частью перекололъ французовъ. Барклай, съ своей стороны, съ непоколебимымъ присутствіемъ духа принялъ мѣры для содѣйствія атакѣ Ермолова. Онъ направилъ ближайшія, находившіяся подъ рукою, войска для удара во флангъ подкрѣпленіямъ, спѣшившимъ къ Бонами, и самъ поскакалъ къ II корпусу, передвигавшемуся на лѣвый флангъ.

Барклай подъѣзжаетъ къ дивизіи принца Евгенія Виртембергскаго. Въ это время непріятельскій огонь усиливается до послѣдней степени и одну за другою выноситъ жертвы изъ его свиты. Барклай отдаетъ приказаніе дивизіи повернуть и идти къ батареѣ Раевскаго. Но слѣва надвигается густое облако пыли. Раздается команда «строй каре». Точно изъ земли вырастаютъ непріятельскіе кирасиры, конно-егеря и уланы, и Барклай вынужденъ укрыться въ одномъ изъ каре¹⁾.

Атака французской конницы отражена. Въ то же время батарея Раевскаго уже перешла въ наши руки. Адъютантъ Ермолова Граббе, посланный доложить объ этомъ Барклаю, нашель его подъ картечнымъ огнемъ. Съ улыбающимся, свѣтлымъ лицомъ выслушалъ Барклай радостное извѣстіе и приказалъ Граббе привѣтствовать Ермолова съ знаменитымъ подвигомъ²⁾.

Часть дивизіи принца Евгенія Виртембергскаго была направлена для занятія позиціи лѣвѣ батареи Раевскаго, другая — продолжала движеніе на лѣвый флангъ 2-й арміи. Барклай распорядился смѣнить совершенно разстроенныя боемъ части VII корпуса у батарей Раевскаго дивизіей Лихачева VI корпуса.

Между тѣмъ у Семеновскаго кавалерійскіе корпуса Нансуги и Латурь-Мобура устремились впередъ, пытаясь сломить сопротивление нашихъ войскъ, оборонявшихъ Семеновскій оврагъ. Непріятельская артилерія выдвинулась на самый берегъ оврага, пѣхота атаковала деревню. Разстроенныя и утомленныя боемъ войска от-

¹⁾ *Helldorf*. Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg.

²⁾ Изъ памятныхъ записокъ Граббе.

разили атаки конницы, но вынуждены были нѣсколько отойти назадъ.

Одновременно съ тѣмъ подошедшія головныя войска IV корпуса, выстраиваясь лѣвѣ батареи Раевского, подверглись удару конницы Монбрена. При повторявшихся атакахъ Барклай нѣсколько разъ вынужденъ былъ искать убѣжища въ пѣхотныхъ каре. Самъ онъ и свита его приняли участіе въ рукопашной схваткѣ. При этомъ Барклай дважды подвергался серьезной опасности: одинъ разъ французскій кирасиръ занесъ уже палашъ, чтобы разрубить ему голову, но былъ застрѣленъ рейткнехтомъ Барклая; въ другой разъ его лошадь была ранена пистолетной пулей, и онъ самъ былъ бы заколотъ польскими уланами, если бы подоспѣвшіе адъютанты не выручили его¹⁾.

Поискъ, произведенный кавалеріей Уварова и казаками Платова на лѣвый берегъ Колочи, отвлекъ вниманіе французовъ и заставилъ Наполеона на два часа пріостановить рѣшительную атаку батареи Раевского. Пріостановкой этой воспользовался Барклай, чтобы усилить и привести въ порядокъ оборонявшія ее войска.

Французская артилерія участила огонь и жестоко громила батарею Раевского. Замѣтивъ пѣхотныя и кавалерійскія колонны, готовившіяся къ атакѣ, Барклай послалъ адъютанта придвинуть 1-ю кирасирскую дивизію, находившуюся въ резервѣ. Онъ стоялъ верхомъ на пригоркѣ, съ подзорной трубкой въ рукѣ, наблюдая за движеніями непріятели. Въ это время лошадь его повергнута была на землю ядромъ. Не выпуская подзорной трубы изъ рукъ, Барклай всталъ, потребовалъ новаго коня и продолжалъ хладнокровно отдавать приказанія²⁾.

Вице-король, поддержанный справа кавалеріей Монбрена, а слѣва кавалеріей Груши, рѣшительно атаковалъ батарею Раевского. Послѣ ожесточеннаго боя дивизія Лихачева была отброшена, батарея взята. Французская конница устремилась на пѣхоту IV корпуса и на находившуюся правѣ батареи дивизію Капцевича. Охваченная со всѣхъ сторонъ пѣхота мужественно отразила всѣ атаки. Между тѣмъ подошли на рысяхъ кавалергардскій и л.-гв. конный полки, и Барклай самъ повелъ ихъ противъ непріятельской кавалеріи. Вслѣдъ за гвардейскими полками двинулась и остальная конница.

Завязалось большое кавалерійское дѣло. Французская кавале-

¹⁾ *Wolzogen. Memoiren. Weil. Mémoires de Löwenstern.*

²⁾ *Липранди. Запѣчанія.*

рія вынуждена была отступить, но вице-король сильно занималъ батарею Раевского. Съ обѣихъ сторонъ продолжалась артилерійская канонада, которая съ приближеніемъ вечера стала стихать. Битва кончилась.

Барклай отправился къ нижней батарее у Горокъ. Сойдя съ коня, онъ оставался здѣсь до наступленія темноты. Онъ считалъ сраженіе выиграннымъ и надѣялся, что на слѣдующій день Кутузовъ возобновитъ бой и самъ атакуетъ противника.

Барклай отдалъ приказаніе войскамъ 1-й арміи расположиться, упиравсь правымъ флангомъ въ деревню Горки и направивъ лѣвый на Семеновское. Для облегченія занятія назначенной линіи были разложены костры. У Горокъ было приказано въ теченіи ночи построить редутъ. Дохтурову, вступившему въ командованіе 2-й арміей, Барклай предложилъ расположиться между лѣвымъ флангомъ IV корпуса и войсками II и III корпусовъ, занимавшими старую Смоленскую дорогу и къ концу боя отступившими около версты съ своей первоначальной позиціи.

О сдѣланныхъ распоряженіяхъ Барклай донесъ Кутузову, который одобрилъ ихъ и увѣдомилъ, что передъ разсвѣтомъ прибудетъ къ нему съ тѣмъ, чтобы возобновить сраженіе. Барклай не сомнѣвался въ успѣхѣ. Произведенная по его распоряженію развѣдка удостовѣрила, что французы имѣютъ па батареѣ Раевского лишь слабыя команды, которыя готовятся къ отступленію, и онъ отдалъ приказаніе Милорадовичу занять батарею па разсвѣтѣ пѣхотой и артилеріей ¹⁾.

Между тѣмъ Кутузовъ получилъ свѣдѣніе о потеряхъ, понесенныхъ въ сраженіи, и о сильномъ разстройствѣ 2-й арміи. Онъ пришелъ къ убѣжденію въ невозможности продолжать бой и сдѣлалъ распоряженія для отступленія.

Граббе, прибывшій въ Горки съ приказаніемъ объ отступленіи, нашель Барклая въ глубокомъ снѣ на полу крестьянской избы; кругомъ спали его адъютанты. Граббе тихо его разбудилъ и, подавая записку, доложилъ съ чѣмъ пріѣхалъ. Барклай вскочилъ на ноги и, всегда умѣренный и сдержанный въ выраженіяхъ, онъ рѣзко заговорилъ о Беннигсенѣ, котораго считалъ главнымъ виновникомъ рѣшеннаго отступленія. Онъ хотѣлъ тотчасъ же ѣхать къ Кутузову и упросить его отмѣнить отданное приказаніе и отказался отъ своего

¹⁾ Барклай. Tableau des opérations.

намѣренія, только узнавъ, что Дохтуровъ уже началъ отходить къ Можайску ¹⁾).

Подъ Бородинымъ Барклай былъ душою командуемой имъ арміи. Онъ сдѣлалъ все, чтобы оправдать слова свои въ письмѣ Императору Александру по полученіи извѣстія о назначеніи Кутузова: «я желалъ бы пожертвованіемъ жизни доказать мою готовность служить отечеству».

Объѣзжая по всей линіи, Барклай ни на одно мгновенье не терялъ самообладанія. Ни одно обстоятельство не укрывалось отъ его вниманія. Его приходилось всегда искать тамъ, гдѣ была наибольшая опасность. «Съ ледянымъ хладнокровіемъ,»—пишетъ очевидецъ,—«котораго не могъ растопить и зной битвы Бородинской, втѣснялся Барклай въ самыя опасныя мѣста. Бѣлый конь полководца отличался издалека подъ густыми клубами дыму». Подъ нимъ было убито и ранено нѣсколько лошадей. Самъ онъ былъ слегка контужень, но не обратилъ на это вниманія. Изъ адъютантовъ Барклая Ламсдорфъ и Клингеръ пали убитыми; Сеславинъ, Орловъ, Петерсонъ и Левенштернъ были ранены. Офицеры и даже солдаты говорили, указывая па него: «Онъ ищетъ смерти» ²⁾).

Какое чувство уваженія возбуждалъ Барклай, свидѣтельствуя слова, сказанныя Багратиономъ на перевязочномъ пунктѣ, когда онъ увидалъ адъютанта его Левенштерна. «Что дѣлаетъ генераль Барклай?»—спросилъ Багратионъ и, затѣмъ, забывъ всѣ личные счеты, продолжалъ: «Скажите ему, что спасеніе арміи въ его рукахъ. До сихъ поръ все идетъ хорошо. Господь да сохранитъ его!» ³⁾.

Русская армія съ честью вышла изъ тяжелаго испытанія подъ Бородинымъ. Сильно ослабленная, но не разстроенная, она продолжала отступление на Москву. Барклай принадлежалъ къ числу сторонниковъ того мнѣнія, которое раздѣляли уже въ то время нѣкоторыя лица, что выгоднѣе было бы дать ей направленіе на Калугу ⁴⁾. Еще до назначенія Кутузова, готовясь къ бою у Царева-Займища, Барклай сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи продовольствія въ Калугѣ, Тулѣ и Орлѣ и рассчитывалъ, что, запывъ фланговое положеніе по отношенію къ пути Смоленскъ—Москва, онъ

¹⁾ Изъ памятныхъ записокъ Граббе.

²⁾ *В. Глинка*. Очерки Бородинскаго сраженія.

³⁾ *Weil. Mémoires de Löwenstern*.

⁴⁾ Къ числу лицъ, державшихся взгляда относительно перемѣны операціонной линіи на Калугу, принадлежали Ермоловъ и Толь. (*Ермоловъ*. Записки и *Bernhardi Toll's Denkwürdigkeiten*).

помѣшаетъ Наполеону продолжать движеніе на первопрестольную столицу ¹⁾). Но мнѣнія Барклая никто не спрашивалъ ²⁾). Притомъ, уже на другой день послѣ Бородинскаго сраженія Барклай заболѣлъ сильной лихорадкой, не могъ ѣздить верхомъ и слегъ въ постель.

Твердый порядокъ, установленный Барклаемъ въ управленіи арміей, значительно утратился съ прѣздомъ Кутузова. Главнымъ виновникомъ тому являлся Беннигсенъ, стремившійся забрать власть въ свои руки. Онъ добился подчиненія себѣ не только офицеровъ квартирмейстерской части, но также инженеровъ и піперовъ. Войска часто двигались, не зная куда, и по прибытіи на мѣсто не получали указаній, гдѣ расположиться. Дороги не исправлялись. Въ распоряженіяхъ господствовалъ беспорядокъ; приказанія, нерѣдко противорѣчивыя, отдавались именемъ Кутузова не только Беннигсеномъ и Кайсаровымъ, но даже Толемъ, Кудашевымъ и Скобелевымъ ³⁾).

Армія приближалась къ Москвѣ. Предстояло дать послѣдній рѣшительный бой для защиты первопрестольной. Беннигсенъ, отправленный для осмотра мѣстности въ тылу, предложилъ позицію при Мамоновѣ, но она была признана неудовлетворительной. Тогда Беннигсенъ избралъ позицію подъ самыми стѣнами столицы. Не выжидая прибытія Кутузова и арміи, онъ распорядился съ ранняго утра 1-го сентября приступить къ постройкѣ укрѣпленій на правомъ флангѣ и къ паводкѣ мостовъ черезъ р. Москву, протекавшую въ тылу позиціи.

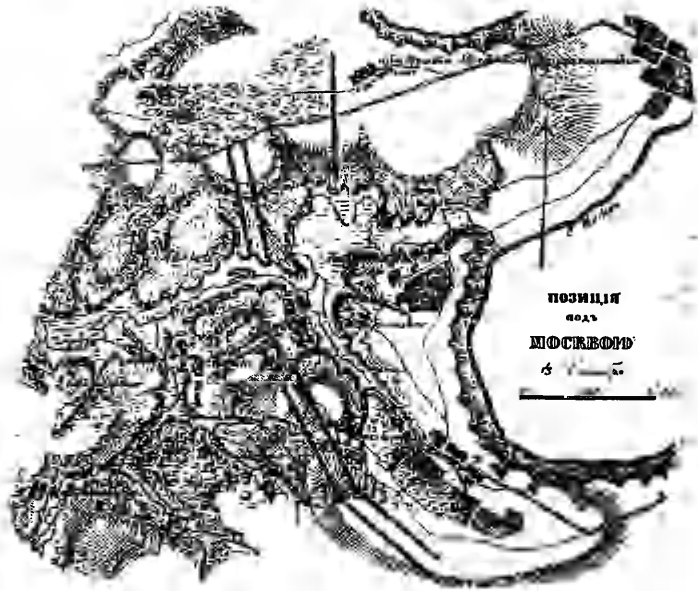
Превозмогая болѣзнь, Барклай отправился впередъ и объѣхалъ выбранную позицію. Внимательный осмотръ ея привелъ его къ

¹⁾ Письмо Барклая-де-Толли Императору Александру отъ 24 сентября. Хотя оно и написано послѣ событій, но правдивость Барклая стоитъ выше всякихъ сомнѣній. Мнѣніе, поданное Барклаемъ на военномъ совѣтѣ въ Филахъ—отступать на Владимиръ, находящееся, повидимому, въ противорѣчій съ существовавшимъ у него ранѣе предположеніемъ перемѣнить операціонную линію на Калугу, объясняется, однако, весьма просто. Рѣшеніе Кутузова въ той обстановкѣ, въ которой оно было принято, представлялось Барклаю слишкомъ смѣлымъ, но когда армія перешла къ Красной Пахрѣ, Барклай предусматривалъ самыя выгодныя послѣдствія отъ принятаго рѣшенія.

²⁾ «Барклай ни въ чемъ не имѣлъ участія, пишетъ Ермоловъ; не случилось даже, чтобы когда либо спрашивали его мнѣніе». (*Ермоловъ*. Записки).

³⁾ О беспорядкахъ этихъ свидѣтельствуетъ не только Барклай (*Tableau des opérations*), но и Ермоловъ (Записки Ермолова). Беннигсенъ уже ранѣе, въ кампанію 1807 года, далъ осозательныя доказательства своей неспособности къ установленію и поддержанію порядка и дисциплины въ войскахъ.

убѣжденію въ невозможности принять на ней бой. Упираясь правымъ флангомъ въ большой лѣсъ впереди деревни Фили, она простиралась по гребню возвышенностей праваго берега р. Москвы къ Воробьевымъ горамъ. По протяженію своему, около 4-хъ верстъ, она была слишкомъ растянута для армии, ослабленной Бородинскимъ боемъ. Обширный лѣсъ, простиравшійся на нѣсколько верстъ къ сторонѣ непріятеля, давалъ ему возможность легко въ немъ утвердиться, и тогда правый флангъ вынужденъ былъ бы къ отступленію. Нѣсколько рывинъ съ крутыми берегами, пересѣкавшими

фронтъ позиціи въ перпендикулярномъ направленіи, и изъ которыхъ главнѣйшей являлся оврагъ р. Сѣтуни, раздѣляли войска, занимавшія позицію, и лишали ихъ взаимной поддержки. Глубокая лоцина, съ почти обрывистыми берегами, начинавшаяся близъ д. Воробьево и впадавшая въ оврагъ р. Сѣтуни, совершенно отдѣляла резервы на лѣвомъ флангѣ отъ боевой линіи. Резервы на правомъ флангѣ невозможно было расположить укрыто, и они съ самаго начала боя подвергались бы губительному огню артиллеріи противника. Наконецъ, въ тылу позиціи находилась Москва-рѣка, на которой хотя и было наведено 8 мостовъ, но спуски къ четыремъ изъ нихъ были столь круты, что доступны одной пѣхотѣ. Непосредственно за рѣкой находился обширный городъ, отступление черезъ который

послѣ неудачнаго боя, подъ патискомъ побѣдопоснаго врага, представляло неизмѣримыя трудности.

Придя къ убѣжденію, что принятіе боя на этой позиціи не давало никакой надежды на успѣхъ, а пораженіе арміи неизбежно приводило къ полному ея уничтоженію, Барклай послѣшилъ въ Филю, гдѣ назначена была главная квартира Кутузова. По пути онъ встрѣтилъ Беннигсена и, вступивъ съ нимъ въ объясненія о недостаткахъ позиціи, не могъ удержаться отъ рѣзкаго вопроса: «Рѣшено ли здѣсь похоронить армію?»

Барклай нашелъ Кутузова на Поклонной горѣ, гдѣ возлѣ него находились нѣкоторые изъ старшихъ начальниковъ. Многіе изъ нихъ успѣли осмотрѣть позицію, сознавали ея недостатки, но никто не рѣшился подать голосъ объ оставленіи Москвы безъ боя. Ермоловъ, спрошенный Кутузовымъ, какъ онъ находитъ позицію, съ перваго же взгляда призналъ ее неудовлетворительной. Объѣхавъ ее и убѣдившись въ справедливости своего заключенія, онъ не рискнулъ, однако, пойти далѣе предложенія измѣнить расположеніе войскъ, занявъ Воробьевы горы и прикрывъ дорогу на Серпуховъ, хотя и самъ сознавалъ недостатки предложенной имъ позиціи.

Насколько чудовищной въ глазахъ арміи и современниковъ представлялась мысль объ оставленіи Москвы врагу безъ боя, можно судить изъ того, что тотъ же Ермоловъ, убѣжденный въ бесполезности и невозможности сраженія, будучи вынужденъ первымъ подать голосъ на военномъ совѣтѣ, высказался въ пользу принятія боя ¹⁾. Нужно было обладать горячимъ патріотизмомъ, большимъ самоотверженіемъ и мужествомъ, чтобы рѣшиться подать мнѣніе объ оставленіи Москвы. И именно такимъ человѣкомъ былъ Барклай.

Подѣхавъ къ Кутузову, онъ подробно, при помощи наброска позиціи, доложилъ ему положеніе арміи и гибельныя послѣдствія, которыя угрожаютъ, въ случаѣ принятія сраженія подъ Москвою. Внимательно выслушавъ его, Кутузовъ казался поражен-

¹⁾ Значительно поздне, когда однажды историкъ Михайловскій-Данилевскій выразилъ желаніе описать событія, предшествовавшія оставленію Москвы, сидѣвшій съ нимъ рядомъ Коновницынъ, наклонясь, сказалъ ему на ухо: «Совѣтъ моя чиста. Въ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ я былъ противъ сдачи Москвы. Совѣтъ моя чиста!» (Записки А. И. Михайловскаго-Данилевскаго). Мнѣніе, поданное графомъ Остерманомъ въ Филяхъ въ пользу оставленія Москвы безъ боя, было причиною того, что онъ нѣсколько разъ сходилъ съ ума; ему казалось, что армія считаетъ его трусомъ.

нымъ ¹⁾. Онъ обратился къ находившемуся тутъ Толю и предложилъ ему высказать свое мнѣніе. Толь согласился со справедливостью всѣхъ замѣчаній Барклая. Тогда Кутузовъ приказалъ пригласить къ нему на военный совѣтъ старшихъ начальниковъ.

Въ избу, занимаемую Кутузовымъ въ Филяхъ, собрались: Барклай, Дохтуровъ, Уваровъ, Остерманъ, Коновницынъ, Раевскій, Ермоловъ, Толь и Кайсаровъ. Въ седьмомъ часу прибылъ Беннигсенъ. Съ приѣздомъ его началось совѣщаніе. Оно было открыто Беннигсеномъ, поставившимъ вопросъ: «Что лучше — дать сраженіе ягудъ стѣнами Москвы или оставить городъ непріятелю?»

Кутузовъ недовольнымъ тономъ прервалъ Беннигсена. Онъ указалъ неправильность подобной постановки вопроса безъ предварительнаго разъясненія общаго положенія дѣлъ и подробно, на основаніи сдѣланнаго ему Барклаемъ доклада, описалъ недостатки позиціи. Онъ высказалъ ту же мысль, которая руководила всѣми дѣйствіями Барклая, пока тотъ стоялъ во главѣ арміи — «Пока будетъ существовать армія и находится въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ сохранится надежда на счастливое окончаніе войны; съ уничтоженіемъ же арміи не только Москва, но и вся Россія погибнетъ». Въ заключеніе Кутузовъ предложилъ вопросъ: «Слѣдуетъ ли ожидать нападенія на неудобной позиціи или оставить Москву непріятелю?»

Барклай привелъ соображенія, побудившія его высказаться за оставленіе Москвы: «Главная цѣль заключается въ защитѣ не Москвы, а всего отечества, для чего прежде всего необходимо сохранить армію. Позиція невыгодна, и армія подвергается несомнѣнной опасности быть разбитой. Въ случаѣ пораженія все, что не достанется непріятелю на полѣ сраженія, будетъ уничтожено при отступленіи черезъ Москву. Оставлять столицу тяжело, но если мужество не будетъ потеряно и операціи будутъ вестись дѣятельно, овладѣніе Москвой, можетъ быть, приведетъ непріятеля къ гибели. Оставленіе Москвы не будетъ неожиданностью для Государя, и онъ, конечно, одобритъ отступленіе». Барклай предложилъ отходить съ арміей на Владимірѣ, сохраняя сообщеніе съ Петербургомъ и прикрывая учрежденія, организованныя на этомъ направленіи для продолженія борьбы.

¹⁾ «Онъ пришелъ въ ужасъ», говоритъ Барклай (*Барклай. Tableau des opérations*). «Отъ предложенія Барклая Кутузовъ былъ въ восхищеніи, пишетъ Ермоловъ, ибо такимъ образомъ не онъ первый предложилъ оставить Москву и было на кого сложить вину». (*Ермоловъ. Записки*).

При обсужденіи вопроса голоса раздѣлились. Беннигсенъ выступилъ съ предложеніемъ въ теченіе ночи сосредоточить армію на лѣвомъ флангѣ позиціи и, пользуясь тѣмъ, что противникъ выдѣлилъ обходящіе корпуса, перейти въ наступленіе и атаковать его центръ.

Барклай возразилъ, что такой маневръ, можетъ быть, и былъ бы исполнимъ ранѣе, но для этого было необходимо соотвѣтственно расположить войска. Притомъ, армія утратила въ Бородинскомъ сраженіи большую часть генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и въ значительной степени потеряла способность къ маневрированію.

Вслушавъ мнѣнія присутствующихъ, Кутузовъ рѣшилъ вопросъ своею властью, отдавъ приказаніе отступать на Рязанскую дорогу.

Движеніе арміи черезъ Москву, начатое еще съ вечера 1-го сентября, представляло задачу нелегкую. Барклай принялъ самое дѣятельное участіе въ томъ, чтобы исполнить это движеніе въ порядкѣ. Еще не оправившись отъ болѣзни, онъ 18 часовъ провелъ на конѣ въ улицахъ Москвы, пропуская мимо себя парки и обозы. Всѣ его адъютанты были распредѣлены по различнымъ пунктамъ для наблюденія за движеніемъ войскъ.

Армія отступила по Рязанской дорогѣ два перехода и, затѣмъ, совершивъ флапговое движеніе, перешла на старую Калужскую дорогу къ с. Красной Пахрѣ. Барклай радовался рѣшенію Кутузова и предусматривалъ самыя благопріятныя послѣдствія отъ дальнѣйшихъ дѣйствій. 7-го сентября опъ объѣхалъ войска. Онъ говорилъ съ ними, вспоминая, какъ Петръ Великій завелъ и погубилъ врага подъ Полтавой, и объщая, что скоро начнутся наступательныя дѣйствія, и та же участь постигнетъ французовъ ¹⁾).

Барклай твердо вѣритъ, что уже наступила минута возмездія. Съ прибытіемъ въ Красную Пахру, онъ высказывается за открытіе наступательныхъ дѣйствій и, по его предложенію, отрядъ Дорохова высылается по направленію къ Вязьмѣ.

15-го сентября Барклай снова заболѣлъ сильною лихорадкою. Къ его болѣзненному состоянію присоединилось тяжелое нравственное настроеніе. Состоялось увольненіе его отъ должности военнаго министра. Барклай самъ просилъ объ этой мѣрѣ, находя несовмѣстимымъ сохраненіе званія военнаго министра съ подчиненіемъ Кутузову. Но у него есть сознаніе, что онъ оказалъ серьез-

¹⁾ Письмо Барклая-де-Толли Императору Александру отъ 24-го сентября. *И. Радожицкий*. Походныя записки артиллериста.

ныя услуги отечеству въ этой должности, между тѣмъ указъ сенату и полученный имъ рескриптъ устанавливали лишь самый фактъ его увольненія, и ему не было объявлено ни одного слова благодарности за его дѣятельность.

Барклай обратился къ Кутузову, прося разрѣшенія удалиться въ Калугу для леченія отъ болѣзни. Разрѣшеніе было немедленно дано, и вечеромъ 22-го сентября Барклай покинулъ армію.

Прощаясь съ своимъ адъютантомъ Левенштерномъ, онъ, между прочимъ, сказалъ ему: «Великое дѣло сдѣлано. Теперь остается только пожать жатву. Я слишкомъ люблю мое отечество и Императора, чтобы не радоваться успѣхамъ, которые будутъ быстро слѣдовать одинъ за другимъ... Фельдмаршалъ ни съ кѣмъ не хочетъ раздѣлить славы изгнанія непріятели изъ имперіи. Я считаю Наполеона разбитымъ съ момента вступленія его въ Москву. Я передалъ фельдмаршалу армію сохраненную, хорошо одѣтую, вооруженную и не деморализованную. Это даетъ мнѣ наибольшее право на признательность народа, который броситъ теперь, можетъ быть, въ меня камень, но позже отдастъ мнѣ справедливость» ¹⁾.

Барклай отправился въ Калугу. Здѣсь пришлось ему испить чашу униженій. При извѣстіи о его прибытіи, народъ собрался толпою, и градъ камней посыпался въ карету. Раздавались крики: «Смотрите, вотъ измѣнникъ!» Только строжайшее инкогнито спасло его отъ дальнѣйшихъ оскорбленій.

Пробывъ короткое время въ Калугѣ, Барклай направился во Владимірь. То было тяжелое, скорбное путешествіе, во время котораго ему на каждомъ шагу приходилось выслушивать неблагоприятныя сужденія и оскорбительныя намеки о дѣйствіяхъ армій и о причинахъ отступленія ихъ отъ Смоленска и Москвы. Неудача дѣйствій приписывалась не только нерѣшительности и неспособности, но даже измѣнѣ и предательству. Барклай былъ глубоко оскорбленъ напечатаннымъ въ «Сѣверной Почтѣ» донесеніемъ Кутузова, въ которомъ фельдмаршалъ, желая оправдать себя въ оставленіи Москвы, всю вину въ томъ слагалъ на Барклая, объявляя, что оставленіе Москвы было вызвано потерей Смоленска ²⁾.

¹⁾ *Weil. Mémoires de Löwenstern.*

²⁾ Въ донесеніи отъ 4-го сентября Кутузовъ писалъ: «Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сія (т. е. оставленіе Москвы) нераздѣльно связаны съ потерей Смоленска и съ тѣмъ разстроенымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ». Заявленіе о

Убитый горемъ Барклай тяжко заболѣлъ. Онъ послалъ своего адъютанта въ Петербургъ, прося разрѣшенія прибыть туда или отправиться въ Дерптъ для возобновленія здоровья—адъютантъ его вернулся безъ отвѣта. Тогда считая, что его репутація позорно заклеямена, что онъ не можетъ болѣе оставаться на службѣ, Барклай подалъ въ отставку. Оправившись отъ болѣзни, онъ переѣхалъ въ свое небольшое имѣніе въ Феллинскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи и здѣсь, наконецъ, получилъ письмо Императора Александра, которое облегчило его наболѣвшее сердце. Онъ убѣдился, что чувства дружбы и уваженія Государя къ нему не измѣнились.

Барклай поспѣшилъ въ Петербургъ, но онъ не засталъ тамъ Императора Александра, который уже выѣхалъ въ Вильну. Свиданіе ихъ состоялось только по возвращеніи Барклая въ армію.

Заслуги Барклая передъ Россіей огромны. Поставленный во главѣ арміи въ дни тяжкаго испытанія, пережитые нашимъ отечествомъ, онъ неуклонно велъ ее по единственному пути, который могъ привести къ побѣдѣ надъ врагомъ-исполиномъ. Окруженный недовольными и завистниками, тормозившими всѣ его дѣйствія, оглушаемый криками толпы, въ своемъ непониманіи упорно требовавшей боя, онъ остался непреклоненъ. Онъ сохранилъ армію до той минуты, когда она могла дать грозный отпоръ врагу. Прибылъ Кутузовъ, и Барклай долженъ былъ стать во второй рядъ. Въ своемъ великомъ патриотизмѣ онъ счумѣлъ подчинить свои интересы интересамъ отечества и всѣми своими силами и способностями содѣйствовалъ новому главнокомандующему. Результатами, достигнутыми въ Бородинской битвѣ, мы многимъ обязаны Барклаю, а подь Москвою для спасенія арміи и Россіи онъ не поколебался пожертвовать своимъ имепемъ.

«Я никогда не забуду важныхъ услугъ, оказанныхъ вами отечеству и мнѣ,»—писалъ Императоръ Александръ Барклаю,—«и желаю вѣрить, что вы окажете еще большія».

Кончилась борьба съ Наполеономъ. Барклай вернулся изъ нея съ званіемъ фельдмаршала, съ титуломъ князя. Его заслуги получили оцѣнку со стороны Монарха, и памятникъ ему у Казанскаго собора стоитъ на одной линіи съ Кутузовымъ—«Спасителемъ отечества». Армія, свидѣтельница его самоотверженія и подвиговъ,

раастройство войскъ было выпущено пзъ донесенія при напечатаніи его въ «Сѣверной Почтѣ».

примирилась съ нимъ и возвратила ему свое уваженіе. Но въ сознаніи народномъ имя Барклая подернуто тѣнью—съ нимъ связывается воспоминаніе о тяжелыхъ дняхъ отступленія и неудачахъ первой половины войны.

Время идетъ, и событія получаютъ иное и болѣе правильное освѣщеніе. И скоро станетъ передъ нами во весь ростъ величавая фигура Барклая и оправдаются слова доблестнаго вождя, сказанныя имъ въ минуты скорби: «Я надѣюсь, что безпристрастное потомство произнесетъ судъ свой съ болѣе справедливостью».

Приложение.

ПЕРЕПИСКА
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА
И
БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ

ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

ПОСЛѢ ОСТАВЛЕНІЯ ГОСУДАРЕМЪ АРМІИ.

№ 1. Барклай-де-Толли—Императору Александру.

Помятка рукою Аракчеева:

«Получено съ Великимъ Княземъ 14-го іюля».

Sire! La situation de l'armée et la face des affaires viennent de prendre une tournure différente et leur aspect sérieux correspond aux circonstances actuelles. La première armée ayant pris sa position entre le Dnepr et la Dvina se trouve sur une nouvelle ligne d'opération qui part de Moscou et Twer. Cette position défend le coeur de l'Empire et favorise en même tems les opérations offensives, mais elle exige que les troupes sur leur nouvelle ligne ne souffrent aucun besoin par rapport aux vivres. Il est donc indispensable de faire tous les préparatifs nécessaires dans l'intérieur de l'Empire pour assurer l'approvisionnement de l'armée dans sa direction actuelle. En même tems la sûreté de l'Etat demande des fortes réserves dont la formation doit se faire avec toute l'activité possible afin qu'elles puissent se trouver à portée de renforcer à tems en cas de besoin les armées actives. Il est vrai que la persévérance et la valeur de nos troupes nous promettent la victoire, mais les circonstances actuelles et la prudence exigent qu'on soit prêt à résister aux revers possibles et si rien même ne les présageait, ce serait l'art de la guerre qui prescrirait cette précaution et Vos armées, Sire, qui se trouvent en face de l'ennemi sont les seules qui restent à Votre Majesté pour la défense de l'Etat. La 1-re et la 2-de armées se rapprochent l'une de l'autre. Elles se trouvent dans une indépendance réciproque et il n'existe point de plan d'opérations fixe qui puisse leur servir de règle.

Tous ces objets sont trop importants, pour que j'aie pu me dispenser de supplier Son Altesse Impériale, Monseigneur le Grand-Duc, de se rendre en personne auprès de Votre Majesté Impériale afin de Vous présenter verbalement tous les détails de la situation actuelle de l'armée.

Chaque minute nous rapproche des événemens les plus sérieux et qui peut être décideront du sort de la guerre.

Les coopérations de la 2-de armée doivent être actives et conformes au but général; sans cela rien ne saurait garantir l'unité des opérations. Je supplie Votre Majesté au reste d'être assurée qu'aucune occasion ne m'échappera de nuire à l'ennemi, mais que néanmoins les soins les plus scrupuleux

pour la conservation et le salut de l'armée seront inséparables de mes efforts contre les forces ennemies.

Je suis avec les sentiments de la vénération et du respect les plus profonds, Sire, de Votre Majesté Impériale.
le fidèle sujet.

Witepsk
le 12 juillet
1812.

Переводъ.

Государы! Расположеніе арміи и внѣшняя обстановка измѣнились, и внутренность ихъ отвѣчаетъ настоящимъ обстоятельствамъ. Первая армія, ставъ между Днѣпромъ и Двиной, находится на новой операционной линіи, идущей отъ Москвы и Твери. Указанное расположеніе защищаетъ сердце Имперіи и благопріятствуетъ въ то-же время наступательнымъ дѣйствіямъ, но оно требуетъ, чтобы войска на ихъ новомъ направленіи не испытывали никакого недостатка въ продовольственныхъ припасахъ. Необходимо, поэтому, сдѣлать внутри Имперіи всѣ нужныя приготовленія для обезпеченія продовольствія арміи. въ ея теперешнемъ направленіи. Безопасность государства требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сильныхъ резервовъ, формированіе которыхъ должно вестись со всевозможною дѣятельностью, съ тѣмъ чтобы они могли, въ случаѣ необходимости, усилить своевременно дѣйствующія арміи. Правда, стойкость и храбрость нашихъ войскъ общающа намъ побѣду, но настоящія обстоятельства и осторожность вынуждаютъ быть наготовѣ противостать возможнымъ неудачамъ и, если-бы даже ничто ихъ не предвѣщало, военное искусство предписывало-бы эту предосторожность, а у Вашего Величества, Государь, остаются для защиты государства единственно только тѣ Ваши арміи, которыя стоятъ передъ врагомъ. 1-я и 2-я арміи сближаются. Онѣ независимы одна отъ другой, и не существуетъ опредѣленнаго плана, который могъ бы служить для руководства ихъ.

Всѣ эти предметы настолько важны, что я вынужденъ былъ обратиться съ покорнѣйшей просьбой къ Его Императорскому Высочеству, Великому Князю, отправиться лично къ Вашему Императорскому Величеству и доложить на словахъ во всей подробности настоящее положеніе арміи.

Каждая минута приближаетъ насъ къ событіямъ первостепенной важности, и которыя, можетъ быть, рѣшатъ участь войны.

Содѣйствіе 2-й арміи должно быть энергично и отвѣчать общей цѣли, иначе ничто не можетъ обезпечить единства операций. Впрочемъ, покорнѣйше прошу Ваше Величество быть увѣреннымъ, что я

не упушу малѣйшаго случая вредить противнику, но со всѣмъ тѣмъ съ дѣйствіями моими противъ непріятельскихъ силъ будутъ нераздѣльны самыя тщательныя заботы о сохраненіи и спасеніи арміи.

Съ глубочайшими чувствами почтенія и благоговѣнія, Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Витебскъ

12-го іюля 1812 г.

№ 2. Императоръ Александръ—Бареллаю-де-Толли.

Мосcou, le 14 juillet 1812.

Voici les rapports, général, que je viens de recevoir du Pr. Bagration. Il faut s'attendre à chaque instant à quelque chose de décisif et votre mouvement sur Orcha doit y avoir contribué. Puisse la Providence Divine bénir nos efforts!

Les dispositions de Moscon sont excellentes. Ce gouvernement m'a offert 80,000 hommes. La difficulté sera de les armer, car à ma grande surprise nous n'avons plus de fusils, tandis qu'à Vilna vous paraissiez croire que nous étions riches en cette arme. En attendant je ferai former beaucoup de cavalerie armée de piques. J'en ferai donner de même à l'infanterie jusqu'à ce que nous trouvions des fusils. Tout à vous.

Переводъ.

Москва, 14-го іюля 1812 г.

Вотъ донесенія, генераль, которыя я только что получилъ отъ князя Баграціона. Нужно ежеминутно ожидать чего-нибудь рѣшительнаго, и ваше движеніе на Оршу должно оказать извѣстное вліяніе въ этомъ отношеніи. Да благословить Божественное Провидѣніе наши усилія!

Настроеніе Москвы отличное. Московская губернія предложила мнѣ 80,000 человекъ. Затрудненія встрѣтятся въ снабженіи ихъ оружіемъ, потому что, къ моему великому удивленію, у насъ не имѣется болѣе ружей, между тѣмъ какъ въ Вильнѣ вы, повидимому, полагали, что мы ими богаты. Пока я прикажу формировать значительное число конницы, вооруженной пиками. Я прикажу дать ихъ также пѣхотѣ, пока мы не найдемъ ружей. Весь вашъ.

№ 3. Барклай-де-Толли—Императору Александру.

Помятка рукою Аракчеева: «С.-Петербургъ, 26-го июля».

Quartier-général à Poredzie

le 18 juillet 1812.

Sire, j'ai eu le bonheur de recevoir la particulière en date du 14 juillet, que Votre Majesté Impériale a bien voulu m'adresser avec l'incluse des rapports du Prince Bagration du 10 juillet. Votre Majesté daignera voir par les dépêches nouvellement reçues du Prince Bagration, que j'ai eu le bonheur de Vous transmettre, Sire, que la position des affaires de la 2-de armée a depuis beaucoup changé. La direction qu'avait prise l'armée du Prince Bagration, en donnant trop sur la droite, m'a rendu au désespoir. Pour ne pas laisser ouvert au maréchal d'Avout le chemin droit de Mohilew jusqu'au coeur de la Russie, il ne me restait d'autre parti à prendre que d'atteindre Smolensk à marches forcées. Je m'éloignais par là entièrement de la ligne d'opération, que je m'étais proposée par Welisch et par conséquent de tous les moyens d'entretien pour l'armée. Il fallut que j'exécutasse cette résolution aux yeux de toute l'armée ennemie; car dans ces circonstances l'entreprise de la combattre à Witebsk ne servait à rien. La victoire même, si elle n'avait pour résultat la destruction des forces ennemies, restait inutile. Car supposé, que le maréchal d'Avout arrivasse en attendant à Smolensk, les affaires de la guerre seraient plus critiques, qu'elles ne l'étaient au commencement. Tel est, Sire, le motif de ma direction sur Smolensk. Les chemins de Newel, Weliki-Lukki, sont, il est vrai, ouverts par là à l'ennemi; mais ce n'est que pour quelque tems. Car, lorsque le P-ce Bagration s'approche de Smolensk ce que rien ne saurait plus empêcher, la 1-ère armée peut d'autant plus sûrement commencer ses opérations offensives, étant couverte par la seconde armée en flanc et au dos.

Les trois jours de combat de Witebsk ont suffi non seulement pour couvrir de gloire les braves guerriers de Votre Majesté Impériale, mais encore pour éterniser leurs exploits. Ils ont montré une confiance entière pour leurs chefs et ont manoeuvré avec beaucoup d'ordre; ils ont combatiu avec le plus grand courage, avec une opiniâtreté et une animosité marquante. Le troisième jour Vos soldats, Sire, se sont surtout signalés sous la conduite du comte Pahlen, qui commande l'avant-garde. Ce général se distingue à merveille parmi les officiers généraux de toute l'armée, tant par ses qualités militaires, que par sa disposition et son sang-froid. Il serait du plus grand intérêt pour le service de lui accorder un cercle d'activité plus étendu. J'ose en conséquence le présenter à Votre Majesté Impériale pour lui faire obtenir le grade de lieutenant-général. Son mérite garantit la justice de cette distinction.

Malgré les marches forcées, que je suis obligé de faire, le soldat supporte parfaitement bien les fatigues. Il a l'esprit courageux et brûle de se battre. Arrivé à Smolensk et réuni au P-ce Bagration je serai en état de passer entièrement à l'offensive et de porter à l'ennemi les coups les plus sensibles. Ceci me sera d'autant plus facile, que le corps d'armée de troupes irrégulières du général Platow sera sous peu entièrement réuni à la première armée. Par cette réunion très à propos, je serai à même de turbillonner (?) et de harceler jour et nuit l'ennemi que je combattrai. Il ne me reste que de prier Dieu pour le succès de la plus juste des causes. La Providence Divine exaucera les ferventes prières de Vos fidèles sujets, Sire, et bénira les efforts de Vos armées. L'ennemi par son audace ne saura plus éviter la perte infaillible qu'on lui prépare.

Les bonnes dispositions des habitans de Moscou et de tout le gouvernement sont les nobles attributs d'un patriotisme consacré par les exploits de leurs ancêtres mêmes. Il a suffi que leur Souverain se montra dans la capitale de l'Empire pour enthousiasmer le zèle des habitans. Le séjour même le plus court de Votre Majesté parmi ces fidèles est en état de faire les impressions les plus fortes. Les efforts volontaires du patriotisme sont les plus puissants et garantissent toujours le succès.

Concernant l'armement des troupes, je prends la liberté de présenter à Votre Majesté que les troupes nouvellement formées sont munies de fusils des dépôts qui se trouvent dans les fabriques.

Je suis avec la plus profonde vénération, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Переводъ.

Главная квартира въ Порѣчьѣ
18-го іюля 1812 г.

Государь! я имѣлъ счастье получить частное письмо отъ 14-го іюля, которое Вашему Императорскому Величеству угодно было отправить мнѣ съ приложеніемъ донесеній князя Багратиона отъ 10-го іюля. Ваше Величество благоволите усмотрѣть изъ вновь полученныхъ отъ князя Багратиона писемъ, которыя я имѣлъ счастье представить Вамъ, Государь, что положеніе дѣлъ во 2-й арміи съ тѣхъ поръ сильно измѣнилось. Направленіе, принятое арміей князя Багратиона, которая уклонялась слишкомъ вправо, привело меня въ отчаяніе. Чтобы не оставить маршалу Даву открытой прямую дорогу отъ Могилева къ сердцу Россіи, мнѣ не оставалось иного рѣшенія, какъ прибыть къ Смоленску форсированными маршами. Вслѣдствіе этого, я совершенно удалился отъ операціонной линіи, которую намѣтилъ

себѣ черезъ Велижъ, а, слѣдовательно, и отъ всѣхъ источниковъ довольствія арміи. Мнѣ необходимо было привести въ исполненіе это рѣшеніе въ виду всей непріятельской арміи; ибо при этихъ обстоятельствахъ попытка сразиться съ нею подъ Витебскомъ была бы безцѣльна. Даже побѣда, если только она не привела бы къ разгрому непріятельскихъ силъ, являлась бесполезной; ибо, если предположить, что маршаль Даву прибылъ бы между тѣмъ къ Смоленску, положеніе дѣлъ сдѣлалось бы болѣе критическимъ, нежели оно было въ началѣ войны. Такова, Государь, причина, заставившая меня направиться на Смоленскъ. Правда, что вслѣдствіе этого пути на Невель и Великіе-Луки открыты непріятелю, но это только временно. Ибо, когда князь Багратіонъ приблизится къ Смоленску, чему уже ничто не можетъ болѣе помѣшать, 1-я армія можетъ начать свои наступательныя дѣйствія тѣмъ болѣе безопасно, что она будетъ прикрыта съ фланга и съ тылу 2-й арміей.

Трехъ дней боя подъ Витебскомъ было достаточно не только для того, чтобы покрыть славою храбрыя войска Вашего Императорскаго Величества, но и чтобы увѣковѣчить ихъ подвиги. Они выказали полное довѣріе къ своимъ начальникамъ и маневрировали съ большою стройностью; они сражались съ величайшимъ мужествомъ, съ выдающимся упорствомъ и ожесточеніемъ. На третій день Ваши солдаты, Государь, особенно отличились подъ предводительствомъ командующаго авангардомъ графа Палена. Этотъ генераль рѣзко выдѣляется среди старшихъ начальниковъ всей арміи, какъ своими военными качествами, такъ силою своего характера и своимъ хладнокровіемъ. Было бы весьма важно для пользы службы предоставить ему болѣе обширный кругъ дѣятельности. Вслѣдствіе этого, я осмѣливаюсь представить его Вашему Императорскому Величеству къ производству въ чинъ генераль-лейтенанта. Его заслуги дѣлаютъ вполне справедливымъ это отличіе.

Несмотря на форсированные марши, которые я вынужденъ дѣлать, солдаты прекрасно переносятъ усталость. Они мужественны духомъ и горятъ желаніемъ драться. По прибытіи въ Смоленскъ и соединеніи съ княземъ Багратіономъ, я буду въ состояніи рѣшительно перейти къ наступленію и нанести противнику чувствительнѣйшіе удары. Мнѣ это будетъ тѣмъ легче, что корпусъ иррегулярныхъ войскъ генерала Платова вскорѣ окончательно присоединится къ 1-й арміи. Благодаря этому своевременному присоединенію, я буду въ состояніи тревожить днемъ и ночью непріятеля, противъ котораго буду дѣйствовать. Мнѣ остается только молить Бога объ успѣхѣ справедливѣйшаго дѣла. Божественное Провидѣніе внемлетъ горячимъ мольбамъ Вашихъ вѣрноподданныхъ, Государь, и благословитъ усилія Вашихъ армій. Врагъ, при своей дерзости, не сдумаетъ избѣжать неминуемой готовящейся ему гибели.

Добрыя намѣренія населенія Москвы и всей губерніи являются благородными символами патриотизма, завѣщаннаго подвигами самихъ ихъ предковъ. Было достаточно Государю ихъ явиться въ столицѣ Имперіи, чтобы воспламенить усердіе жителей. Достаточно самага кратковременнаго пребыванія Вашего Величества между этими вѣрнопоподанными, чтобы произвести сильнѣйшее впечатлѣніе. Добровольныя проявленія патриотизма наиболѣе могущественны и служатъ всегда порукою успѣха.

Что касается вооруженія войскъ, позволяю себѣ представить Вашему Величеству, что вновь сформированныя войска снабжены ружьями изъ запасовъ, находящихся на заводахъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрнопоподанный.

№ 4. Барклай-де-Толли—Императору Александру.

Помѣтка рукою Аракчеева:

«С.-Петербургъ, 26-го іюля съ княземъ Любомірскимъ».

Sire! Dans mes très humbles rapports précédents, j'ai eu le bonheur de mettre sous les yeux de Votre Majesté Impériale les motifs, qui m'ont porté d'aller à Smolensk à marches forcées. Il était impossible qu'une bataille gagnée près de Witebsk ait pu donner une direction favorable aux affaires de la guerre dès que l'ennemi aurait employé toute sa force, pour se rendre maître de Smolensk. J'ai été d'autant plus décidé à prendre ce parti, que les inquiétudes redoublées du prince Bagration m'ont persuadé, que l'ennemi aurait pu également me prévenir dans l'occupation de Smolensk. Il n'y avait enfin aucun obstacle et je ne vois dans cette heureuse circonstance, que la vole bienfaisante de la Providence. Quoiqu'il n'y ait presque aucune position à prendre sur la rive droite du Dnèpr j'al pourtant résolu d'y rester, puisque la 1-ère armée sur la rive gauche de ce fleuve aurait pu être entièrement déloge du chemin le plus proche de Moscou et être tournée sur la droite. Mon intention est d'avancer actuellement et d'attaquer le corps ennemi, qui se présentera le premier, et qui me parait être le corps du maréchal Ney à Roudni. Cependant il parait que l'ennemi a l'intention de me tourner sur mon flanc droit par le corps stationné à Poredzie. Il me faudra donc être sur mes gardes, pour ne pas tomber dans un grand embarras et tacher de gagner le flanc gauche de l'ennemi tandis que le prince Bagration convre le chemin de Moscou.

Après avoir mis par cet aperçu sous les yeux de Votre Majesté Impériale un rapport général sur l'état actuel des choses, je prends la liberté de Vous énoncer, Sire, mon opinion sur un objet pas moins important.

Le général Platow, en qualité de commandant de troupes irrégulières est revêtu d'un rang trop élevé, n'ayant pas assez de noblesse dans son caractère pour y répondre. Il est égoïste, devenu sybarite jusqu'à l'extrême. Ses cosaques, qui en effet, sont très braves, ne répondent pas sous sa conduite, à ce qu'ils devaient être. La nature de sa marche pour se réunir à la première armée en est une preuve. Il y a eu des journées, où il n'a fait que 10 à 15 werstes sans avoir vis-à-vis l'ennemi. Dans ces circonstances, il serait un bonheur pour l'armée, si Votre Majesté Impériale jugeait à propos d'alléguer un prétexte plausible de l'en éloigner. Tel serait peut être celui de former de nouvelles troupes sur le Don ou de rassembler des régiments dans le Caucase, en lui accordant le titre de comte, et c'est surtout ce qu'il ambitionne pour toute chose au monde. Son inactivité est telle qu'il me faut avoir toujours un de mes aides-de-camp auprès de lui ou à ses avant-postes, pour avoir soin de l'exécution de ce qui a été prescrit.

Sire, j'ose Vous demander l'accomplissement de cette mesure; puisqu'elle est devenue d'une nécessité absolue pour le bien du service.

En même tems, je crois de mon devoir de Vous annoncer, Sire, que mes relations avec le prince Bagration sont les meilleures du monde. J'ai reconnu dans la personne du prince un caractère loyal et plein de sentiments nobles de patriotisme. Je me suis expliqué avec lui sur l'état des affaires et nous sommes parfaitement bien convenus sur les mesures à prendre. J'ose même avancer que d'après cette bonne intelligence une fois établie, nous n'agissons à l'avenir que d'un parfait accord. Demain j'aurai le bonheur de porter à la connaissance de Votre Majesté Impériale les résultats ultérieurs d'une conférence, que je me suis proposé d'avoir sur les détails des opérations. J'ai résolu, l'ennemi s'étant trop étendu en plusieurs corps dans un demi-cercle depuis Mobbew jusqu'à Poredzie de profiter de cette circonstance, en couvrant mes opérations par une chaîne de troupes légères pour tomber avec toute la masse de mes forces sur son aile gauche.

Les dispositions des troupes des deux armées sont excellentes. Le soldat rempli de courage brûle de se battre.

Je suis avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Quartier-général
à Smolensk.

Le 22 juillet
1812.

à 11 heures du soir.

Переводъ.

Государь! Въ моихъ предшествовавшихъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ я имѣлъ счастье представить на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества причины, побудившія меня двинуться форсированными маршами къ Смоленску. Сраженіе, выигранное подъ Витебскомъ, не могло бы дать благопріятнаго направленія ходу военныхъ дѣлъ, если бы непріятель употребилъ всѣ свои усилія для овладѣнія Смоленскомъ. Я тѣмъ болѣе вынужденъ былъ остановиться на этомъ рѣшеніи, что усилившіяся опасенія князя Багратіона убѣдили меня, что непріятель можетъ также предупредить меня въ занятіи Смоленска. Наконецъ, препятствій болѣе не существуетъ, и въ этомъ счастливомъ обстоятельстве я вижу только благодѣтельную руку Провидѣнія. Хотя на правомъ берегу Днѣпра почти вовсе нѣтъ позицій, я, однако, рѣшился остаться на немъ, потому что 1-ая армія, находясь на лѣвомъ берегу рѣки, могла бы совершенно потерять кратчайшій путь на Москву и быть обойденной справа. Теперь я намѣренъ двинуться впередъ и атаковать непріятельскій корпусъ, который окажется впереди, и которымъ мнѣ представляется корпусъ маршала Нея въ Руднѣ. Повидимому, однако, непріятель имѣетъ намѣреніе обойти меня съ моего праваго фланга корпусомъ, стоящимъ у Порѣчья. Итакъ, мнѣ придется быть осторожнымъ, чтобы не попасть въ трудное положеніе, и постараться выиграть лѣвый флангъ непріятеля, между тѣмъ какъ князь Багратіонъ будетъ прикрывать дорогу на Москву.

Представивъ на воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества въ этомъ очеркѣ общій докладъ о настоящемъ положеніи вещей, позволяю себѣ высказать Вамъ, Государь, мое мнѣніе относительно предмета, не менѣе важнаго.

Генераль Платовъ, въ качествѣ командующаго иррегулярными войсками, облеченъ слишкомъ высокимъ званіемъ, которому не соответствуетъ по недостатку благородства характера. Онъ эгоистъ и сдѣлался крайнимъ сибаритомъ. Его казаки, будучи дѣйствительно храбрцами, подъ его начальствомъ не отвѣчаютъ тому, чѣмъ они должны были бы быть. Доказательствомъ служить его движеніе на присоединеніе къ 1-й арміи. Были переходы, когда онъ, не имѣя противъ себя непріятеля, дѣлалъ только отъ 10 до 15 верстъ. При этихъ обстоятельствахъ было бы счастьемъ для арміи, если бы Ваше Императорское Величество соблаговолили найти благовидный предлогъ, чтобы удалить его изъ нея. Таковымъ могло бы быть формированіе новыхъ войскъ на Дону или наборъ полковъ на Кавказѣ, съ пожалованіемъ ему титула графа, къ чему онъ стремится больше всего на свѣтѣ.

Его бездѣятельность такова, что мнѣ приходится постоянно держать одного изъ моихъ адъютантовъ при немъ или на его аванпостахъ, чтобы добиться исполненія предписаннаго.

Государь, я осмѣливаюсь просить Васъ о принятіи этой мѣры, потому что она сдѣлалась безусловно необходимой для блага службы.

Въ то же время я считаю своимъ долгомъ донести Вамъ, Государь, что отношенія мои съ княземъ Багратиономъ наилучшія. Въ князѣ я нашелъ характеръ прямой и полный благородныхъ чувствъ патриотизма. Я объяснился съ нимъ относительно положенія дѣлъ, и мы пришли къ полному соглашенію въ отношеніи мѣръ, которыя надлежитъ принять. Смѣю даже заранѣе сказать, что, такъ какъ доброе единомысліе установилось, мы будемъ дѣйствовать впредь вполнѣ согласно. Завтра буду имѣть счастье довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества дальнѣйшіе результаты предположеннаго мною совѣщанія относительно подробностей операций. Такъ какъ непріятель слишкомъ разбросался по дугѣ отъ Могилева до Порѣчья, я рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и, скрывъ мои операціи завѣсою легкихъ войскъ, обрушиться всею массою моихъ силъ на его лѣвое крыло.

Духъ войскъ обѣихъ армій превосходный. Солдаты полны мужества и горятъ желаніемъ драться.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный.

Главная квартира
въ Смоленскѣ.
22-го іюля 1812 г.,
въ 11 часовъ вечера.

№ 5. Императоръ Александръ—Варелаю-де-Толли.

8. Petersbourg, le 28 juillet 1812.

Je vous fait mon compliment, général, sur les belles victoires du C. Withenstein et du général Tormassoff de même que sur la réunion de la 1-re et 2-de armées qui nous a coûté tant de sacrifices et de peines.

J'espère maintenant qu'avec l'aide de l'Être Suprême vous pourrez prendre l'offensive et empêcher par là l'envahissement de nos provinces. J'ai remis le salut de la Russie en vos mains, général, et j'aime à espérer que vous justifierez toute ma confiance en vous.

J'ai avancé le général Pahlen d'après vos désirs.

Le général Withenstein recommande beaucoup un major Bedriagna. Cependant je ne l'ai pas avancé, pensant que dans les affaires qui se sont

passées à la 1-re et à la 2-de armée il y a eu certainement qui se seront beaucoup distingués. Ainsi il me semble convenable de les récompenser ensemble. En général pour toutes les récompenses j'attendrai vos présentations.

Je vous réitère mes recommandations, général, sur l'article du pillage; d'après les nouvelles qui me viennent il continue toujours. Songez que nous sommes déjà dans des provinces véritablement russes et qu'on ne saurait assez ménager. Quelques exemples de maraudeurs fusillés feraient un grand effet. Cependant jusqu'ici je n'ai aucun rapport de votre part que cela soit fait.

Les quatre régiments de cosaques d'Ukraine me paraissent devoir être joints quand ils seront prêts à l'armée du général Tormassoff qui en a peu.

Pour le général Platof je le rapèle d'après vos désirs prétextant le besoin de m'aboucher avec lui à Moscou sur la formation de nouveaux régiments de cosaques sur le Don.

J'ai éprouvé le plus grand plaisir, général, de ce que vous me dites sur la bonne intelligence qui regne entre vous et le Pr. Bagration. Vous sentirez vous-même toute l'importance du moment actuel et combien toute personnalité doit être mise de côté quand il s'agit du salut de la Patrie. Tout à vous.

Переводъ.

С.-Петербургъ, 22-го іюля 1812 г.

Поздравляю васъ, генералъ, съ блестящими побѣдами графа Витгенштейна и генерала Тормасова, равно какъ и съ соединеніемъ 1-й и 2-й армій, стоившимъ намъ столькожъ жертвъ и заботъ.

Теперь я надѣюсь, что вы, съ помощью Всевышняго, будете имѣть возможность начать наступательныя дѣйствія и тѣмъ воспрепятствовать завладѣнію нашими областями. Я передалъ въ ваши руки, генералъ, спасеніе Россіи и желаю надѣяться, что вы оправдаете мое довѣріе къ вамъ.

Я произвелъ, согласно вашего желанія, генерала Палена.

Генералъ Витгенштейнъ очень ходатайствуетъ о нѣкоемъ маіорѣ Бедрягѣ. Я, однако, не произвелъ его, полагая, что въ дѣлахъ, происходившихъ въ 1-й и 2-й арміяхъ, были, конечно, очень отличившіеся. Поэтому, я нахожу приличнымъ наградить ихъ одновременно. Вообще по всѣмъ наградамъ я буду ждать вашихъ представленій.

Подтверждаю, генералъ, вамъ мои указанія по вопросу о грабежѣ; по получаемымъ мною извѣстіямъ онъ все-таки продолжается. Подумайте, что мы уже въ коренныхъ русскихъ областяхъ, которыя нужно возможно болѣе щадить. Нѣсколько примѣровъ разстрѣліянія:

мародеровъ произвели-бы сильное впечатлѣніе. Однако, до сихъ поръ я не получалъ отъ васъ донесеній, чтобы это было сдѣлано.

Мнѣ кажется, что четыре Украинскихъ казачьихъ полка, когда будутъ готовы, должны быть присоединены къ арміи генерала Тор-масова, у котораго ихъ мало.

Что касается генерала Платова, согласно вашего желанія, я отзы-ваю его подъ предлогомъ, что мнѣ необходимо лично переговорить съ нимъ въ Москвѣ относительно сформированія новыхъ казачьихъ полковъ на Дону.

Я былъ крайне обрадованъ, генераль, тѣмъ, что вы говорите мнѣ о добромъ согласіи, которое господствуетъ между вами и княземъ Багратиономъ. Вы одѣлите сами всю важность настоящаго момента и поймете, что всѣ личныя соображенія должны быть оставлены, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества. Весь вашъ.

№ 6. Императоръ Александръ—Барклаю-де-Толли ¹⁾.

30-го іюля 1812 года.

Михайло Богдановичъ! Я получилъ донесенія ваши, какъ о при-чинахъ, побудившихъ васъ идти съ первою арміею на Смоленскъ, такъ и о соединеніи вашемъ со второю арміею.

Такъ какъ вы для наступательныхъ дѣйствій соединеніе сіе счи-тали необходимо нужнымъ, то я радуюсь, что теперь ничто вамъ не препятствуетъ предпринять ихъ, и, судя по тому, какъ вы меня увѣ-домляете, ожидаю въ скоромъ времени самыхъ счастливыхъ послѣд-ствій.

Я не могу умолчать, что, хотя по многимъ причинамъ и обстоя-тельствамъ при началіи военныхъ дѣйствій нужно было оставить предѣлы нашей земли, однако же не иначе, какъ съ прискорбною долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжались до самаго Смоленска.

Съ великимъ удовольствіемъ слышу я увѣренія ваши о хорошемъ состояніи нашихъ войскъ, о воинственномъ духѣ и пылкомъ жела-ніи ихъ сражаться. Не менѣе доволенъ также опытами отличной ихъ храбрости во всѣхъ бывшихъ доселѣ битвахъ и терпѣливостью, ока-занною ими во всѣхъ многотрудныхъ и долгихъ маршахъ.

Вы изъ рапортовъ графа Витгенштейна видѣли блистательное дѣло, въ которомъ удалось ему, не только разрушить намѣреніе мар-

¹⁾ Рескриптъ этотъ напечатанъ въ трудѣ Н. Дубровина «Отечественная война въ письмахъ современниковъ».

иала Удино и Макдональда, слѣшившихъ соединенными силами вторгнуться въ Псковскую губернію, но и разбить перваго изъ нихъ, такъ что одно только скорое отступленіе могло спасти его отъ совершеннаго истребленія, и маршалъ Макдональдъ, увѣдомаясь о сей побѣдѣ, принужденъ былъ ретироваться за Двину.

Присланное отъ васъ ко мнѣ донесеніе генерала Тормасова возбѣщаетъ также, не только о знаменитой самой по себѣ побѣдѣ, но еще болѣе важной потому, что генераль сей дѣйствуетъ теперь во флангъ и въ тылъ неприятелю. Толь благополучныя начала служатъ преддверіемъ и подаютъ твердую надежду на счастливое окончаніе нынѣшней кампаніи.

Вы развязаны во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ безъ всякаго препятствія и помѣшательства, а потому и надѣюсь я, что вы не упустите ничего къ пресѣченію намѣреній неприятельскихъ и къ нанесенію ему всевозможнаго вреда. Напротивъ того, возьмете всѣ строгія мѣры къ недопусканію своихъ людей до грабежа, обидъ и разоренія поселянамъ и обывателямъ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя, по словамъ вашимъ, почитаю теперь уже начатыми. Поручая себя покровительству Божію и твердо надѣясь на справедливость защищаемаго мною дѣла, на искусство и усердіе ваше, на дарованіе и ревность моихъ генераловъ, храбрость офицеровъ и всего воинства, ожидаю въ скоромъ времени услышать отступленіе неприятеля и славу подвиговъ вашихъ. Пребываю вамъ благосклонный.

№ 7. Барклай-де-Толли—Императору Александру.

Помѣтка рукою Аракчеева:

«Получено 5-го августа съ Волховскимъ».

Sire! Par le dernier rapport que j'ai en le bonheur d'adresser à Votre Majesté Impériale, Elle sera instruite de la position de deux armées, dont les premiers mouvements ont porté l'ennemi à s'arrêter. Il semble vouloir menacer notre flanc gauche par le corps du prince Poniatowsky, dont les avant-postes pénètrent jusqu'à Mstislaw; cependant cette tentative ne sera d'aucune conséquence, tant que nous couvrons le grand chemin à Moscou et que le flanc droit de la 1-ère armée peut ouvrir une libre communication avec le corps du comte Witgenstein. Mais ce que me tient à cœur dans ces moments décisifs, c'est que je me trouve dans une ignorance parfaite sur les mouvements et les opérations de la 3-е armée et du corps de Mosir. J'ose en conséquence supplier Votre Majesté Impériale de daigner m'éclaircir sur le but de

cette armée et la direction qu'elle aura donnée à ses opérations. Ignorant ainsi les ordres, que pourrait avoir reçus pour cet effet le général Tormassoff de la part de Votre Majesté Impériale, et voyant la nécessité d'opérer en combinaison avec la 3-e armée, je n'ai pu témoigner au général Tormassoff que par une lettre particulière, mon désir d'avancer tant que possible, en dirigeant aussi les mouvements du corps de Mosir, et de couvrir la forteresse de Bobruisk. Cette place pourrait très bien se défendre, si elle avait un autre gouverneur.

Je suis avec la plus profonde vénération et un dévouement sans bornes, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Au quartier général
de Mostchinki
le 30 juillet
1812.

Переводъ.

Государы! Последнимъ донесеніемъ, которое я имѣлъ счастье представить Вашему Императорскому Величеству, Вы освѣдомлены относительно положенія обѣихъ армій, первыя движенія которыхъ заставили непріятели остановиться. Повидимому, онъ хочетъ угрожать нашему лѣвому флангу корпусомъ князя Понятовскаго, передовые посты котораго достигаютъ Мстислава; однако, эта попытка не будетъ имѣть никакого значенія до тѣхъ поръ, пока мы прикрываемъ большую дорогу на Москву и пока правый флангъ 1-й арміи можетъ открыть свободное сообщеніе съ корпусомъ графа Витгенштейна. Но меня тревожить въ эти рѣшительныя минуты, что я нахожусь въ полномъ невѣдѣніи относительно движеній и операцій 3-й арміи и Мозырскаго корпуса. Вслѣдствіе чего, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Императорское Величество выяснить мнѣ задачу этой арміи и направленіе, данное ею своимъ операціямъ. Не зная повелѣній, которыя могъ получить для сего генераль Тормасовъ отъ Вашего Императорскаго Величества, и видя необходимость дѣйствовать согласованно съ 3-й арміей, я могъ выразить генералу Тормасову только частнымъ письмомъ мое желаніе, чтобы онъ подавался, насколько возможно, впередъ, руководя также движеніями Мозырскаго корпуса, и прикрылъ-бы крѣпость Бобруйскъ. Крѣпость эта могла бы прекрасно обороняться, если бы имѣла другого коменданта.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и безграничной преданностью, Государы, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Въ главвой квартирѣ
при Мошникяхъ
30-го іюля 1812 года.

№ 8. Барклай-де-Толли—Императору Александру.

Помятка рукою Аракчеева:

«Получено 16-го августа въ гор. Або».

Sire, par mon rapport officiel j'ai eu le honneur de porter à la connaissance de Votre Majesté Impériale les détails sur l'état de nos affaires. L'ennemi a réuni toutes ses forces et même affiré le corps de Poniatowsky. Il ne peut avoir d'autre intention, que celle de nous attaquer avec toute sa force et de forcer le chemin de Moscou. C'est pourquoi je m'approche de l'armée du prince Bagration.

Je crois de mon devoir de déclarer à Votre Majesté Impériale que dans les différents combats les deux armées ont essuyé une perte considérable et exigent d'être complétées. J'ose par conséquent présenter à Votre Majesté Impériale s'il n'était pas à propos d'employer pour cet effet les bataillons, escadrons et compagnies d'artillerie de réserve qui se trouvent aux ordres du général Miloradowitsch; car la manière, dont ils existent actuellement, étant composés de recrues et d'officiers trop peu expérimentés ne sera pas d'une grande utilité. C'est surtout à présent le moment, où tous les efforts possibles doivent être faits pour retenir l'ennemi. Les meilleurs expédiens sont pour cet effet les opérations de l'armée du général Tormassoff pour se porter au flanc droit et au dos de l'ennemi, depuis Wollnie et Mosir. L'heureux succès de cette entreprise n'est sujet à aucune doute, dès que les troupes de l'armée de Moldavie sont attirées sans délai pour couvrir la Wollnie et servir de soutien à l'armée de Tormassoff. Une diversion prochaine au flanc gauche de l'ennemi faite par une descente dans la Prusse, la Courlande ou même dans la Livonie on pourrait repousser toute l'aile gauche de l'ennemi. J'ose présenter tout ceci à la connaissance de Votre Majesté Impériale, en attendant Ses ordres là dessus.

J'emploie tout mon possible pour maintenir l'ordre et pour empêcher les excès. J'ai fait fusiller à Smolensk sept traîneurs de l'armée. Cette mesure a fait, il est vrai, l'impression, mais tant que nos officiers et même quelques chefs de régiments ne sont pas convaincus de l'urgence d'une discipline austère, le but commun du maintien de l'ordre ne pourra pas être entièrement atteint. Le simple soldat de l'armée de Votre Majesté Impériale est sans doute le meilleur du monde. Une grande partie des officiers supérieurs et presque tous les officiers inférieurs, en général, qui ne savent que peu mériter la confiance du soldat, sont bien loin de l'égalier par rapport à son assurance personnelle. Tel est surtout le cas des derniers, dont la plupart sont composés de gens trop jeunes et inexpérimentés, qui outre le service de front ordinaire, n'entendent rien de leur métier. Son Altesse Impériale, le

Grand Duc Constantin, a bien voulu se charger de faire verbalement à Votre Majesté Impériale de plus amples rapports.

Je suis avec la plus profonde vénération et un dévouement sans bornes, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Dans le quartier-général
de Korowina
le 9 août
1812.

Переводъ.

Государы! Въ моемъ официальномъ донесеніи я имѣлъ счастье довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества подробное описаніе положенія нашихъ дѣлъ. Непрiятель сосредоточилъ всѣ свои силы и даже притянулъ корпусъ Понятовскаго. Онъ не можетъ имѣть другого намѣренія, кромѣ атаки насъ всѣми силами и форсированія дороги на Москву. Поэтому, я сближаюсь съ арміею князя Вагратіона.

Считаю моимъ долгомъ доложить Вашему Императорскому Величеству, что въ различныхъ бояхъ обѣ арміи понесли значительную потерю и требуютъ пополненія. Вслѣдствіе чего осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству, не будетъ ли соответственнымъ употребить для этой цѣли резервные баталіоны, эскадроны и артилерійскія роты, находящіеся подъ командой Милорадовича; ибо въ настоящемъ своемъ состояніи они, будучи составлены изъ рекрутовъ и весьма мало опытныхъ офицеровъ, не принесутъ большой пользы. Именно теперь наступила минута, когда должны быть сдѣланы всѣ возможныя усилія для удержанія противника. Лучшимъ средствомъ для этого являются операціи арміи генерала Торماسова со стороны Волыни и Мозыря противъ праваго фланга и въ тылъ непріятеля. Усиѣшный результатъ указаннаго предпріятія внѣ всякаго сомнѣнія, если только войска Молдавской арміи будутъ безотлагательно притянуты для прикрытія Волыни и въ подкрѣпленіе арміи Тормасова. Производствомъ диверсіи противъ лѣваго фланга непріятеля посредствомъ высадки въ Пруссіи, Курляндіи и даже Лифляндіи можно было бы отбросить все лѣвое непріятельское крыло. Осмѣливаюсь представить все это на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества и ожидаю Вашихъ по сему повелѣній.

Я употребляю все возможное для поддержанія порядка и воспрепятствованія насиліямъ. Я приказалъ разстрѣлять въ Смоленскѣ семерыхъ отсталыхъ. Эта мѣра, дѣйствительно, произвела впечатлѣніе; но до тѣхъ поръ, пока наши офицеры и даже нѣкоторые полко-

вые командиры не придуть къ убѣжденію въ необходимости строгой дисциплины, общая цѣль поддержанія порядка не можетъ быть вполне достигнута. Рядовой солдатъ арміи Вашего Императорскаго Величества несомнѣнно лучшій въ мірѣ. Значительная часть штабъ-офицеровъ и въ общемъ почти всѣ оберъ-офицеры, умѣющіе лишь въ малой степени заслужить довѣріе солдата, далеко ниже его въ отношеніи представляемой имъ надежности. Это справедливо въ особенности по отношенію къ послѣднимъ, большею частью слишкомъ юнымъ и неопытнымъ и, за исключеніемъ обыденной фронтальной службы, совершенно незнакомымъ съ своимъ дѣломъ. Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Константину, угодно было взять на себя доложить Вашему Императорскому Величеству болѣе подробно на словахъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и безграничной преданностью, Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Въ главной квартирѣ
при Коровинѣ
9-го августа 1812 года.

№ 9. Баржлай-де-Толли—Императору Александру.

Помѣтка рукою Аракчеева: «Получено 16 августа въ г. Або».

Sire! Par mon très humble rapport du 9 août j'ai eu le bonheur de rendre compte à Votre Majesté Impériale des derniers événemens. Aujourd'hui je m'empresse de lui rapporter que l'ennemi a rassemblé toute sa force sur la rive droite du Dnépr, qu'il me poursuit avec véhémence sur le chemin de Dorogobousch. Ses avant-postes ont déjà repassé sur ce chemin, le Dnépr, et s'avancent, en combattant avec mon arrière-garde. La perte de la première armée dans les derniers combats a été très considérable. Cette circonstance jointe à la considération, que dans le cas d'une mauvaise réussite des deux armées réunies, il ne leur reste plus de ressource pour les renforts—me porte à Vous supplier très humblement, Sire, de vouloir ordonner les arrangemens nécessaires pour la formation d'un corps d'armée de réserve, qui puisse servir de renfort et de point de repli sur le chemin de Moscou. Pour cet effet j'ai déjà écrit de ma part au général Miloradowitsch, en le priant de poster ses troupes entre Gjadsk et Wasma et plus proche de cette dernière ville.

Je tâcherai en attendant avec le prince Bagration pour prévenir le hazard d'une entreprise précipitée, ayant toujours à combattre un ennemi supérieur en forces, d'éviter tout engagement général. Cependant nous nous trouvons dans le cas de douter à pouvoir l'effectuer. Je me repose d'autant plus en Dieu, la justice de notre cause et la bravoure éprouvée de nos troupes!—

J'ai le bonheur de mettre ci-près un état de l'armée et une énumération de la perte qu'elle a essuyée dans les combats de Witebsk, de Smolensk et dans la ritirade de cette dernière ville.

Son Altesse Impériale, le Grand Duc Constantin, se charge de faire verbalement des rapports détaillés sur l'état des choses et les troupes.

Je suis avec la plus profonde vénération et un dévouement sans bornes, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Dans le quartier-général
de Umolie le 10 août
1812.

Переводъ.

Государь! Всеподданнѣйшимъ рапортомъ отъ 9-го августа я имѣлъ счастье представить Вашему Императорскому Величеству о послѣднихъ событіяхъ. Сегодня спѣшу донести Вамъ, что непріятель сосредоточилъ всѣ свои силы на правомъ берегу Днѣпра, и что онъ сильно преслѣдуетъ меня по дорогѣ на Дорогобужъ. Его передовыя войска на этой дорогѣ вторично переправились черезъ Днѣпръ и подаются впередъ, сражаясь съ моимъ аррьергардомъ. Потеря первой арміи въ послѣднихъ бояхъ весьма значительна. Это обстоятельство въ связи съ соображеніемъ, что, въ случаѣ неудачи обѣихъ соединенныхъ армій, онѣ не будутъ имѣть болѣе источниковъ для усиленія—побуждаетъ меня всеподданнѣйше просить Васъ, Государь, соблаговолить повелѣть сдѣлать необходимыя распоряженія для сформированія резервнаго корпуса, который могъ бы служить поддержаніемъ и опорой на Московскою дорогѣ. Съ этою цѣлью я уже написалъ съ своей стороны генералу Милорадовичу, прося его расположить свои войска между Гжатскомъ и Вязьмой, ближе къ послѣдному городу. Между тѣмъ, во избѣжаніе риска преждевременнаго принятія боя, имѣя постоянно дѣло съ непріятелемъ, превосходнымъ въ силахъ, я постараюсь вмѣстѣ съ княземъ Вагратіономъ уклониться отъ генеральнаго сраженія. Однако, наше положеніе таково, что сомнительно, чтобы это намъ удалось. Тѣмъ болѣе полагаюсь на Бога, на справедливость нашего дѣла и на испытанную храбрость нашихъ войскъ! Имѣю счастье приложить при семъ вѣдомость состава арміи и исчисленіе понесенной ею потери въ бояхъ подъ Витебскомъ и Смоленскомъ и во время отступленія отъ этого послѣдняго города.

Его Императорское Высочество, Великій Князь Константинъ, беретъ на себя подробно доложить на словахъ относительно положенія дѣлъ и состоянія войскъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и безграничною преданностію, Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный.

Въ главной квартирѣ
при Умольѣ 10-го августа
1812 года.

№ 10. Барклай-де-Толли—Императору Александру.

Пожьтка рукою Аракчеева: «18 августа».

Sire, Son Altesse Impériale, le Grand Duc Constantin, s'est offerte Elle-même de se rendre à Petersbourg pour faire à Votre Majesté Impériale le rapport sur l'état actuel des choses. J'ai consenti avec plaisir à cette offre par des raisons qui Vous sont connues, Sire; mais non par des motifs, qui pourraient faire croire que la position des deux armées de Votre Majesté exigeassent (?) cette mission.

Les armées ont, il est vrai, essuyé des pertes considérables tant par des combats opiniâtres que par des maladies. Mais il y a jusqu'à 3,000 hommes de convalescents sortis des hôpitaux premièrement établis et appartenant à la première armée qui par les mouvements forcés de l'armée sur la gauche de Smolensk n'ont pu encore la rejoindre, en attendant l'ordre pour savoir où ils doivent se rendre. D'ailleurs il arrive journellement des convalescents des hôpitaux qui sont établis dans la direction sur Moscou. Ils arrivent par divisions de 500 hommes et plus encore. C'est à présent peut être le moment, où les affaires de la guerre peuvent gagner un aspect favorable; car l'ennemi—malgré ses efforts de rassembler tout ce qui était disponible; même aussi le 5-e corps commandé par le prince Poniatowsky, qui a quitté Rogatzeff, Mohilew et tout le territoire qu'il occupait, pour se réunir à Napoléon—s'affaiblit à chaque pas qu'il avance, et par chaque combat qu'il nous livre. Nos troupes au contraire sont renforcées par de réserves qui sous le commandement du général Miloradowitsch avancent sur Wásma.

Mon intention est actuellement de prendre à Wásma une position pour un corps de 20—25 mille hommes et de la fortifier de la manière que ce corps sera en état de faire tête à un ennemi supérieur pour pouvoir ensuite avec plus d'assurance agir à l'offensive. J'ai aussi ordonné de lever la contrée de Gjadsk pour y arranger un poste fortifié.

Des motifs majeurs sont la cause pour laquelle il n'ont (?) pu encore avoir lieu des opérations offensives de la part des deux armées. La raison principale en est que ces deux armées qui tant qu'elles n'avaient pas été renforcées par des reserves, sont presque la seule force active de la Russie contre un ennemi supérieur et rusé. Il faut donc tant que possible la con-

server et ne point l'exposer à une défaite pour agir par là tout à fait contre les intentions de l'ennemi qui a rassemblé toutes ses forces pour livrer une bataille décisive. Nous avons été assez heureux d'attendre ce but sans perdre de vue l'ennemi. Nous l'avons retenu à chaque pas, et l'obligerons probablement par là de partager ses forces—et voilà le moment, où notre offensive doit commencer.

Je ne puis me dispenser de renouveler à cette occasion à Votre Majesté Impériale mes inquiétudes sur ce que le moment le plus favorable pour porter à l'ennemi les coups les plus sensibles sera passé, si le général Tormasoff n'opérera pas avec plus d'activité. Il serait à désirer que du moins une partie de l'armée de Moldavie arrive bientôt.

Je suis avec la plus profonde vénération et un dévouement sans bornes, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Dans le quartier-général
de Somlenowa (Semlewo?)

le 14 août
1812.

Переводъ.

Государь! Его Императорское Высочество, Великий Князь Константинъ, самъ предложилъ отправиться въ Петербургъ для доклада Вашему Императорскому Величеству о настоящемъ положеніи дѣлъ. Я принялъ, Государь, это предложеніе съ удовольствіемъ, но извѣстными Вамъ соображеніямъ, но не по причинамъ, которыя могли бы заставить думать, что положеніе обѣихъ армій Вашего Величества вызвало эту миссію.

Правда, арміи понесли значительныя потери, какъ вслѣдствіе упорныхъ боевъ, такъ и вслѣдствіе болѣзней. Но имѣется выписанныхъ изъ госпиталей, учрежденныхъ первоначально, до 3,000 выздоравливающихъ, принадлежащихъ къ составу первой арміи, которые, вслѣдствіе форсированныхъ движеній арміи влѣво отъ Смоленска, не могли еще къ ней присоединиться въ ожиданіи повелѣнія, куда направиться. Кромѣ того ежедневно прибываютъ выздоравливающіе изъ госпиталей, учрежденныхъ въ направленіи на Москву. Они прибываютъ партіями въ 500 и болѣе человекъ. Теперь наступаетъ, можетъ быть, минута, когда военныя дѣйствія могутъ принять благоприятный оборотъ, потому что непріятель, вопреки его усиліямъ сосредоточить все, что было свободно, даже и 5-й корпусъ подъ начальствомъ князя Понятовскаго, который покинулъ Рогачевъ, Моги-

левъ и всю занимавшуюся имъ территорію для присоединенія къ Наполеону—ослабляется съ каждымъ дѣлаемымъ имъ впередъ шагомъ и съ каждымъ боемъ, который онъ намъ даетъ. Напротивъ, наши войска усиливаются резервами, которые подъ начальствомъ генерала Милорадовича двигаются къ Вязьмѣ.

Теперь я намѣренъ занять у Вязьмы позицію корпусомъ въ 20—25 тысячъ человекъ и укрѣпить ее, такъ что этотъ корпусъ будетъ въ состояніи противостоять превосходному непріятелю, чтобы затѣмъ съ большею увѣренностью имѣть возможность дѣйствовать наступательно. Я приказалъ также сдѣлать съемку мѣстности у Гжатска, чтобы устроить тамъ укрѣпленный постъ.

Наступательныя операціи обѣими арміями не могли еще начаться, вслѣдствіе весьма побудительныхъ основаній. Главная тому причина, что, пока обѣ арміи не усилятся резервами, онѣ составляютъ единственную дѣйствительную силу Россіи противъ превосходнаго и коварнаго врага. Поэтому нужно, насколько возможно, сохранить ее и отнюдь не подвергать ее опасности пораженія, дѣйствуя, такимъ образомъ, совершенно въ разрѣзъ съ желаніями противника, который сосредоточилъ всѣ свои силы для рѣшительной битвы. Мы были довольно счастливы, достигнувъ этой цѣли и не потерявъ изъ виду непріятеля. Мы задерживали его на каждомъ шагу и, вѣроятно, вынудимъ тѣмъ его раздѣлить свои силы—и вотъ моментъ, когда должны начаться наши наступательныя дѣйствія.

Не могу при этомъ случаѣ не выразить снова Вашему Императорскому Величеству мои опасенія, что наиболѣе благоприятный моментъ для нанесенія противнику самыхъ чувствительныхъ ударовъ будетъ упущенъ, если генераль Тормасовъ не будетъ дѣйствовать съ большей энергіей. Было бы желательно, чтобы по крайней мѣрѣ часть Молдавской арміи прибыла въ скоромъ времени.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и безграничной преданностью, Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный.

Въ главной квартирѣ
при Соленовѣ (Семлевѣ?)
14-го августа 1812.

№ 11. Барклай-де-Толли—Императору Александру.

Sire! Tout sujet fidèle et serviteur zélé pour la cause de son Monarque et de la Patrie ne peut éprouver qu'une véritable joie à la nouvelle de la nomination d'un Commandant-Général de toutes les armées, autorisé de conduire leurs opérations à un seul but. Agréez, Sire, l'expression de ce sen-

timent de joie, dont je suis pénétré. Je forme des vœux pour que le succès réponde aux intentions de Votre Majesté Impériale. Quant à moi je ne désire que de prouver par le sacrifice de ma vie mon empressement de servir la patrie, dans quelque charge et quelque dignité que je sois. J'ose supplier Votre Majesté Impériale de ne point considérer mon très humble rapport N¹) comme la suite d'une ambition timorée; car dans le moment présent ce serait trahison de ne point vouloir sentir le danger dans lequel se trouve la patrie et la nécessité de lui sacrifier tout. Votre Majesté Impériale a daigné m'honorer de Sa plus haute confiance, et c'est ce qui m'enhardit de Lui parler avec une franchise sans réserve.

En qualité de commandant-général subordonné aux ordres du Prince Koutousoff, je connais mon devoir et je le remplirai scrupuleusement. Cependant je ne sais pas encore quelles seront mes relations en qualité de ministre de la guerre. Peut-être, Sire, oserai-je attribuer cette circonstance, à la bienveillance que Votre Majesté Impériale daigne encore accorder à celui qui autrefois jouissait de Sa confiance entière pour ne pas vouloir décider d'abord sur cet objet, en conférant le ministère de la guerre à quelqu'autre personne. J'ose supplier instamment Votre Majesté Impériale de ne point considérer Ses rapports, pour que le bien du service n'en soit pas altéré pour un seul moment. Vous connaissez, Sire, mes sentimens là-dessus avant le commencement de la guerre. Ma manière de considérer les choses ne s'est point changé depuis, au contraire dans les circonstances présentes elle est devenue plus conséquente encore. Agréez, Sire, cette expression comme une preuve de l'attachement entier et du dévouement sans bornes pour la personne sacrée de mon Auguste Maître—de la part d'un sujet soumis, qui n'ambitionne et ne désire que le bien du service de son Souverain.

Je ne veux point parler dans ce moment, où les affaires seront décidées sous peu de tems, des opérations de l'armée qui m'a été confiée. Le succès prouvera, si j'ai pu faire quelque chose de meilleur pour le salut de l'Etat. Si j'avais été conduit par une ambition aveuglée et folâtre, Votre Majesté Impériale aurait peut-être reçu quantité de relations sur les batailles livrées, et l'ennemi serait néanmoins sous les murs de Moscou, sans trouver des forces suffisantes pour lui résister.

Je suis avec la plus profonde vénération et un dévouement sans bornes, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Dans le quartier-général
de Wasma le 16 août
1812.

1) Пропускъ къ подлинникъ.

Переводъ.

Государы! Каждый вѣрноподанный и преданный дѣлу своего Государя и отечества слуга испытаетъ истинную радость при извѣстїи о назначенїи главнокомандующаго {всѣми арміями, уполномоченнаго направлять ихъ дѣйствїя къ одной общей цѣли. Примите, Государы, выраженїе чувства радости, которымъ я проникнуть. Возсылаю мольбы, чтобы успѣхъ отвѣчалъ желанїямъ Вашего Императорскаго Величества. Что касается меня, какую бы должность или положенїе я не занималъ, я желалъ бы пожертвованїемъ жизни доказать мою готовность служить отечеству. Беру смѣлость покорнѣйше просить Ваше Императорское Величество не смотрѣть на мой всеподданнѣйшїй рапортъ № , какъ на результатъ встревоженнаго честолюбія; ибо въ настоящую минуту было бы измѣной не желать понять опасности, въ которой находится отечество, и необходимости пожертвовать ему всею. Вашему Императорскому Величеству угодно было почтить меня своимъ Высочайшимъ довѣріемъ, и это даетъ мнѣ смѣлость говорить съ Вами съ полной откровенностью.

Въ званїи главнокомандующаго, подчиненнаго князю Кутузову, я знаю свои обязанности и буду ихъ исполнять точно. Но мнѣ неизвѣстно еще, каковы должны быть мои отношенїя по званїю военнаго министра. Можетъ быть, осмѣлюсь, Государы, приписать это обстоятельство благоволенїю, которое Вашему Императорскому Величеству угодно еще даровать тому, кто прежде пользовался Вашимъ полнымъ довѣріемъ, почему Вы и не желаете принять тотчасъ рѣшенїе по этому предмету и возложить завѣдыванїе военнымъ министерствомъ на кого-нибудь другого. Осмѣливаюсь убѣдительнѣйше просить Ваше Императорское Величество не принимать въ соображенїе своихъ отношенїй, дабы польза дѣла ни на одну минуту отъ того не страдала. Вамъ извѣстны, Государы, мысли мои на этотъ предметъ. Мой взглядъ на вещи съ тѣхъ поръ не измѣнился; напротивъ, онъ находитъ еще болѣе почвы въ настоящихъ обстоятельствахъ. Примите, Государы, выраженїе этихъ мыслей, какъ доказательство величайшей привязанности и безграничной преданности къ особѣ моего Августѣйшаго Государя со стороны подданнаго, который только желаетъ и радѣетъ о пользѣ службы своего Монарха.

Не хочу въ настоящую минуту, когда дѣла скоро получаютъ рѣшенїе, говорить о дѣйствїяхъ вѣренной мнѣ арміи. Успѣхъ докажетъ, могъ ли я сдѣлать что-нибудь лучшаго для спасенїя государства. Если бы я былъ руководимъ безразсуднымъ и легкомысленнымъ честолюбїемъ, Ваше Императорское Величество получили бы, можетъ быть, немало донесенїй о данныхъ сраженїяхъ, и, тѣмъ не

менѣе, непріятель очутился бы подъ стѣнами Москвы, не встрѣтивъ достаточныхъ силъ для сопротивленія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безграничной преданностью, Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный.

Въ главной квартирѣ
при Вявѣжѣ
16-го августа 1812 г.

№ 12. Барелай-де-Толли—Императору Александру.

Помѣтка рукою Аракчеева: Получено 29-го августа.

Sire! Après avoir eu la grâce de me nommer à l'emploi que j'occupe jusqu'à présent, je Vous l'ai prédit, Sire, que ce seraient la calomnie et les intrigues, qui réussiraient à me priver de la confiance de Mon Souverain. Je m'y attendais, car c'est un événement, qui n'est que trop commun dans la nature des choses. Mais j'aurais eu de la peine à m'imaginer que je finirais par m'attirer la disgrâce même, la manière dédaignante, dont je suis traité! Ma conscience me dit, que je ne le mérite pas. Le rescrit, que Votre Majesté a voulu m'adresser en date du 8 août, celui au Prince Koutousoff et le traitement que j'éprouve ici, en sont des preuves manifestes. Dans le premier de ces rescrits je suis assez malheureux d'être admis au nombre de ces individus soudoyés et lâches qu'on ne peut animer à remplir leur devoir que par l'espérance illusoire de quelques récompenses et dans l'autre rescrit les opérations de l'armée sont désapprouvées. La suite des événemens prouvera si elles sont à blâmer; c'est pourquoi je ne veux point Vous entretenir, Sire, de la justification de ces opérations. D'ailleurs la manière dont on se comporte ici envers moi est comme si ma sentence était signée. On prend, sans attendre mon consentement des employés qui appartiennent à mon ministère. Au nombre de ceux-ci se trouve une personne qui sans un ordre exprès de Votre Majesté Impériale ne peut être placée ailleurs. On m'a borné à un cercle d'activité, où je ne puis ni être utile, ni actif.

Le zèle le plus ardent pour le bien du service, la résignation parfaite pour les intérêts de mon Souverain, le sentiment profond, j'ose le dire, d'un attachement particulier pour Sa Personne Sacrée—tous ces sentimens réunis à la fois, étaient bien en état d'ébranler l'intérieur de mon âme à la lecture des rescrits, qui fixaient ma destination. Cependant dans le moment actuel, où tout sujet fidèle ne doit avoir devant les yeux que le danger de la patrie, je supprimais tout sentiment de mortification profonde. J'avais pris la ferme résolution de ne point importuner Votre Majesté Impériale de ma part d'aucune ligne.

Mais à présent j'ai déconvert le tissn de l'intrigue la plus noire par la quelle on a osé rapporter à Votre Majesté Impériale les nouvelles les plus inquiétantes sur l'état de l'armée; je sais que l'on continue encore à Vous maintenir, Sire, dans cette opinion, pour donner dans le cas d'un heureux succès plus de poids à son propre mérite; je sais que l'on a donné des explications défavorables à chacune de mes actions, à chacun de mes pas et que l'on en a fait les rapports à Votre Majesté Impériale par des voles particulières. Mais surtout dans ma position actuelle, où je me vois méprisé, je me sens trop faible pour supporter ce chagrin intérieur, qui me désole. Mon esprit et mon ame s'affligent et je deviens incapable de rien.

C'est pourquoi j'ose supplier Votre Majesté Impériale de m'arracher de cette position malheureuse et de me licencier entièrement de Ses services. C'est avec d'autant plus de franchise que j'ose Vous adresser encore ces lignes, Sire, que nous nous trouvons la veille d'un combat sanglant et décisif, où je réussirai peut-être le comble de tous mes vœux.

Si jamais, Sire, je n'ai pas été tout à fait indigne de Votre bienveillance et de Votre confiance précieuses—ne me refusez pas cette unique et peut-être cette dernière de mes prières. Je ne demande rien; je ne désire rien que de passer le triste reste de ma vie, si je ne puis Vous la sacrifier, Sire, sur le champ d'honneur, dans un coin isolé de Votre Empire et s'il est possible d'oublier le passé.

Je suis avec la plus profonde vénération et un dévouement sans bornes, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Dans le quartier-général
de Tatarina
le 24 août
1812.

Переводъ.

Государь! Послѣ того, какъ Вы благоволили назначить меня на должность, которую я занимаю до настоящаго времени, я Вамъ предсказывалъ, Государь, что клевета и интриги успѣютъ лишить меня довѣрія моего Монарха. Я ожидалъ этого, потому что такой результатъ совершенно естественно вытекаетъ изъ порядка вещей. Но мнѣ было трудно представить себѣ, что я кончу тѣмъ, что навлеку на себя даже немилость и пренебреженіе, съ которымъ со мною обращаются! Совѣсть моя говоритъ мнѣ, что я не заслуживаю этого. Рескриптъ, который Вашему Величеству угодно было дать мнѣ отъ 8-го августа, рескриптъ князю Кутузову и обращеніе здѣсь со мною служатъ очевидными тому доказательствами. Въ первомъ изъ этихъ

рескриптовъ я настолько несчастливъ, что причисленъ къ продажнымъ и презрѣннымъ людямъ, которыхъ можно побудить къ исполненію ихъ обязанностей лишь призрачной надеждой награды, во второмъ же рескриптѣ операціи арміи подвергнуты порицанію. Послѣдствія событій покажутъ, заслуживаютъ ли онѣ осужденія; поэтому я не хочу оправдывать передъ Вами, Государь, эти операціи. Къ тому же здѣсь обращаются со мною такъ, какъ будто бы мой приговоръ подписанъ. Не ожидая моего согласія, отбираютъ чиновниковъ, мнѣ подчиненныхъ. Въ числѣ ихъ находится лицо, которое не можетъ получить другого назначенія безъ особаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества. Меня поставили въ рамки, въ которыхъ я не могу быть ни полезнымъ, ни дѣятельнымъ.

Самое горячее усердіе къ благу службы, полная преданность интересамъ моего Государя, осмѣлюсь сказать, глубокое чувство особой привязанности къ Его Священной Особѣ—всѣ эти чувства, испытываемыя одновременно, конечно, могли потрясти глубоко мою душу при чтеніи рескриптовъ, которые рѣшали мое назначеніе. Однако, въ настоящую минуту, когда каждый вѣрноподданный долженъ имѣть передъ глазами только опасность, угрожающую отечеству, я совершенно подавилъ чувство глубокой скорби. Я принялъ твердое рѣшеніе не беспокоить съ своей стороны Ваше Императорское Величество ни одной строчкой.

Но теперь я раскрылъ сѣтъ самой черной интриги, посредствомъ которой осмѣлились довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества тревожнѣйшія извѣстія о состояніи арміи; я знаю, Государь, что Васъ продолжаютъ еще поддерживать въ томъ мнѣніи, чтобы, въ случаѣ счастливаго успѣха, придать болѣе цѣны собственной заслугѣ; знаю, что каждому изъ моихъ дѣйствій, каждому моему шагу, были даны неблагоприятныя истолкованія и что ихъ довели до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества особыми путями. Но въ моемъ настоящемъ положеніи, особенно видя къ себѣ пренебреженіе, я чувствую себя слишкомъ слабымъ, чтобы переносить внутреннюю скорбь, которая приводитъ меня въ отчаяніе. Мой умъ и мой духъ опечалены, и я становлюсь ни къ чему не способнымъ.

Осмѣливаюсь, поѣтому, покорнѣйше просить Ваше Императорское Величество освободить меня изъ этого несчастнаго положенія и совершенно уволить отъ службы. Осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ съ этими строками, Государь, тѣмъ съ большей смѣлостью, что мы находимся наканунѣ кровавой и рѣшительной битвы, въ которой, можетъ быть, исполнятся всѣ мои желанія.

Если когда-либо, Государь, я былъ хотя сколько-нибудь достоинъ Вашихъ драгоцѣнныхъ благоволенія и довѣрія, не откажите мнѣ въ этой единственной и, можетъ быть, послѣдней моей просьбѣ. Я не

прошу ничего; я желаю только провести печальный остатокъ моей жизни, если не могу пожертвовать ею Вамъ, Государь, на полѣ чести, въ глухомъ уголку Вашей Имперіи и, если возможно, забыть прошлое.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и безграничной преданностью, Государь Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный.

Въ главной квартирѣ
при Татариновъ.
24-го августа 1812.

№ 13. Барклай-де-Толли—Императору Александру.

Пометка рукою Аракчеева: Получено отъ Государя 3-го октября.

Sire! Ce n'est que pour obéir aux ordres exprès du Maréchal Prince Koutousoff, que j'ai le honneur de présenter à Votre Majesté Impériale la liste de ceux, qui avant l'arrivée de Son Altesse se sont particulièrement distingués dans plusieurs combats. Dans cette représentation, il n'est fait mention de personne qui n'ait pas mérité par sa conduite un droit indubitable à la bienveillance de son Monarque.

Je n'ai fait aucune représentation pour l'affaire de Wlpepsk de 13 juillet, car, quoique son issue fut glorieuse pour les armes de Votre Majesté, une faute un peu grave nous y fit perdre 6 canons d'artillerie à cheval.

Les combats du 14 et 15 juillet sont des monumens éternels de la gloire de Vos troupes. De faibles corps y ont par leur seule contenance, l'observation de l'ordre, leur rare valeur et sous la conduite habile de leurs chefs, non seulement retenu les forces réunies de l'ennemi le plus entreprenant pendant des jours entiers, mais leur ont causé encore une perte sensible.

La défense de Smolensk le 5 et 6 août contre toute la force ennemie rassemblée ne peut être que honorable pour Vos troupes et sauva la 2-de armée, qui sans ce combat aurait été ou obligée de se replier sur la 1-re et d'ouvrir à l'ennemi le chemin droit à Moscou, ou d'être entièrement détruite par lui sur sa marche à Dorogobousch, sur quel chemin l'ennemi avait déjà détaché une colonne, qui, par le mouvement de la 1-re armée, fut obligée à se replier sur son gros.

Les combats du 7 août, pendant lesquels une colonne de l'armée fut attaquée deux fois par une force supérieure ennemie sur des endroits différens, suffirent pour couvrir d'une gloire immortelle les braves troupes de Votre Majesté qui les ont soutenus et avaient tellement imposé à l'ennemi que depuis ce tems et même à présent encore, il emploie la plus grande précaution dans ses opérations. Je dois encore ajouter qu'alors l'attaque de l'ennemi me surprit d'une manière tout à fait inattendue, car selon la dis-

position convenue, je croyais trouver sur les endroits où se fit l'attaque, inévitable par là même, l'arrière-garde de la 2-de armée, mais en sa place, je voyais devant moi l'ennemi avançant avec des forces supérieures et néanmoins il fut culbuté et subit la perte de plusieurs milliers d'hommes parmi lesquels quelques généraux.

Il est vrai que par rapport au nombre des morts et blessés tous ces combats réunis n'entrent pas en comparaison avec une soi-disante bataille, mais leurs vrais résultats ont été plus importants que les suites d'une bataille dite gagnée—car par l'affaire de Witepsk, l'intention de l'ennemi de nous prévenir à Witepsk, fut frustrée et la jonction de deux armées s'opéra beureusement. Lorsque l'ennemi tourna toutes ses forces sur Smolensk, il ne pouvait avoir d'autre intention que celle de couper l'armée de toute la partie méridionale de l'Empire, de l'armée de Tormassow et même de Moscou. Mais il n'a pas réussi alors dans aucun de ces buts proposés; l'armée le retint à Smolensk et donna à la 2-de armée le tems nécessaire pour arriver à Dorogobouscb.

Par le combat du 7 août, l'intention de l'ennemi de séparer les deux armées fut rendue vaine.

Les retraites, qui se faisaient après ces différens combats n'étaient point des retraites forcées, mais déterminées avant le combat d'après des circonstances et des raisons importantes. Ce n'était pas une fuite, mais un mouvement exécuté avec tout l'ordre possible en face de l'ennemi et pendant lequel il ne tomba dans ses mains que quelque peu de traîneurs.

C'est de la conservation de l'armée que dépendait le sort de l'Empire, et l'affaire du 26 août prouva que malgré tous les précédens combats opiniâtres ce grand but avait été complètement rempli, car ce n'est qu'une armée bien conservée et bien organisée qui puisse se battre comme s'est battue l'armée de Votre Majesté sous des circonstances aussi contraires que celles qui se réunirent pour l'accabler à la journée sanglante de Borodino, après la quelle elle se trouve dans son état actuel.

Je ne fais mention de ceci, que pour remplir mon devoir de présenter à Votre Majesté le mérite de Votre brave armée dans toute son étendue.

Sire! Vous serez juste envers les braves que j'ai l'honneur de recommander à Votre bienveillance et ne leur refuserez point les récompenses dues à leur mérite. Il serait injuste s'ils devaient souffrir par la disgrâce qui est tombée sur celui qui avait le bonheur de les commander.

A ce qui me concerne personnellement, je me sou mets avec résignation et fermeté à mon sort, et après que mon vœu le plus ardent ne s'est pas accompli le 26 août et que la Providence y a épargné une vie qui m'est à charge, il ne me reste que d'implorer comme la seule grâce de Votre Majesté, Son consentement à la prière, que j'ai osé Lui soumettre dans ma précédente très humble lettre.

Permettez, Sire, que j'y ajoute encore une seule et la dernière de mes

приères. Elle concerne mon aide-de-camp, le colonel Sakrewsky, l'un des officiers les plus distingués de l'armée par son mérite personnel, sa bravoure éprouvée, son zèle infatigable pour le service et des véritables talents militaires. Je voulais le présenter officiellement à Votre Majesté et rien n'en aurait pu me retenir que ses propres instances que je ne le fasse pas, et il a prouvé par là qu'il ne sert pas par aucune vue d'intérêt personnel, mais par pur dévouement pour la Patrie. Votre Majesté possède en lui un officier qui, s'il en aura l'occasion, rendra à l'Etat des services grands et importants.

Daignez, Sire, en récompensant ce digne officier, répandre la dernière consolation sur l'esprit d'un de Vos serviteurs les plus fidèles, mais accablé par le chagrin le plus profond; qui n'a point d'autre ressource que la pureté de sa conscience, dont le dévouement sans bornes pour Vous ne cessera qu'avec la vie et qui en expirant formera le dernier vœu pour le bien-être de Votre Majesté Impériale.

Sire, de Votre Majesté Impériale le très soumis et fidèle sujet.

Ce 11 septembre 1812
Krasnoje.

Переводъ.

Государь! Повинуясь исключительно категорическому приказанию фельдмаршала князя Кутузова, я имѣю счастье представить Вашему Императорскому Величеству снисокъ тѣхъ, которые, до прибытія Его Свѣтлости, оказали въ нѣсколькихъ бояхъ особыя отличія. Въ этомъ представленіи упомянуты только тѣ лица, которые своимъ поведениемъ заслужили несомнѣнное право на благосклонность своего Монарха.

Я не сдѣлалъ никакого представленія за дѣло подъ Витебскомъ 13-го іюля, потому что, хотя исходъ его и былъ славенъ для оружія Вашего Величества, довольно серьезная ошибка заставила насъ потерять 6 конныхъ орудій.

Бои 14-го и 15-го іюля составляютъ вѣчные памятники славы Вашихъ войскъ. Слабые корпуса, исключительно благодаря своей стойкости, сохраненію порядка и своему рѣдкому мужеству, искусно руководимые своими начальниками, не только удерживали въ теченіи цѣлыхъ дней соединенныя силы предприимчивѣйшаго противника, но и причинили имъ чувствительныя потери.

Оборона Смоленска 5-го и 6-го августа противъ всѣхъ сосредоточенныхъ непріятельскихъ силъ можетъ быть лишь почетной для Вашихъ войскъ и спасла 2-ю армію, которая безъ этого боя была бы, или

вынуждена отступить на 1-ю и открыть врагу прямой путь на Москву, или быть совершенно имъ уничтоженной во время своего движенія на Дорогобужъ, по пути куда непріятель уже отдѣлилъ колонну, которая движеніемъ 1-й арміи была вынуждена къ отступленію на свои главные силы.

Бои 7-го августа, когда одна изъ колоннъ арміи была дважды въ разныхъ мѣстахъ атакована превосходными непріятельскими силами, достаточны для того, чтобы покрыть безсмертной славой храбрыя войска Вашего Величества, которыя ихъ выдержали, и которыя внушили такое уваженіе непріятелю, что онъ съ тѣхъ поръ и даже теперь соблюдаетъ величайшую осторожность въ своихъ операціяхъ. Долженъ еще добавить, что тогда нападеніе непріятеля захватило меня совершенно врасплохъ, потому что, согласно условленнаго распорядка, на той мѣстности, гдѣ послѣдовала атака, которую, вслѣдствіе этого самаго, нельзя было избѣжать, я рассчитывалъ встрѣтить аріергардъ 2-й арміи, но вмѣсто него увидѣлъ противника, наступающаго съ превосходными силами, и тѣмъ не менѣе онъ былъ опрокинутъ и понесъ потерю въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ нѣсколько генераловъ.

Правда, что въ отношеніи числа убитыхъ и раненыхъ всѣ эти бои, вмѣстѣ взятые, нельзя сравнивать съ такъ называемымъ сраженіемъ, но ихъ дѣйствительные результаты были важнѣе, нежели послѣдствія выиграннаго сраженія, потому что, благодаря дѣлу подъ Витебскомъ, намѣреніе непріятеля предупредить насъ въ Витебскѣ было обмануто, и соединеніе обѣихъ армій совершилось благополучно. Непріятель, обративъ всѣ свои силы къ Смоленску, могъ только имѣть намѣреніемъ отрѣзать армію отъ всей южной части Имперіи, отъ арміи Торماسова и даже отъ Москвы. Но онъ не достигъ тогда ни одной изъ этихъ поставленныхъ цѣлей. Армія удержалась въ Смоленскѣ и дала 2-й арміи необходимое время для прибытія въ Дорогобужъ.

Бой 7-й августа сдѣлалъ тщетнымъ намѣреніе непріятеля разъединить обѣ арміи.

Отступленіе послѣ этихъ разныхъ боевъ не было вынужденнымъ, но было предрѣшено до боя въ соотвѣтствіи съ обстановкой и съ важными соображеніями. То было не бѣгство, но движеніе, исполненное въ такомъ порядкѣ, который только возможенъ въ виду непріятеля, и во время котораго въ его руки попало лишь незначительное число отсталыхъ.

Судьба Имперіи зависѣла отъ сохраненія арміи, и сраженіе 26-го августа доказало, что, несмотря на всѣ предшествовавшіе упорные бои, эта важная задача была вполне достигнута, потому что только хорошо сохранившаяся и хорошо организованная армія могла сра-

жаться такъ, какъ сражалась арміи Вашего Величества при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя соединились, чтобы подавить ее въ кровавомъ Бородинскомъ сраженіи, послѣ котораго она и находится въ своемъ настоящемъ состояніи.

Я упоминаю объ этомъ только, чтобы исполнить мой долгъ, представивъ Вашему Величеству въ полномъ объемѣ заслугу Вашей храброй арміи.

Государь! Вы будете справедливы по отношенію къ храбрецамъ, которыхъ я имѣю честь представить Вашей благосклонности, и не откажете имъ въ заслуженныхъ ими наградахъ. Было бы несправедливо, если бы они должны были пострадать вслѣдствіе опалы, павшей на того, который имѣлъ счастье ими командовать.

Что касается лично меня, я подчиняюсь безропотно и съ твердостью моей участи, и, послѣ того какъ 26-го августа не исполнилось мое самое горячее желаніе, и Провидѣніе пощадило жизнь, составляющую для меня бремя, мнѣ остается умолять Ваше Величество объ единственной милости—изъявить Свое согласіе на просьбу, которую я осмѣлился повергнуть передъ Вами въ моемъ предшествовавшемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ.

Позвольте, Государь, прибавить къ ней еще одно послѣднее ходатайство. Оно касается моего адъютанта, полковника Закревскаго, одного изъ офицеровъ арміи, наиболѣе выдающихся своими личными достоинствами, своей испытанной храбростью, своей неутомимой ревностью къ службѣ и истинными военными талантами. Я хотѣлъ представить о немъ офиціально Вашему Величеству, и меня могли заставить отказаться отъ этого только его собственныя неотступныя просьбы, чтобы я этого не дѣлалъ, и онъ доказалъ тѣмъ, что служить, руководясь, не какими-либо соображеніями личнаго интереса, а истинной преданностью къ Отечеству. Ваше Величество обладаете въ немъ офицеромъ, который, если представится случай, окажетъ государству большія и важныя услуги.

Соблаговолите, Государь, вознаградивъ этого достойнаго офицера, излить послѣднее утѣшеніе на душу одного изъ Вашихъ вѣрнѣйшихъ слугъ, удрученнаго глубочайшей скорбью, который не располагаетъ ничѣмъ, кромѣ чистой совѣсти, чья безграничная преданность Вамъ прекратится только съ жизнью, и послѣднимъ желаніемъ котораго въ минуту смерти будетъ благоденствіе Вашего Императорскаго Величества.

Государь, Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій вѣрноподанный.

11-го сентября 1812 г.
Красное.

№ 14. Барклай-де-Толли—Императору Александру.

Пожьтка рукою Аракчеева: Получено 3-го октября съ княземъ Волховскимъ.

Sire! L'état de ma santé ruinée ne me permettant plus de me charger du commandement de la 1-ère armée j'ai prié Son Altesse le Prince Koutousoff de m'en dispenser et de m'accorder un semestre jnsqu'à mon rétablissement. Ayant reçu cette permission je me rends à présent à Kaluga. J'y passerai quelque tems pour me guerir et passerai en suite à Tula pour attendre les dispositions et les ordres suprêmes de Votre Majesté Impériale par rapport à ma situation.

Je suis avec la plus profonde vénération et un dévouement sans bornes, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Au quartier-général
de Tarutino
le 22 septembre
1812.

Переводъ.

Государь! Состояніе разстроеннаго здоровья не позволяетъ мнѣ продолжать командованіе 1-й арміей, и я просилъ его свѣтлость князя Кутузова уволить меня отъ него и разрѣшить мнѣ отпускъ до выздоровленія. Получивъ отпускъ, я отправляюсь теперь въ Калугу. Я проведу тамъ нѣкоторое время для лѣченія и проѣду затѣмъ въ Тулу, гдѣ буду ожидать распоряженій и Высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества повелѣній относительно своего положенія.

Съ величайшимъ уваженіемъ и безграничной преданностью, Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный.

Въ главной квартирѣ
при Тарутинѣ
22-го сентября 1812.

№ 15. Барклай-де-Толли—Императору Александру.

Пожьтка рукою Аракчеева: «Получено отъ Государя 3-го октября».

Sire! Ma santé est ruinée et mes forces morales et physiques sont épuisées à un tel degré qu'ici à l'armée je ne puis à présent être absolument d'aucune utilité au service de Votre Majesté Impériale et c'est la raison qui m'a porté à demander au Prince Koutonsoff la permission de m'éloigner de l'armée jusqu'au rétablissement de ma santé.

Sire! Je désirerais trouver des expressions pour Vous peindre le chagrin profond, qui ronge mon cœur en me voyant forcé de quitter une armée avec laquelle j'ai voulu vivre et mourir.

Mais si ce n'était pas même mon état de maladie, c'est la suite des fatigues et des inquiétudes morales, qui m'y aurait obligé—les circonstances actuelles et la manière dont est dirigée cette brave armée, qui me mettent dans l'impossibilité d'être actif pour le bien du service; en un mot qui me rendent absolument inutile à l'armée. Ces considérations suffiraient seules de justifier ma démarche aux yeux de tout juge impartial.

Sire! Après tout ce que j'ai essayé et ce qui se passe à l'armée, dont je ne porte que le titre de commandant, sans l'être, car il y a bien une dizaine de personnes, qui la commandent, mon unique désir est d'être licencié entièrement du service. Je supplie Votre Majesté Impériale de m'accorder ce bienfait comme l'unique grâce, que je Lui demande; ou si jamais, Sire, Vous trouverez bon de m'employer quelque part, daignez au moins me placer ailleurs qu'à cette armée; qui dans l'état actuel des choses n'est pas commandée par moi, mais par des individus trop peu expérimentés, attachés à la suite de deux faibles vieillards, qui ne connaissent d'autre bien suprême que la satisfaction de leur égoïsme, dont l'un content d'avoir atteint le comble de ses désirs passe son temps dans la plus parfaite inactivité et se fait conduire par tous les jeunes gens, qui l'entourent, et l'autre, briguant en secret la charge du premier, ne cause que du mal par son irrésolution et la confusion qu'il répand dans toutes les parties de l'administration de l'armée.

Au reste, tous les deux sont très satisfaits de voir en moi quelqu'un, sur lequel ils peuvent faire tomber la responsabilité de tout malheur possible; car en cas de succès, ils savent eux-mêmes se louer.

L'administration de l'armée, si bien organisée, n'existe plus à présent car le Prince, qui veut commander en personne, donne des ordres; le général Bennigsen et tous ceux qui les entourent en donnent aussi, et détachent à leur gré des troupes, sans que celui qui porte le nom de commandant de l'armée et son état-major en soient instruits, de sorte que dernièrement j'ai été obligé de m'adresser au général du jour du Prince afin qu'il me donnât des renseignements sur plusieurs troupes de la 1-ère armée, qu'on avait détachées—et il n'en savait rien lui-même. Pour apprendre où se trouvent les cosaques de l'armée, on s'est adressé au général Platoff qui n'en sait non plus rien. Encore dans ces jours-ci on m'envoya l'ordre de détacher quelque cavalerie pour renforcer l'arrière-garde et on avait oublié que tous, même les cuirassiers, avaient été déjà détachés auparavant.

La partie des quartiers-maîtres est tout à fait désorganisée; car il n'y a plus de quartier-maître général; aujourd'hui c'est M-r Toll, demain c'est M-r Neidhards, un autre jour c'est M-r Chomentoffsky etc., qui en fait la fonction et tous les officiers de cette partie qui avaient été répartis au quartier-général et aux différens corps et dont chacun avait sa fonction compo-

sent à présent la suite du général Bennigsen qui les emploie de la manière que il y a quelques jours de ça personne ne savait pas quei chemin ou quelle position prendre. Toutes les deux armées sachant seulement suivre le grand chemin, y marchaient pêle-mêle, les équipages, l'artillerie, la cavalerie, l'infanterie dans un désordre parfait, se trouvant souvent arrêtés par des ponts rompus, à la réparation desquels on n'avait pas eu le moindre soin, et arrivant après une marche pénible au point indiqué, les troupes erraient souvent le reste du jour à droite et à gauche sans savoir, où se placer, et à la fin elles étaient obligées de rester en colonnes près du grand chemin, sans bivouacs et sans vivres.

Moi-même, je n'ai pas eu, jusqu'à quelques jours de ça, personne du corps des quartiers-maîtres auprès de moi, qui aurait pu me donner des renseignements sur les marches et les positions à prendre.

La partie des vivres est mal administrée, puisqu'elle est commandée par tout le monde; par là vient que les transports se croisent; ceux de Kaluga vont à Rézan et ceux de Rézan vont à Kaluga, tandis que l'armée a manqué de vivres plusieurs jours de suite.

Le corps de communications des routes formé à l'armée pour le maintien des chaussées et ponts, qui sous la direction du colonel Manfredi servait à merveille, est séparé de l'armée; le général Bennigsen l'a donné aux ordres du général Iwaschow en y ajoutant encore tous les pionniers des deux armées, 500 hommes de la milice à cheval et 2,000 hommes de la milice à pied, et avec tout cela on ne trouve en marche ni ponts ni chemins réparés et les anciens officiers de ce corps sont ou congédiés ou renvoyés, sans que j'en sois au moins instruit, quoiqu'ils appartiennent à la première armée.

Deux tiers de l'armée avec toute la cavalerie qui est ablée à ne pouvoir plus servir, se trouvera à l'arrière-garde qui à la moindre approche de l'ennemi se retire; le reste de l'armée est d'abord mis sous les armes pour toute la journée sans que l'on soit instruit des forces de l'ennemi qui avance contre nous et fait quelquefois parade de loin avec quelque colonne, ce qui prouve, qu'il n'a pas l'intention ferme de nous attaquer, car alors il cacherait ses forces.

Il faut remarquer que l'arrière-garde et tout ce qui est détaché ne dépend sous aucun rapport du commandant de l'armée; car ce n'est que le général Bennigsen, qui leur donne des ordres et qui reçoit les rapports. C'est pourquoi j'ai du quelquefois demander comme grâce de savoir ce qui se passe à l'arrière-garde et pourquoi on se met sous les armes.

Après avoir exécuté avec succès le mouvement le plus prudent et le plus hardi, celui de se porter sur le chemin de Kaluga, on laissa passer le moment le plus favorable pour porter à l'ennemi un coup sensible, qui l'aurait obligé peut-être d'évacuer Moscou; c'est-à-dire d'opérer sur sa ligne de communication avec Smolensk. On y avait détaché le général-major Dorochow, qui en peu de jours avait fait beaucoup; mais après l'avoir appelé—

suite de quelque alarme, que l'ennemi nous donna sur notre droite—on perdait tout-à-fait de vue cet objet essentiel. J'avais proposé tout de suite d'y envoyer le général-major comte Orlov-Denissoff avec quelques régimens de cosaques; mais on n'y lit pas attention. A la fin après des instances réitérées de ma part, on y envoya le 19 septembre le prince Wadbolzky, colonel, avec 4 escadrons de bussards et 500 cosaques; mais cela n'aboutira à rien: 1-mo puisque nous nous retirons à présent plus de 80 werstes du chemin de Mojaïsk, et à une telle distance il est bien difficile de pouvoir pénétrer quand l'ennemi a pris ses précautions; et 2-do le colonel Wadbolzky n'est pas l'homme fait pour une telle expédition; il est un des plus braves officiers; mais il n'est pas capable de commander une expédition où il faut beaucoup de savoir-faire et beaucoup d'intelligence.

Au moment, où nous devons prendre l'offensive, et nous pouvions le faire avec toute sûreté, nous poursuivons notre mouvement rétrograde, n'ayant contre nous que l'avant-garde de l'ennemi.

Nous nous éloignons à une telle distance, que nous perdrons de vue l'ennemi avec ses forces essentielles, car il nous amuse seulement avec ses avant-gardes, ayant tout le tems de se renforcer et de se remonter. Il anra même la possibilité de restaurer une partie de son armée dans des cantonnemens. Mais ce qui m'inquiète le plus, c'est que l'ennemi peut chasser le général Winzingerode et pousser une forte colonne jusqu'à Twer, où il trouvera de grands magasins, ou, pour couvrir sa communication avec Smoleusk, il se rendra maître du chemin de Moscou par Borowsk et Kaluga et nous forcera par là de poursuivre notre mouvement rétrograde. Il mettra du moins beaucoup de difficultés à la communication directe avec l'amiral Tchitchagow—objet, qui me paraît de la dernière importance.

Dans une seule journée on donne trois fois ordres pour attaquer les avant-postes de l'ennemi et trois fois on les contremande; à la fin on l'exécute vers le soir et perd du monde sans rime et sans raison. Ce n'est que l'obscurité, qui met fin à cette irrésolution.

Tous ces procédés sont bien en état de prouver que l'armée n'est pas bien commandée. Je n'ai pas besoin de faire mention de la bataille de Borodino pour appuyer cette vérité.

Quant à moi, je suis devenu menteur devant une armée, qui m'avait toujours marqué la plus grande confiance; car en faisant la revue de troupes lorsque nous étions déjà en marche pour gagner le chemin de Kaluga, ravi de ce qu'on avait pris cette résolution, je harangais les troupes; je leur promettais qu'elles verraient bientôt l'ennemi dans la nécessité absolue, ou de se battre jusqu'au dernier homme, ou de chercher son salut dans une retraite précipitée; je les prévenais de se préparer à des combats et à des brillans succès. Après tout cela, elles ne voient pas même l'ennemi, devant lequel elles se retirent.

Tel est, Sire, le tableau fidèle de la situation de Votre armée et la

position de celui qui la commandait jusqu'à présent, et qui, après des services rendus à l'Etat, se trouve dans l'alternative malheureuse de devenir responsable et souffrir pour toutes les mauvaises suites, qu'il prévoit, sans qu'il soit plus en son pouvoir de les prévenir.

J'avais évité le combat général jusqu'à un certain point par des principes bien mûrement calculés, et je tenais ferme à ces principes, me moquant de tout ce qu'on trouvait à y redire; et j'aurais donné à la fin bataille, non pas près de Mojaïsk, mais au delà de Gchatzk à Zarewa-Zaimische. Je suis sûr que j'aurais battu l'ennemi, puisque la bataille aurait été livrée avec ordre et il n'y aurait en qu'un seul, qui commandait. Mes réserves seraient restés intacts jusqu'au dernier moment, et si même j'avais éprouvé quelque échec, jamais l'ennemi n'aurait pu occuper Moscou; puisque la direction de ma retraite n'aurait pas été sur Moscou, mais sur Kaluga, en détachant toutes les milices rassemblées sur Moscou. Mes dispositions pour les vivres, faites à Kaluga, Orel et Toula, qui heureusement à présent nous preservent de la famine, ont été calculées pour cette opération.

Après avoir gagné la direction sur Kaluga, ayant derrière moi des renforts, qui me pouvaient arriver à chaque moment, j'aurais repris l'offensive d'une manière bien active.

Pardonnez, Sire, que j'ose Vous importuner par ces détails. Après avoir scrupuleusement remplis mes devoirs envers un Souverain adoré et une patrie chérie, je serai trop malheureux de voir ma réputation ternie aux yeux de mon Monarque car c'est sans doute le plus grand des malheurs, qui puisse arriver à un homme d'honneur et de principe. Votre Majesté Impériale daignera se convaincre, qu'en Lui exposant la pure vérité, je ne pouvais dans ma situation actuelle, avoir d'autre intention que de Vous être encore une fois utile, Sire, et de sauver, s'il est possible, une réputation, qui répond à la conviction de ma conscience.

Agréez, Sire, les profonds hommages de celui, qui dans la disgrâce même ne cesse de Vous parler avec franchise et qui jusqu'au dernier souffle de sa vie conservera le souvenir de la bienveillance, dont jadis, Sire, Vous l'avez honoré, ainsi que le dévouement sans bornes avec lequel il Vous servait toujours.

Je suis avec la plus profonde vénération, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Kalouga
le 24 septembre
1812.

Переводъ.

Государь! Мое здоровье разстроено, а мои моральныя и физическія силы до такой степени подорваны, что теперь здѣсь, въ арміи, я безусловно не могу быть полезнымъ на службѣ Вашего Императорскаго Величества, и эта причина побудила меня просить у князя Кутузова позволенія удалиться изъ арміи до возстановленія моего здоровья.

Государь! Я желалъ бы найти выраженія, чтобы описать Вамъ глубокую печаль, снѣдающую мое сердце, видя себя вынужденнымъ покинуть армію, съ которой я хотѣлъ жить и умереть. Но если бы даже и не состояніе моей болѣзни, послѣдствія утомленія и нравственныхъ тревогъ—меня вынудили бы къ тому; настоящія обстоятельства и способъ управленія этой храброй арміей ставятъ меня въ невозможность быть дѣятельнымъ для блага службы, однимъ словомъ, дѣлаютъ меня безусловно безпомощнымъ въ арміи. Одни эти соображенія были бы достаточны для оправданія моего поступка въ глазахъ всякаго безпристрастнаго судьи.

Государь! Послѣ всего того, что я перенесъ, и того, что происходитъ въ арміи, коей я лишь ношу званіе командующаго, не будучи имъ, ибо ею командуютъ до десятка лицъ, мое единственное желаніе—это быть совершенно уволеннымъ отъ службы. Умоляю Ваше Императорское Величество оказать мнѣ это благодѣяніе, какъ единственную милость, которую я у Васъ прошу; или, если когда-либо, Государь, Вы признаете полезнымъ употребить меня на что-нибудь, соблаговолите по крайней мѣрѣ помѣстить меня въ другомъ мѣстѣ, но не въ этой арміи, которою при настоящемъ положеніи вещей командую не я, но личности весьма мало опытыя, находящіяся въ свѣтѣ двухъ слабыхъ старцевъ, для коихъ не существуетъ высшаго блага, кромѣ удовлетворенія собственнаго эгоизма, и изъ которыхъ одинъ, довольный тѣмъ, что достигъ всѣхъ своихъ желаній, проводитъ время въ полнѣйшемъ бездѣйствіи и даетъ руководить собою всѣмъ окружающимъ его молодымъ людямъ, а другой, домогаясь втайнѣ званія перваго, приноситъ только вредъ своею нерѣшительностью и безпорядкомъ, распространяемымъ имъ во всѣхъ отрасляхъ управленія арміи.

Впрочемъ, оба очень довольны, видя во мнѣ того, на кого они могутъ свалить отвѣтственность при всякой возможной неудачѣ, потому что, въ случаѣ успѣха, они счумѣютъ сами себя расхвалить.

Управленіе арміи, такъ хорошо организованное, теперь не существуетъ болѣе, потому что князь, который желаетъ командовать самъ, отдаетъ приказанія; генералъ Бенигсенъ и всѣ ихъ окружающіе

даютъ ихъ также и отражаютъ по произволу войска, причемъ носящій званіе командующаго арміей и его штабъ не извѣщаются объ этомъ, такъ что недавно я вынужденъ былъ обратиться къ дежурному генералу князя, чтобы онъ мнѣ далъ свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ войскъ 1-й арміи, которыхъ отрядили—и онъ самъ не зналъ ничего объ этомъ. Чтобы получить свѣдѣнія, гдѣ находятся казаки арміи, обратились къ генералу Платову, который также ничего не знаетъ объ этомъ. Еще въ эти послѣдніе дни мнѣ прислали приказаніе отрядить нѣкоторое количество кавалеріи для усиленія арьергарда, а забыли, что вся она, даже кирасиры—были выдѣлены ранѣе.

Квартирмейстерская часть совершенно дезорганизована, потому что нѣтъ болѣе генераль-квартирмейстера. Сегодня должность его исправляетъ Толь, завтра—Нейдгардтъ, на слѣдующій день Хоментовскій, и всѣ офицеры этой части, которые были распределены между главной квартирой и различными корпусами, и изъ коихъ каждый имѣлъ свои обязанности, составляютъ въ настоящее время свиту генерала Бенигсена, который распоряжается ими такъ, что нѣсколько дней тому назадъ никто не зналъ, по какой дорогѣ идти и гдѣ расположиться. Обѣ арміи, зная только, что онѣ должны слѣдовать по большой дорогѣ, двигались по ней въ перемѣшку; обозы, артилерія, кавалерія, пѣхота—въ совершенномъ безпорядкѣ, часто останавливаемые сломанными мостами, объ исправленіи которыхъ нисколько не заботились, и зачастую войска, по прибытіи послѣ утомительнаго перехода въ назначенный пунктъ, блуждали остальную часть дня по сторонамъ, не зная, гдѣ стать и, наконецъ, бывали вынуждаемы оставаться въ колоннахъ близъ большой дороги, не имѣя биваковъ и продовольствія.

Самъ я, всего недавно, не имѣлъ при себѣ никого изъ квартирмейстерской части, кто могъ бы дать мнѣ свѣдѣнія относительно переходовъ и позицій, которыя надлежало занимать.

Продовольственная часть дурно управляется, потому что ею распоряжаются всѣ; вслѣдствіе чего транспорты перекрещиваются: калужскіе направляются въ Рязань, а рязанскіе—въ Калугу, между тѣмъ какъ армія терпѣла недостатокъ въ продовольствіи нѣсколько дней подрядъ.

Корпусъ путей сообщенія, учрежденный въ арміи для содержанія въ исправности дорогъ и мостовъ, превосходно служившій подъ руководствомъ полковника Манфреди, выдѣленъ изъ арміи. Генераль Бенигсенъ подчинилъ его генералу Ивашеву, присоединивъ къ нему и всѣхъ пионеровъ обѣихъ армій, 500 человекъ коннаго ополченія и 2,000 пѣшаго, и, при всемъ томъ, во время переходовъ мосты и дороги оказываются неисправленными, а прежніе офицеры этого кор-

пуса, или уволены, или откомандированы, причемъ мнѣ даже не сообщено объ этомъ, хотя они принадлежатъ къ составу 1-й арміи.

Двѣ трети арміи со всей кавалеріей, которая истребана до того, что не можетъ болѣе нести службы, находятся въ авангардѣ, который отступаетъ, чуть только непріятель приблизится; остальная часть арміи тотчасъ же становится въ ружье на цѣлый день, причемъ не имѣется свѣдѣній о силахъ наступающаго противъ насъ непріятели, который иногда издали показываетъ колонны, что свидѣтельствуемъ объ отсутствіи у него твердаго намѣренія атаковать насъ, потому что иначе онъ скрывалъ бы свои силы.

Надо замѣтить, что аріергардъ и все, что находится въ отдѣлѣ, совершенно независимы отъ командующаго арміей, и только генералъ Бенигсенъ даетъ имъ приказанія и получаетъ донесенія. Поэтому, я долженъ былъ нѣсколько разъ просить, какъ милости, чтобы мнѣ сообщили, что происходитъ въ аріергардѣ, и почему становятся въ ружье.

Послѣ успѣшнаго выполненія самаго благоразумнаго и смѣлаго движенія—движенія на Калужскую дорогу, упущенъ наиболѣе благоприятный моментъ для нанесенія противнику чувствительнаго удара, который, можетъ быть, вынудилъ бы его очистить Москву, а именно, для дѣйствія на его коммуникаціонную линію съ Смоленскомъ. Туда отряженъ генералъ-маіоръ Дороховъ, который въ короткій срокъ сдѣлалъ много; но послѣ его отозванія—результатъ какой-то тревоги, произведенной непріятелемъ на нашемъ правомъ флангѣ—совершенно упущенъ изъ виду этотъ важный предметъ. Я тотчасъ же предложилъ отправить туда генералъ-маіора графа Орлова-Денисова съ нѣсколькими полками казаковъ, но на это даже не обращено вниманія. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ настояній съ моей стороны, 19-го сентября туда отправили полковника князя Вадбольскаго съ 4-мя эскадронами гусаръ и 500 казаковъ; но это ни къ чему не поведетъ: во-первыхъ, потому что мы отступили теперь болѣе чѣмъ на 80 верстъ отъ Можайской дороги, а на такомъ разстояніи весьма трудно пробраться, когда противникъ принялъ предосторожности, и во-вторыхъ, полковникъ Вадбольскій не обладаетъ способностями для такой экспедиціи; онъ одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ, но онъ неспособенъ начальствовать экспедиціей, для которой необходимо много ловкости и искусства.

Въ ту минуту, когда мы должны были начать наступательныя дѣйствія и могли это сдѣлать вполне безопасно, мы продолжаемъ наше отступательное движеніе, имѣя противъ себя только непріятельскій авангардъ.

Мы удаляемся на такое разстояніе, что теряемъ изъ виду главныя силы непріятели, такъ какъ онъ занимаетъ насъ своими пере-

довыми войсками, имѣя время, чтобы усилиться и пополнить лошадей ремонтомъ. Ему будетъ даже возможно дать отдыхъ части своей арміи на квартирахъ. Но меня болѣе всего беспокоитъ то, что непріятель можетъ вынудить удалиться генерала Винценгероде и продвинуть сильную колонну до Твери, гдѣ онъ найдетъ значительные магазины, или, чтобы прикрыть свои сообщенія со Смоленскомъ, овладѣетъ дорогою изъ Москвы черезъ Боровскъ и Калугу и тѣмъ вынудитъ насъ продолжать наше отступательное движеніе. Въ крайнемъ случаѣ онъ сильно затруднитъ прямое сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ, что мнѣ представляется предметомъ первостепенной важности.

Въ одинъ и тотъ-же день трижды отдаются приказанія для атаки непріятеля и трижды отмиаются. Наконецъ къ вечеру ее производятъ и теряютъ безъ толку людей. Только темнота кладетъ конецъ этой нерѣшительности.

Всѣ эти факты достаточно доказываютъ, что армія дурно управляема. Въ подтвержденіе этой истины мнѣ нѣтъ надобности упоминать о сраженіи при Бородинѣ.

Что касается меня, я сдѣлался лгуномъ въ глазахъ арміи, которая всегда выражала мнѣ величайшее довѣріе; ибо, производя смотръ войскамъ, когда мы уже двигались на Калужскую дорогу, обрадованный принятымъ рѣшеніемъ, я обратился къ войскамъ съ рѣчью; я обѣщалъ имъ, что скоро они увидятъ непріятеля, поставленнаго въ безусловную необходимость, или драться до послѣдняго человѣка, или искать свое спасеніе въ быстромъ отступленіи; я предупреждалъ ихъ, чтобы они приготовились къ битвамъ и блестящимъ успѣхамъ. Послѣ всего этого они даже не видятъ непріятеля, передъ которымъ отступаютъ.

Таково, Государь, вѣрное изображеніе состоянія Вашей арміи и положенія того, который командовалъ ею до сихъ поръ и который послѣ услугъ, оказанныхъ государству, поставленъ въ печальное положеніе нести отвѣтственность и страдать за всѣ дурныя послѣдствія, которыя онъ предвидитъ, но которыя уже не въ его власти предупредить.

Я избѣгалъ извѣстное время генеральнаго сраженія вслѣдствіе зрѣло обдуманнхъ основаній и твердо держался этихъ основаній, не обращая вниманія на всѣ разговоры по этому поводу, и я далъ-бы, наконецъ, сраженіе, но не близъ Можайска, а впереди Гжатска у Царева-Займища. Я увѣренъ, что разбилъ бы непріятеля, потому что сраженіе велось бы съ сохраненіемъ порядка, и въ немъ командованіе было бы въ однѣхъ рукахъ. Мои резервы были бы сбережены до послѣдней минуты и, если бы даже я испыталъ неудачу, непріятель никогда не могъ бы занять Москвы, потому что направленіе моего отступленія было бы не на Москву, а на Калугу, отрядивъ на Москву всѣ собранныя ополченія. Заготовленіе продовольствія въ

Калугѣ, Орлѣ и Тулѣ, которое теперь къ счастью избавляет насъ отъ голода, было соображено мною для этой операціи.

Выигравъ направленіе на Калугу, имѣя позади себя подрѣпленія, которыя всегда могли прибыть ко мнѣ, я энергично началъ бы наступательныя дѣйствія.

Простите, Государь, что я осмѣливаюсь надѣяться Вамъ этими мелочами. Выполнивъ добросовѣстно мои обязанности по отношеніи къ обожаемому Монарху и дорогому отечеству, я буду слишкомъ несчастливъ, увидѣвъ, что моя репутація помрачена въ глазахъ моего Монарха, потому что несомнѣнно это величайшее несчастье, которое только можетъ случиться съ человѣкомъ честнымъ и съ принципами. Ваше Императорское Величество соблаговолите убѣдиться, что излагая Вамъ чистую правду, въ моемъ настоящемъ положеніи я не могъ имѣть другого желанія, какъ быть Вамъ, Государь, еще разъ полезнымъ и спасти, если возможно, репутацію, которая чиста по убѣжденію моей совѣсти.

Примите, Государь, выраженіе глубокаго благоговѣнія того, который даже въ немилости не перестаетъ говорить съ Вами откровенно, и который до послѣдней минуты сохранить воспоминаніе о благосклонности, которою, Государь. Вы нѣкогда его почтили, равно какъ о безграничной преданности, съ которою онъ Вамъ всегда служилъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный.

Калуга

24-го сентября 1812 г.

№ 16. Барелай-де-Толли—Императору Александру ¹⁾.

25-го октября 1812 г. Владимиръ.

Всемиловѣйшій Государь! Проѣзжая губерніи внутреннія, съ сокрушеніемъ сердца слышу я повсюду различныя толки о дѣйствіяхъ армій нашихъ, и особливо о причинахъ отступленія ихъ отъ Смоленска и Москвы. Одни приписываютъ то робости, другіе недостаткамъ и слабостямъ разнаго рода, а нѣкоторые, что всего оскорбительнѣе, даже измѣнѣ и предательству!

¹⁾ Письмо это заимствовано изъ труда Н. Дубровина «Отечественная война въ письмахъ современниковъ». Къ письму было приложено «Объясненіе генерала отъ инфантеріи Барелай-де-Толли о дѣйствіяхъ первой и второй вападныхъ армій въ продолженіе кампаніи сего 1812 года».

Извѣстный отзывъ князя Голенищева-Кутузова, что отдача неприятелю Москвы есть слѣдствіемъ отдачи Смоленска, къ сожалѣнію, подтверждаетъ во многихъ умахъ сіи ужасныя для чести армій и предводительствовавшихъ ими заключенія. Я менѣе всѣхъ долженъ быть равнодушенъ къ нимъ и болѣе всѣхъ нахожу себя въ обязанности защищать честь арміи и честь мою собственную, 42-хъ лѣтнею службою и увѣчемъ стяжанною.

Изложивъ отчетъ о дѣйствіяхъ 1-й и 2-й западныхъ армій въ продолженіе нынѣшней кампаніи и о прямыхъ причинахъ отступленія ихъ, я приѣмлю смѣлость повергнуть оный правосудному вниманію Вашего Императорскаго Величества и всеподданнѣйше молить Васъ, Всемилостивѣйшій Государь о Высочайшемъ повелѣніи обнародовать его чрезъ публичныя вѣдомости, Отечество и цѣлый свѣтъ увидятъ здѣсь истину во всей наготѣ ея, и уста злословія къ успокоенію общему умолкнуть.

№ 17. Барелай-де-Толли—Императору Александру.

Sire! N'ayant pu obtenir la permission de me rendre à Pétersbourg pour rétablir ma santé, je ne puis plus nourrir l'espérance de me mettre aux pieds de Votre Majesté Impériale. C'est pourquoi j'ai cru de mon devoir de Vous rendre compte, Sire, des opérations militaires de l'armée que Vous m'avez confiée. Je joins ici en conséquence un aperçu abrégé des évènements de cette campagne ¹⁾. Cet aperçu, Sire, n'a été dressé que pour être lu de Votre Majesté Impériale puisqu'il contient des détails et des circonstances qui n'appartiennent qu'à Sa seule connaissance.

Daignez, Sire, y jeter un regard propice et j'espère que Votre Majesté trouvera que je ne me suis rendu indigne de la confiance de mon Monarque. Je jouis au moins de la conviction que rien au monde ne saurait me ravir, d'avoir été utile à mon Souverain et à ma patrie au moment le plus critique. J'ai dirigé les opérations des armées de sorte que l'extermination de l'ennemi en devait infailliblement résulter; et à Borodino et à Moscou j'ai sauvé, j'ose le dire, l'armée et l'empire—conviction précieuse qui m'offre une source inépuisable de consolation pour le reste de mes jours.

Les affaires de la guerre ont pris à présent la tournure que Votre Majesté a prévu en traçant le plan général pour cette campagne. Napoléon devait à présent toucher au dernier moment de son existence politique, si nous avions profité avec plus d'activité de nos avantages. Votre Majesté

¹⁾ Tableau des opérations militaires de la première armée—известное «Изображеніе военныхъ дѣйствій первой арміи».

approche du moment où Elle deviendra l'arbitre et le souverain de l'Europe opprimée. Je Vous en félicite, Sire. Mais si Vous trouverez des sujets qui sauraient Vous servir avec plus de zèle, de fidélité et de dévouement sincère que je l'ai fait, je Vous féliciterai encore d'avantage.

Je ne puis me dispenser, Sire, en Vous adressant ces lignes de faire mention d'un objet trop essentiel dans les circonstances actuelles.

Napoléon s'est échappé avec une partie de ses troupes à l'armée du prince Koutousoff; je crains qu'il n'échappe également à l'amiral Tchitschagow pour gagner de là par la Wolhynie le Duché de Warsowie. Quoique Napoléon ait déjà beaucoup perdu dans l'opinion qu'on a eu de lui, les nations supprimées sont trop accoutumées à le craindre pour ne pouvoir encore le faire agir selon son arbitre. Il faut donc se préparer à des opérations bien actives pour le printemps. Je ne vois pas qu'il en soit question et Votre armée, Sire, est en mauvais état. Car une armée dont l'administration est désorganisée est à regarder comme un corps sans âme. A présent c'est encore l'esprit national qui la fait agir en défendant sa patrie mais hors de frontière elle ne répondra pas à ce qu'elle doit être. Pour la campagne prochaine il y aura des nations à protéger, à tranquilliser, des forteresses à prendre, ce qui exige de grands préparatifs.

N'ayant plus le droit de me mêler de ces affaires, je Vous demande pardon, Sire, de cette hardiesse en faveur de l'attention.

Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet.

Novogrod
le 9 du novembre
1812.

Переводъ.

Государы! Не получивъ позволенія отправиться въ Петербургъ для возстановленія моего здоровья, я не могу питать болѣе надежды пасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Поэтому я счелъ своимъ долгомъ дать Вамъ, Государь, отчетъ о военныхъ операціяхъ арміи, которую Вы мнѣ ввѣрили. Вслѣдствіе чего прилагаю при семъ краткій очеркъ событій этой кампаніи. Очеркъ этотъ составленъ для прочтенія только Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, такъ какъ онъ содержитъ подробности и обстоятельства, которыя должны быть извѣстны только Вамъ однимъ.

Благоволите, Государь, благосклонно просмотрѣть его, и, надѣюсь, Ваше Величество найдете, что я не сдѣлался недостойнымъ довѣрія моего Монарха. По крайней мѣрѣ я убѣжденъ, что ничто въ мѣрѣ не можетъ отнять у меня того, что я былъ полезенъ моему Государю и

Отечеству въ самую критическую минуту. Я вель операціи арміи такъ, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ должно было быть истребленіе непріятели, а подъ Бородинымъ и подъ Москвою, смѣю сказать, я спасъ армію и Имперію—драгоцѣнное убѣжденіе, которое мнѣ даетъ неистощимый источникъ утѣшенія до конца моей жизни.

Въ настоящее время ходъ военныхъ дѣйствій принялъ оборотъ, который Ваше Величество предвидѣли, начертавъ общій планъ для этой кампаніи. Наполеонъ долженъ былъ бы теперь переживать послѣдній моментъ своего политическаго существованія, если бы мы съ бѣльшей энергіей воспользовались нашими преимуществами. Ваше Величество приближаетесь къ минутѣ, когда Вы сдѣлаетесь властителемъ и верховнымъ главою угнетенной Европы. Поздравляю Васъ съ этимъ, Государь. Но я еще болѣе поздравляю Васъ, если Вы найдете подданныхъ, которые будутъ Вамъ служить съ большимъ рвеніемъ, вѣрностью и искреннею преданностью, нежели я.

Отправляя Вамъ это письмо, Государь, считаю своимъ долгомъ упомянуть о предметѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ весьма существенномъ.

Наполеонъ съ частью своихъ войскъ ускользнулъ отъ арміи князя Кутузова; я боюсь, какъ бы онъ не ускользнулъ также и отъ адмирала Чичагова, чтобы пробраться оттуда черезъ Волынь въ герцогство Варшавское. Хотя мнѣніе, составленное о Наполеонѣ, и измѣнилось много къ худшему, но угнетенные народы слишкомъ привыкли бояться его и могутъ еще предоставить ему дѣйствовать самовластно. Итакъ на весну слѣдуетъ готовиться къ весьма дѣятельнымъ операціямъ. Я не вижу, чтобы вопросъ объ этомъ подымался, а Ваша армія, Государь, находится въ дурномъ состояніи, ибо армія, управленіе которой дезорганизовано, должна быть почитаема тѣломъ безъ души. Патріотизмъ заставляетъ ее дѣйствовать еще въ настоящее время, когда она защищаетъ отечество, но за границей она не будетъ отвѣчать тому, чѣмъ должна быть. Въ будущей кампаніи придется защищать и умиротворять народы и брать крѣпости, что требуетъ большихъ приготовленій.

Не имѣя болѣе права вмѣшиваться въ эти дѣла, прошу у Васъ Государь, принявъ во вниманіе мои побужденія, прощенья за эту смѣлость.

Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Новгородъ
9-го ноября 1812 г.

№ 18. Варвлай-де-Толли—Императору Александру.

Помѣтка рукою Аракчеева: «4 октября получено отъ Государя».

Sire! J'ai en le honneur d'avoir reçu la lettre dont Votre Majesté a bien voulu m'honorer et je n'ai pas des expressions pour tous les sentimens dont elle m'a penetré. Sire! Vous avez rendu la tranquillité à l'homme le plus dévoué à Votre Personne Sacrée, dont le coeur a été navré par l'idée seule d'avoir perdu la bienveillance du meilleur de maîtres, d'un Monarque cheri et adoré. Je ne peux mieux repondre à toutes les grâces dont Votre Majesté daigne m'honorer qu'en me dépêchant à me mettre le plutôt possible à Vos pieds et j'espère de pouvoir prouver à toute la Russie que ce n'est pas à un indigne que Vous avez accordé Votre confiance.

Sire! de Votre Majesté le plus fidèle sujet.

Fellin le 21 novembre
1812.

Переводъ.

Государы! Я имѣлъ счастье получить письмо, которымъ Вашему Величеству угодно было почтить меня, и не нахожу выраженій для всѣхъ тѣхъ чувствъ, которыми оно меня исполнило. Государы! Вы возвратили спокойствіе человѣку, наиболѣе преданному Вашей Священной Особѣ, сердце котораго было сокрушено одною только мыслью, что онъ потерялъ благосклонность лучшаго изъ государей, любимаго и обожаемаго Монарха. Я не могу дать лучшаго отвѣта на всѣ милости, которыми Вашему Величеству угодно меня почтить, какъ поспѣшивъ возможно скорѣе пасть къ Вашимъ стопамъ, и надѣюсь, что буду въ состояніи доказать всей Россіи, что Вы даровали Ваше довѣріе не недостойному.

Государь, Вашего Величества вѣрноподданнѣйшій.

Феллинъ.
21-го ноября 1812 г.

№ 19. Императоръ Александръ—Барелакъ-де-Толли.

J'ai reçu, général, votre lettre du 9 novembre. Il faut que vous m'avez connu bien mal, pour avoir pu douter un moment, que vous aviez tout droit d'arriver à Pétersbourg, sans attendre ma permission. Je vous dirai même, que je vous attendais, car il me tenait à coeur de m'expliquer avec vous de bouche. Mais puisque vous n'avez pas voulu rendre justice à mon caractère, je vais tâcher en peu de mots de vous instruire de ma véritable manière de penser sur vous et sur les événemens.

L'amitié et l'estime que je n'ai cessé un instant de vous témoigner m'en donnent tous les droits.

Le plan de campagne que nous avons adopté, le seul que je crois encore, pouvait réussir contre un ennemi tel que Napoléon, ce que l'expérience même parait avoir prouvé, devait cependant nécessairement rencontrer beaucoup de désapprobation et de dépréciations dans une nation, qui connaissant peu l'art de la guerre et se rappelant des succès faciles, qu'elle avait obtenus précédemment sur des ennemis peu redoutables ou des généraux inhabiles, ne pouvait que s'effaroucher d'opérations militaires, qui avaient pour but de conduire l'ennemi dans l'intérieur du pays. Il fallait d'avance s'attendre à cette désapprobation et je m'y étais préparé. Mais il fallait en même temps éviter avec soin tout ce qui pouvait attirer avec justice la critique et voilà, général, sur quoi j'ai quelques reproches à vous faire.

Une fois le plan arrêté il avait fallu avoir tout préparé pour son exécution. Nous en avons tout le temps et cependant bien des choses ne se sont pas faites.

NB. Peu de jours après mon arrivée à Vilna je vous ai donné l'ordre de faire rétrograder tous les bagages inutiles (тароген) des régiments, qui avaient surtout leurs quartiers permanents en Lithuanie, et malgré cela ils n'ont été renvoyés que jusqu'à Niementshin, Swienciany, Wilkomir et Schawl, et c'est avec ce train terrible que nous avons dû faire nos mouvemens rétrogrades. Que de fois je vous ai rappelé la construction des ponts nécessaires; une quantité d'ingénieurs de ponts et chaussées se trouvaient attachés à l'armée, et cependant la plupart des ponts se sont trouvés dans l'état le plus dégradé. Décidés à marches en arrière il était tout simple, que les hôpitaux eussent été organisés en conséquence; par contre à mon arrivée à Vilna j'y ai trouvé un hôpital de quelques milliers de malades, dont je n'ai cessé tous les jours d'exiger l'évacuation.

¹⁾ Письмо это напечатано въ изслѣдованіи Фридриха фонъ-Смитта «Zur näheren Aufklärung über den Krieg 1812», а въ русскомъ переводѣ въ трудѣ Богдановича съ нѣкоторыми, однако, неточностями противъ французскаго подлинника и съ исключеніемъ трехъ послѣднихъ фразъ.

Voilà, général, avec franchise des torts, que j'ai à vous reprocher. Ils se réduisent à celui, de n'avoir pas été assez convaincu, que *prescrire* et obtenir que la chose *soit exécutée* sont deux choses extrêmement différentes, et que pour y remédier il n'y a qu'un moyen: c'est une *surveillance active* et une *vérification* exercée sans relâche par des individus dont vous étiez sûr.

Des fautes très graves commises par le Prince Bagration à la suite desquelles l'ennemi l'a prévenu à Minsk, Borissov et Mohilew vous ont forcé à quitter les bords de la Dwina pour vous porter sur Smolensk. Le sort nous y a favorisé, car contre toute probabilité la jonction des deux armées s'y est faite. C'était le moment d'arrêter les mouvemens rétrogrades. Mais le manque de connaissances dans lequel vous étiez, général, sur l'ennemi et ses mouvemens, manque dont vous avez éprouvé malheureusement les effets pendant toute la campagne, vous a fait commettre la faute de marcher sur Poretchie pour attaquer sa gauche, tandis qu'il s'était concentré à sa droite à Liady, où il a papsé le Dniepr. Vous aviez réparé cette faute en prévenant l'ennemi à Smolensk. Mais puisque les deux armées y étaient réunies et puisqu'il entraît dans vos plans de livrer plus tard une bataille générale à l'ennemi, autant valait-il la livrer à Smolensk qu'à Zarewo-Zaymischtshe; vos forces y auraient été plus intactes, car toutes les pertes que vous avez faites depuis dans les journées du 5, 7 et les suivantes jusqu'à Zarewo-Zaymischtsche n'auraient pas eu lieu. Quant à la crainte d'être tourné par les flancs, elle est à peu près la même partout et à Zarewo-Zaymischtsch vous n'an auriez pas été exempt. L'ardeur du soldat eût été extrême à Smolensk, car c'était l'entrée de la première ville vraiment russe qu'ils auraient dé fendue à l'ennemi.

La perte de Smolensk produisit un effet moral immense dans tout l'Empire. A toute la désapprobation générale, qu'avait notre plan de campagne se joignirent des reproches. «L'expérience, disait on, démontre combien ce plan est désastreux, l'Empire est dans le plus imminent danger»; — et comme malheureusement les fautes que je viens de citer plus baut, étaient dans la bouche de tout le monde, j'étais accusé, «de sacrifier le salut de la patrie à l'amour-propre, de vouloir soutenir mon choix dans votre personne». Moscou et Pétersbourg à l'unisson nommaient le Prince Koutousoff comme le seul individu, qui pouvait d'après leur dire sauver l'Empire. A l'appui de ces raisonnemens on citait même l'ancienneté, d'après laquelle vous étiez le plus jeune comparativement à Tormassoff, Bagration et Tchitchagoff, ce qui nuisait encore essentiellement au succès des opérations militaires, et que cet inconvénient majeur serait entièrement levé par la nomination du Prince Koutousoff.

Les circonstances étaient trop critiques. Pour la première fois la capitale de l'Empire était menacée et je n'ai pu faire autre chose que me rendre à l'optaion générale, après avoir fait débattre cependant le pour et le contre dans un comité composé des principaux dignitaires de l'Empire.

En cédant à leur opinion j'ai dû imposer silence à mon propre sentiment. Il ne me restait plus qu'à vous conserver la possibilité de prouver à la Russie et à l'Europe, que vous étiez digne du choix que j'avais fait de vous pour commander l'armée. Je me persuadais, que vous même vous seriez bien-aise de rester à l'armée et de conquérir par votre conduite militaire, comme vous l'avez fait à Borodino, l'estime même de vos dépréciateurs. Vous auriez atteint ce but inmanquablement, je n'en ai pas le plus léger doute, en restant à l'armée et c'est avec infiniment de regret, par l'amitié que je ne cesserai pas de vous porter, que j'ai appris votre départ. Malgré tous les désagrémens qui vous y assiégeaient, il fallait rester, car il y a des cas, où on doit se mettre au dessus de toute chose au monde.

C'est dans la conviction que vous préféreriez pour votre propre réputation de rester à l'armée, que je vous ai dispensé de votre place de ministre de la guerre, car il n'était plus convenable, que vous remplissiez la place de ministre quand un plus ancien que vous commandait l'armée dans laquelle vous vous trouviez. D'ailleurs j'ai vu par expérience que commander l'armée et être ministre en même tems est une besogne au dessus de forces d'un seul homme.

Voilà, général, l'exposé fidèle des choses telles qu'elles se sont passées et telles que je les ai jugées. Jamais je n'oublierai les services essentiels que vous avez rendu à la patrie et à moi, et j'aime à croire, que vous lui en rendrez encore de plus éminents. Quoique les circonstances actuelles sont des plus favorables pour nous, vu l'état dans lequel l'ennemi est réduit, la lutte n'est pas encore finie et elle vous offrira toute la possibilité de signaler vos qualités militaires, auxquelles on recommence généralement à rendre justice.

Je vais faire publier une espèce de justification raisonnée de votre conduite tirée des matériaux que vous m'avez envoyés.

Croyez, général, que mes sentimens personnels pour vous ne varieront jamais. Tout à vous.

Excusez d'avoir retenu ma réponse, mais elle m'a pris plusieurs jours pour l'écrire à cause de mon travail journalier.

Pétersbourg, le 24 nov. 1812.

Переводъ.

Я получилъ, генераль, ваше письмо отъ 9-го ноября. Вы должно быть, мало меня знаете, если могли сомнѣваться одну минуту, что вы имѣли полное право прибыть въ Петербургъ, не ожидая моего разрѣшенія. Скажу вамъ даже, что я васъ ожидалъ, потому что мнѣ хотѣлось лично съ вами объясниться. Но такъ какъ вы не пожелали отдать

справедливость моему характеру, постараюсь въ немногихъ словахъ выяснитъ вамъ мое истинное мнѣніе относительно васъ и событій. Дружба и уваженіе, которыя я не переставалъ вамъ оказывать, дадутъ мнѣ на то полное право.

Принятый нами планъ кампаніи, по моему мнѣнію единственный, который могъ еще имѣть успѣхъ противъ такого врага, какъ Наполеонъ, что доказалъ, повидимому, и опытъ, неизбѣжно долженъ былъ, однако, встрѣтить много порицаній и несоотвѣтственной оцѣнки въ народѣ, который, будучи мало свѣдуещъ въ военномъ искусствѣ и памятуя легкіе успѣхи, одержанные имъ ранѣе надъ неопасными врагами или надъ неискусными полководцами, долженъ былъ тревожиться военными операціями, имѣвшими цѣлью привести непріятеля въглубь страны. Нужно было съ самаго начала ожидать осужденія, и я къ этому подготовился. Но въ тоже время надлежало тщательно избѣгать всего, что могло навлечь справедливую критику, и именно въ этомъ отношеніи я долженъ, генераль, сдѣлать вамъ нѣкоторые упреки.

Какъ только планъ былъ принятъ, нужно было подготовить все для его исполненія. Мы вполнѣ располагали для этого временемъ, и, однако, многого не было сдѣлано.

НВ. Немного дней спустя послѣ прибытія моего въ Вильну, я отдалъ вамъ приказаніе отправить назадъ всѣ излишніе обозы полковъ, особенно тѣхъ, которые имѣли постоянныя квартиры въ Литвѣ, и, не смотря на то, они были отосланы только до Нѣменчина, Свенцянь, Вилькомира и Шавель, и съ этимъ-то безконечнымъ обозомъ мы должны были совершать наши отступательныя движенія. Сколько разъ напоминалъ я вамъ о постройкѣ необходимыхъ мостовъ. Значительное число инженеровъ путей сообщенія находилось при арміи, и, однако, большая часть мостовъ оказалась въ самомъ разрушенномъ состояніи. Принявъ рѣшеніе отступать, само собой разумѣется, нужно было устроить въ соотвѣтствіи госпиталя; взаменъ того, прибывъ въ Вильну, я нашелъ тамъ госпиталь съ нѣсколькими тысячами больныхъ, на эвакуаціи которыхъ я все время настаивалъ.

Вотъ, генераль, откровенно тѣ вины, въ которыхъ я долженъ васъ упрекнуть. Онѣ сводятся къ тому, что вы недостаточно усвоили себѣ, что *предписывать* и достигать *исполненія* предписаннаго—двѣ вещи, крайне различныя, и что единственное средство помочь тому заключается въ *дѣйствительномъ надзорѣ* и постоянной *проверкѣ* чрезъ посредство довѣренныхъ лицъ.

Весьма крупныя ошибки, сдѣланныя княземъ Багратиономъ, вслѣдствіе которыхъ непріятель предупредилъ его въ Минскѣ, Борисовѣ и Могилевѣ, заставили васъ покинуть берега Двины и двинуться на Смоленскъ. Судьба намъ тамъ благопріятствовала, ибо тамъ, вопреки всѣхъ ожиданій, совершилось соединеніе обѣихъ армій. На-

ступила минута остановить отступательное движение. Но отсутствіе у васъ, генераль, свѣдѣній о противникѣ и объ его движеніяхъ, послѣдствія чего вы къ несчастью испытывали всю кампанію, заставило васъ сдѣлать ошибку и двинуться на Порѣчье съ цѣлью атаковать его лѣвый флангъ, между тѣмъ какъ онъ сосредоточился къ своему правому флангу у Лядъ, гдѣ и переправился черезъ Днѣпръ. Вы исправили эту ошибку, предупредивъ непріятеля въ Смоленскѣ. Но такъ какъ обѣ арміи были тамъ соединены, и такъ какъ въ ваши планы входило дать позднѣе непріятелю генеральное сраженіе, съ такимъ же основаніемъ было дать его въ Смоленскѣ, какъ и въ Царевѣ-Займищѣ. Ваши силы тамъ были бы менѣе ослаблены, такъ какъ не были понесены потери, испытанныя вами впослѣдствіи въ бояхъ 5-го и 7-го и послѣдующихъ до Царева - Займища. Что же касается опасенія быть обойденнымъ съ фланговъ, оно почти одинаково существуетъ вездѣ, и вы не были бы свободны отъ него и въ Царевѣ-Займищѣ. Въ Смоленскѣ рвеніе солдатъ было бы чрезвычайно, потому что они защищали бы отъ врага доступъ въ первый чисто русскій городъ.

Потеря Смоленска произвела неизмѣримое нравственное впечатлѣніе во всей Имперіи. Ко всеобщему неодобренію нашего плана войны присоединились упреки. «Опытъ, говорили, показываетъ всю гибельность этого плана. Имперія находится въ самой крайней опасности». И такъ какъ приведенныя мною выше ошибки къ несчастью были на устахъ всѣхъ, меня обвиняли, что «я жертвую спасеніемъ отечества самолюбію, желая въ вашемъ лицѣ настоять на сдѣланномъ мною выборѣ». Москва и Петербургъ единогласно называли князя Кутузова, какъ единственнаго человѣка, который могъ, по ихъ словамъ, спасти Имперію. Въ подкрѣпленіе этихъ разсужденій указывали даже на старшинство, по которому вы были моложе Тормасова, Багратиона и Чичагова, что также существенно вредило успѣху военныхъ операцій, и что это важное неудобство было бы совершенно устранено назначеніемъ князя Кутузова.

Обстоятельства были слишкомъ критическія. Впервые столица Имперіи находилась въ опасности, и я не могъ сдѣлать ничего другаго, какъ уступить общественному мнѣнію, приказавъ, однако, обсудить предварительно обстоятельства за и противъ къ комитетѣ, составленномъ изъ главныхъ сановниковъ Имперіи.

Уступивъ ихъ мнѣнію, я долженъ былъ заставить молчать собственное чувство. Мнѣ оставалось только сохранить вамъ возможность доказать Россіи и Европѣ, что вы были достойны выбора, который я сдѣлалъ въ васъ для командованія арміей. Я убѣждалъ себя, что вы сами будете довольны остаться въ арміи, чтобы своею боевою дѣятельностью завоевать, какъ вы это сдѣлали при Бородинѣ,

уваженіе даже вашихъ порицателей. Оставаясь въ арміи, вы, конечно, достигли бы этой цѣли, я не имѣю въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и, ради дружбы, которую постоянно буду къ вамъ чувствовать, я съ безконечнымъ сожалѣніемъ узналъ о вашемъ отъѣздѣ. Не смотря на всѣ неприятности, которыми вамъ тамъ досаждали, слѣдовало остаться, потому что бывають обстоятельства, когда нужно становиться выше всего на свѣтѣ.

Въ убѣжденіи, что вы, ради собственной репутаціи, предпочтете остаться въ арміи, я уволилъ васъ отъ должности военнаго министра, ибо было бы уже неудобно, чтобы вы занимали должность министра въ то время, какъ старшій васъ въ чинѣ командовалъ арміей, въ которой вы находились. Притомъ я видѣлъ на опытѣ, что одновременно командовать арміей и быть министромъ выше силъ человѣка.

Вотъ, генераль, вѣрное изложеніе обстоятельствъ, какъ они происходили, и какъ я ихъ судилъ. Я никогда не забуду важныхъ услугъ, оказанныхъ вами отечеству и мнѣ, и желаю вѣрить, что вы окажете еще большія. Хотя настоящія обстоятельства и весьма благопріятны намъ, принимая во вниманіе состояніе, до котораго доведенъ непріятель, борьба еще не окончена, и она вамъ дастъ полную возможность проявить ваши военныя достоинства, которымъ въ общемъ начинаютъ снова отдавать должное.

Я прикажу напечатать нѣчто вродѣ мотивированнаго оправданія вашей дѣятельности, воспользовавшись присланными вами мнѣ матеріалами.

Вѣрьте, генераль, что личныя мои чувства къ вамъ не измѣнятся никогда. Весь вашъ.

Извините, что задержалъ мой отвѣтъ, но чтобы написать его потребовалось нѣсколько дней по причинѣ моей ежедневной работы.

Петербургъ
24-го ноября 1812 г.

№ 20. Варелай-де-Толли—Императору Александру.

Полѣтка рукою Аракчеева: «Получено отъ Государя 27-го генваря».

Sire! L'adresse gracieuse de Votre Majesté Impériale en date du 24 novembre est une marque éclatante et sublime de la bonne grâce du Souverain et un gage touchant pour le coeur d'un sujet fidèle. Elle a rendu à mon âme la consolation et le repos. Elle était en état de me reconcilier avec un sort qui me parut le plus austère du monde.

Rassuré par l'idée d'avoir mérité un regard propice du plus juste des monarques, il y a encore quelque chose, qui oppresse mon âme et qui me rendrait incapable de servir la cause de mon Souverain et de ma patrie avec le zèle et l'assurance requise aux affaires. Votre Majesté en m'accordant Ses bonnes dispositions a daigné permettre pour lever l'atteinte portée à ma réputation aux yeux publics de faire publier un résumé de la campagne. La faveur de Votre Majesté me rend heureux en mon particulier. Mais l'accomplissement du désir d'être aussi justifié aux yeux de tout le monde est seul en état de me rendre le courage, l'assurance et les forces nécessaires pour pouvoir encore devenir utile au service.

S'il ne m'est pas permis de l'espérer (peut être à cause de vue politique ou des intérêts d'état qui prétendent le sacrifice d'un fidèle servileur) Votre Majesté me permettra pourtant de démontrer avec cette franchise, que j'ai cru d'un devoir inviolable d'employer dans toutes les occasions envers mon Souverain les raisons principales qui m'ont porté à demander ma démission dans le moment même où tout le monde se prêtait à la défense de la patrie, d'autant plus que la dernière fois que j'ai eu le bonheur de me présenter à Votre Majesté mon cœur était trop opprimé pour pouvoir m'expliquer.

... Votre Majesté Impériale en quittant l'armée, daigna mettre entre mes mains le sort de Ses armées et de Son Empire. Je n'aurais pas répondu à cette confiance si je n'avais eu pour but dans la conduite des opérations qu'une campagne brillante à laquelle serait attachée ma propre gloire mais non pas l'heureuse issue de toute la guerre par l'anéantissement même de l'ennemi. Dans le premier cas j'aurais gagné personnellement car j'aurais livré des batailles et j'aurais été comblé de marques d'honneurs et de récompenses; d'autant plus si j'aurais pu gagner sur moi l'exemple de mes camarades et d'amuser le public avec des relations brillantes mais pas tout à fait vraies. Mais ce qui aurait été encore plus glorieux pour moi, mon nom n'aurait pas reçu cette atteinte défavorable et déshonorable dans laquelle il paraît encore aujourd'hui. Mais si la patrie aurait pu être sauvée par là et que mon successeur eut trouvé une armée avec laquelle il aurait pu effectuer ensuite la destruction entière de l'ennemi—voilà une question que Votre Majesté pourra le mieux décider. J'avais assuré à Votre Majesté de ne point exposer Son armée, seul appui de la patrie à une perte inutile ou mal à propos et si je ne pouvais porter au commencement des coups décisifs à l'ennemi que je fondais alors toute mon espérance sur la campagne de l'arrière saison. J'ai rempli ma promesse. Evitant des batailles décisives, je traitais l'ennemi après moi, je l'éloignais de ses ressources en m'approchant aux miennes, et je l'affaiblis par des combats partiels dans lesquelles je gagnais toujours le dessus. Lorsque j'étais arrivé au terme de ce plan et que j'étais prêt à livrer une bataille décisive, le prince Kontousoff prit le commandement de l'armée.

L'installation d'un général plus ancien qui fut chargé du commandement

de toutes les armées, était une mesure indispensable, que je désirais moi-même. Non seulement sous les ordres du prince Koutousoff mais sous les ordres de tout autre général, j'aurais rempli avec plaisir mon devoir. Mais je m'étais persuadé que ma conduite précédente par laquelle je sauvais l'empire méritait quelque considération mais au lieu de ça je n'appris la nomination du prince que presque au moment même de son arrivée à l'armée de manière qu'il en résulta de méfiance en moi et une improbation concernant ma conduite. Ça devait me chagriner, mais je me tranquillisais étant persuadé que les suites de cette campagne me justifieront.

Votre Majesté mit le ministère de la guerre entre les mains d'un autre. Mesure également indispensable, que j'avais moi-même sollicitée. Le zèle ardent et la fidélité scrupuleuse avec lesquels je m'étais acquitté de ce ministère me permettaient de compter sur l'approbation de Votre Majesté, car j'étais convaincu que je ne Vous suis pas été inutile comme ministre. Mais le silence qui fut observé à cet égard porta à mon cœur la plaie la plus douloureuse. Le prince Koutousoff annonça la perte de Moscou comme une suite de celle de Smolensk. C'est alors que je parus devant la Russie et toute l'Europe comme un traître. Le silence que gardait le gouvernement même à mon égard et la permission de rendre officiellement publique cette remarque devaient confirmer toutes les opinions défavorables sur mon compte. J'en ai dû essuyer les preuves les plus mortifiantes dans mon voyage par les gouvernements intérieurs.

Ablmé par le chagrin je tombai grièvement malade à Wolodimer et éloigné de mes amis, de ma famille, la seule ressource que j'avais, je demandai la permission de me rendre à Pétersbourg ou à Dorpat pour y pouvoir rétablir ma santé—mais on me renvoya mon aide de camp sans réponse.

Après tout ça et avec une réputation si indignement flétrie, je ne pouvais plus être utile à Votre Majesté.

Dans ces circonstances je le devais à Votre Majesté et à mon honneur de demander ma démission. J'étais fermement résolu de me livrer plutôt à la misère dont je ne me suis pas tiré pendant mes services que de continuer une carrière dans laquelle pour tous mes services rendus, pour tout mon zèle et mon attachement pour mon Souverain, je n'ai eu en partage que la mortification d'une renommée malheureusement flétrie.

Tels sont, Sire, les motifs qui m'ont porté à cette démarche. Ma réputation souillée m'empêcherait de me rendre utile tant que mon Souverain ne trouvera pas bon de justifier ma conduite politique et militaire.

Au reste que le prince Koutousoff se rejouisse de ses trophées, qu'il se repaisse de la pensée d'avoir jeté dans l'obscurité celui qui les lui a préparés (car il n'a rien fait que suivre aveuglement et il faut dire encore bien mollement le fil des événements dérivés par des opérations antérieures) La postérité impartiale jugera cependant j'espère avec plus de justice. Quant à moi la persuasion de n'être pas méconnu par mon Monarque et d'être ju-

stifié devant ma patrie, élevera mon âme au dessus de toute autre considération.

Je suis de Votre Majesté Impériale mon Auguste Maître le fidèle sujet.

Plock
le 27 Janvier
1813.

Переводъ.

Государы!

Милостивое письмо Вашего Императорскаго Величества отъ 24-го ноября есть явный и высокій знакъ благоволенія Монарха и трогательный залогъ для сердца вѣрноподаннаго. Оно возвратило утѣшеніе и спокойствіе моей душѣ. Оно было въ состояніи примирить меня съ участью, которая представлялась мнѣ тягчайшей въ мірѣ.

Хотя я успокоенъ мыслью, что я заслужилъ благосклонное вниманіе справедливейшаго изъ монарховъ, есть еще нѣчто, что угнетаетъ мою душу и дѣлаетъ неспособнымъ служить моему Государю и моему отечеству съ рвеніемъ и необходимою въ дѣлахъ увѣренностью. Вашему Величеству угодно было при изъявленіи мнѣ своего благоволенія позволить обнародовать краткое изложеніе кампаніи, чтобы снять пятно, брошенное въ глазахъ публики на мою репутацію. Благосклонность Вашего Величества дѣлаетъ меня лично счастливымъ. Но, только удовлетворивъ желаніе быть также оправданнымъ въ глазахъ всѣхъ, я могу возвратить себѣ мужество, увѣренность и силы, необходимыя для того, чтобы сдѣлаться еще полезнымъ для службы.

Если не будетъ позволено на это надѣяться (можетъ быть по политическимъ соображеніямъ, или ради государственныхъ интересовъ, которые требуютъ пожертвованія вѣрнымъ слугою), Ваше Величество мнѣ позволите, однако, выяснить съ тою откровенностью, держаться которой во всѣхъ случаяхъ по отношенію къ моему Государю я считалъ непремѣннѣйшей обязанностью, главныя причины, вынудившія меня просить объ отставкѣ въ ту самую минуту, когда каждый предлагалъ себя для защиты отечества, тѣмъ болѣе, что послѣдній разъ, когда я имѣлъ счастье представляться Вашему Величеству, мое сердце было слишкомъ угнетено, чтобы я могъ объясняться.

Вашему Императорскому Величеству угодно было, покидая армию, отдать въ мои руки судьбу Своихъ армій и Своей Имперіи. Я не оправдалъ бы этого довѣрія, если бы при веденіи операцій поставилъ себѣ цѣлью блестящую кампанію, съ которой была бы связана моя собственная слава, а не удачный исходъ всей войны путемъ са-

мага уничтоженія непріятели. Въ первомъ случаѣ я выигралъ бы лично, ибо я давалъ бы сраженія и былъ бы осыпанъ почестями и наградами; особенно если бы я могъ послѣдовать примѣру моихъ товарищей и вводить въ заблужденіе общество блестящими, но не вполне отвѣчавшими истинѣ, реляціями. Но еще счастливѣе для меня было бы то, что на мое имя не была бы брошена неблагопріятная и позорная тѣнь, въ которой оно представляется и въ настоящее время. Было-ли бы спасено тѣмъ отечество, и напелъ-ли бы мой преемникъ армію, съ которою впоследствии могъ бы совершенно уничтожить непріятели — вотъ вопросъ, который Ваше Величество можете лучше всѣхъ разрѣшить. Я увѣрилъ Ваше Величество, что не подвергну опасности бесполезной или несвоевременной гибели Вашу армію, единственную опору отечества, и, если не буду въ состояніи нанести непріятели рѣшительныхъ ударовъ сначала, то вся моя надежда будетъ основана на веденіи кампаніи въ позднее время года. Я сдержалъ свое обѣщаніе. Избѣгая рѣшительныхъ сраженій, я увлекалъ непріятели за собою, я удалялъ его отъ его источниковъ, приближаясь къ своимъ, и ослабилъ его въ частныхъ дѣлахъ, въ которыхъ я всегда имѣлъ перевѣсъ. Когда я почти довелъ до конца этотъ планъ и былъ готовъ дать рѣшительное сраженіе, князь Кутузовъ принялъ командованіе арміей.

Назначеніе генерала, старшаго въ чинѣ, который былъ облеченъ командованіемъ надъ всѣми арміями, было мѣрой необходимой, которую я желалъ самъ. Не только подъ начальствомъ князя Кутузова, подъ начальствомъ всякаго другого генерала я съ удовольствіемъ исполнилъ бы свою обязанность. Но я думалъ, что предшествовавшее поведеніе, которымъ спасъ Имперію, заслуживало нѣкотораго вниманія, вмѣсто того же я узналъ о назначеніи князя почти въ самую минуту прибытія его въ армію, такъ что въ результатѣ явилось выраженіе недовѣрія ко мнѣ и неодобреніе моего поведенія. Это должно было меня огорчить, но я успокоивалъ себя, будучи убѣжденъ, что меня оправдаютъ результаты кампаніи.

Ваше Величество поручили военное министерство другому. Мѣра одинаково необходимая, о которой я самъ ходатайствовалъ. Пламенное рвеніе и щепетильная честность, съ которыми я управлялъ этимъ министерствомъ, позволяли мнѣ рассчитывать на одобреніе Вашего Величества, ибо я былъ убѣжденъ, что, какъ министръ, я былъ Вамъ не бесполезенъ. Но хранимое на счетъ этого молчаніе причинило моему сердцу самую болѣзненную рану. Князь Кутузовъ объявилъ, что потеря Москвы была слѣдствіемъ потери Смоленска. И тогда я явился передъ Россією и Европою измѣнникомъ. Молчаніе, сохраняемое по отношенію ко мнѣ самимъ правительствомъ, и дозволеніе обнародовать официально это замѣчаніе должно было подтвердить всѣ

неблагопріятныя на мой счетъ мнѣнія. Я долженъ былъ испытать самыя оскорбительныя тому доказательства во время моего путешествія по внутреннимъ губерніямъ.

Убитый горемъ, я тяжело заболѣлъ во Владимірѣ и, находясь вдали отъ моихъ друзей и моего семейства, единственной опоры, которою я располагалъ, я просилъ дозволенія отправиться въ Петербургъ или Дерптъ, чтобы имѣть возможность возстановить тамъ свое здоровье—но мнѣ вернули моего адъютанта безъ отвѣта.

Послѣ всего этого и имѣя репутацію столь позорно заклеянную, я не могъ быть болѣе полезенъ Вашему Величеству.

Въ этихъ обстоятельствахъ моимъ долгомъ по отношенію къ Вашему Величеству и къ моей чести было просить объ увольненіи въ отставку. Я твердо рѣшился лучше впасть въ бѣдность, отъ которой я не избавился во время моей службы, нежели продолжать службу, въ которой за всѣ оказанныя мною услуги, за все мое усердіе и привязанность къ моему Государю я получилъ въ удѣлъ скорбь отъ злостнаго пятна, брошеннаго на мое доброе имя.

Таковы, Государь, причины, побудившія меня къ этому поступку. Моя замаранная репутація препятствовала бы мнѣ быть полезнымъ до тѣхъ поръ, пока мой Государь не найдетъ нужнымъ оправдать мою политическую и военную дѣятельность.

Впрочемъ, пусть князь Кутузовъ наслаждается своими побѣдами, пусть онъ думаетъ, что повергъ въ забвеніе того, кто ихъ ему подготовилъ (ибо онъ только слышно и, нужно сказать, довольно вяло слѣдовалъ теченію событій, явившихся слѣдствіемъ предшествовавшихъ операций), я надѣюсь, однако, что безпристрастное потомство произнесетъ судъ съ болѣею справедливостію. Что касается меня, убѣжденіе, что я былъ понятъ моимъ Монархомъ, и что я оправдался передъ моимъ отечествомъ, поставитъ мою душу выше всѣхъ другихъ соображеній.

Вашего Императорскаго Величества, моего Августѣйшаго Государя вѣрноподанный.

Плоцкъ

27-го января 1813 г.

11321